электронный научный журнал

Регионалистика

2020 Том 7 №6

regionalistica.org

В номере:

Социальный потенциал регионов
Дальнего Востока

Развитие минерально-сырьевого и лесного
комплексов Хабаровского края в периоды
кризисов и восстановления 2007–2020 гг.

Проблемы функционирования территорий
опережающего развития и свободного
порта Владивосток в Хабаровском крае

<http://doi.org/10.14530/reg.2020.6>

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2020 Том 7 № 6

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор: О.М. Прокапало,
д-р экон. наук

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)
проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)
д-р социол. наук С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)
д-р экон. наук Н.В. Ломакина (Хабаровск, Россия)
академик РАН П.А. Минакир (заместитель
главного редактора, Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук О.Г. Поливаева (Хабаровск, Россия)
Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук В.Н. Украинский (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук И.А. Свириденко (ответственный секре-
тарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

д-р экон. наук Н.Е. Антонова (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук А.Б. Бардаль (Хабаровск, Россия)
д-р филос. наук Л.Е. Бляхер (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)
д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)
д-р социол. наук К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)
д-р геогр. наук А.Н. Демьяненко (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук Д.А. Изотов (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук А.Г. Исаев (Хабаровск, Россия)
академик РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)
д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)
чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)
д-р экон. наук С.Н. Леонов (Хабаровск, Россия)
д-р социол. наук Э.О. Леонтьева (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук Н.П. Рыжова (Владивосток, Россия)
чл.-корр. РАН В.И. Суслов (Новосибирск, Россия)
д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)
д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)
д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ →

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В.

Ресурсные отрасли Хабаровского края
в условиях отрицательной динамики экономики..... 5

Веприкова Е.Б., Новицкий А.А., Гулидов Р.В.

Проблемы повышения бюджетной обеспеченности регионов Дальнего Востока 23

Исаев А.Г.

Возрастающая отдача от масштаба и экономический рост российских регионов:
эмпирическая проверка закона Вердоорна 39

Леонов С.Н., Толмачёв В.Д.

Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток
как инструменты реализации региональной политики в Хабаровском крае 49

Найден С.Н.

Социальный потенциал регионов Дальнего Востока: пространственный разрыв..... 66

Ступникова А.В.

Динамика пространственной дифференциации цен в городах ДФО
на фоне развития новых институциональных режимов..... 84

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ →

Домнич Е.Л.

Относительный уровень цен в городах и регионах: сравнительный аспект..... 94

Мухуддинов Ш.М.

Оценка инвестиционных позиций регионов Дальнего Востока 108

CONTENTS

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS →

Antonova N.E., Lomakina N.V.

Resource Industries of the Khabarovsk Territory in the Context
of Negative Economic Dynamics 5

Veprikova E.B., Novitskii A.A., Gulidov R.V.

Problems of Fiscal Capacity Increasing in the Regions of the Russian Far East..... 23

Isaev A.G.

Increasing Returns and Economic Growth of Russian Regions:
Empirical Verification of Verdoorn's Law 39

Leonov S.N., Tolmachev V.D.

Territories of Advanced Development and the Free Port of Vladivostok
As a Tools for Implementing Regional Policy in the Khabarovsk Territory..... 49

Naiden S.N.

Social Potential of the Regions of the Far East: Spatial Gap..... 66

Stupnikova A.V.

Dynamics of Spatial Differentiation of Prices in the Cities of the FEFD
on the Background of Development of New Institutional Regimes 84

INVITATION TO DISCUSSION →

Domnich Y.L.

Relative Price Levels in Cities and Regions: A Comparative Aspect..... 94

Mukhuiddinov S.M.

Assessment of the Investment Positions of the Russia Far East Regions..... 108

АНТОНОВА
Наталья
Евгеньевна

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

ANTONOVA
Natalia
Evgenyevna

Doctor of economics, chief
researcher

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

antonova@ecrin.ru

© Антонова Н.Е.,
Ломакина Н.В., 2020

УДК 338.1+330.15

РЕСУРСНЫЕ ОТРАСЛИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИКИ

Исследованы траектория и тренды развития ключевых комплексов (минерально-сырьевого и лесного) природно-ресурсного сектора экономики Хабаровского края в 2007–2020 гг., включающие как кризисные, так и восстановительные периоды. Выявлены основные воздействующие факторы позитивной и негативной направленности, в том числе внешние шоки и внутренние институциональные императивы, и их результаты для отраслей природно-ресурсного сектора Хабаровского края. Показаны тенденции отраслевой динамики производства, инвестиционной активности, вклада ресурсных отраслей в структуру и конечные результаты региональной экономики в условиях воздействия различных по своему характеру кризисов 2008–2009, 2014–2015 гг. и 2020 г.

Ресурсные отрасли, финансово-экономические кризисы, внешние шоки, институциональные императивы, минерально-сырьевой комплекс, лесной комплекс, динамика производства, инвестиционная активность, Хабаровский край

RESOURCE INDUSTRIES OF THE Khabarovsk Territory IN THE CONTEXT OF NEGATIVE ECONOMIC DYNAMICS

The trajectory and development trends of key complexes (mineral and raw materials and forestry) of the natural resource sector of the economy of the Khabarovsk Territory in 2007–2020, including both crisis and recovery periods, have been investigated. The main influencing factors of a positive and negative orientation, including external shocks and internal institutional imperatives, and their results for the industries of the natural resource sector of the Khabarovsk Territory are identified. The trends in the sectoral dynamics of production, investment activity, the contribution of resource industries to the structure and final results of the regional economy under the influence of crises of 2008–2009, 2014–2015 and 2020, different in nature, are shown.

Resource industries, financial and economic crises, external shocks, institutional imperatives, mineral resource sector, forest sector, production dynamics, investment activity, Khabarovsk Territory

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Хабаровского края «Исследование роли ресурсных отраслей в условиях отрицательной динамики экономики региона (на примере Хабаровского края)».

**ЛОМАКИНА
Наталья
Валентиновна**

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**LOMAKINA
Natalia
Valentinovna**

Doctor of economics, chief
researcher

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

lomakina@ecrin.ru

Введение

Вопросы исследования экономических кризисов всегда были в зоне внимания учёных, но особую актуальность приобрели в последнее время, когда российская экономика стала перманентно перетекать из одного кризиса в другой, пережив за последнее десятилетие два крупных кризиса (2008–2009 и 2014–2015 гг.) и вновь находясь в состоянии кризиса. В публикациях различных авторов обсуждаются вопросы источников и причин современных кризисов, направлений и силы их воздействия на различные сферы экономики (в том числе на отдельные отрасли и регионы), последствий и мер борьбы с кризисами [1; 15; 18; 19; 22].

Достаточно много публикаций посвящено анализу кризиса 2008–2009 гг. и его последствий [6; 12; 13; 23]. Источником кризиса для российской экономики стал внешний шок в виде мирового финансово-экономического кризиса. «Точкой отсчёта» явился финансовый кризис и сокращение спроса в США, что вызвало резкое падение предложения в странах-экспортёрах [6]. Главным следствием мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стало масштабное сокращение совокупного спроса в мировой экономике.

Под влиянием этих явлений Россия пережила в 2008–2009 гг. масштабный спад в экономике, который был самым глубоким среди ведущих держав мира [12]: темпы прироста ВВП снизились с 8,5% в 2007 г. до 5,2% в 2008 г., а в 2009 г. ВВП имел отрицательную динамику (–7,8%)¹.

Прирост экономики в России начался в 2010 г., положительную динамику обеспечивали доходы от экспорта углеводородов, но затем началось снижение темпов роста, происходившее тем не менее на фоне высоких цен на нефть и высокой доли нефтегазовых доходов в консолидированном бюджете России [17]. В 2011–2012 гг. существенно сократился прирост промышленного производства, при этом внутренний потребительский и инвестиционный спрос показывали положительную динамику [15].

В 2013 г. прирост ВВП стал отрицательным, а промышленное производство практически остановилось. По мнению А. Аганбегяна, период после кризиса 2008–2009 гг. в России можно назвать стагнацией, плавно переросшей в рецессию, а затем в кризис 2014–2015 гг. [1]. Причины наступившего кризиса были заложены как в предыдущем тренде развития экономики страны, характеризовавшемся сокращением социально-экономического роста, так и рядом внешних факторов: падение более чем в 2 раза экспортных цен на нефть,

¹ По данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/01-03.htm (дата обращения: 30.08.2020).

снижение валютных доходов, девальвация рубля по отношению к доллару, рост инфляции и т. д. [15]. Свою роль также сыграли политические санкции со стороны США и стран ЕС в связи с событиями на Украине, а также ответные санкции России.

Чтобы нивелировать влияние падающих «нефтяных» цен на сокращение бюджетных доходов, а также ограничить рост инфляции был введён плавающий курс рубля и повышена ключевая ставка ЦБ РФ [19], что привело к значительному удорожанию кредитных ресурсов и сделало инвестиционные кредиты недоступными для многих предприятий [1]. Это привело к снижению экономической активности и падению основных макроэкономических показателей: прирост ВВП в постоянных ценах опять приобрёл отрицательную динамику (в 2014 г. – 0,7%, 2015 г. – (–2,8%), 2016 г. – (–0,2%)¹. В качестве позитивного момента было получение российскими экспортёрами девальвационной маржи, что привело к росту доходов федерального бюджета на 11,3% [13].

К кризису 2020 г. экономика России подошла в состоянии «восстановительной стагнации» вместо восстановительного роста [14]. В отличие от кризиса 2014–2015 гг. современный экономический кризис носит масштабный мировой характер в результате действия глобального шока, как и кризис 2008–2009 гг., правда причины здесь не являются классическими, типа перегрева экономики. Тем не менее, задействованной опять оказалась «большая экономика»: в результате вспышки в Китае вирусной инфекции и последовавшей из-за этого приостановки производственной и потребительской активности в стране в ряде секторов мировой экономики возникли проблемы с поставками комплектующих для производства промышленных и потребительских товаров из КНР, как основного поставщика промежуточных товаров на мировые рынки [16]. В дальнейшем с распространением коронавирусной инфекции по миру началось широкомасштабное обрушение спроса, вызванное принудительной остановкой экономической активности. Это повлекло за собой обрушение производственного и потребительского спроса из-за сокращения доходов как бизнеса, так и населения.

Те же процессы начались в России, экономика которой оказалась под одновременным воздействием двух внешних шоков: сначала произошло ухудшение внешнеторговых условий в связи с очередным обвалом цен на нефть, которое затем усугубилось вынужденным резким сокращением деловой активности вследствие ограничений, направленных на сдерживание распространения вируса COVID-19. За январь – сентябрь 2020 г. ВВП России составил 96,6% к такому же периоду прошлого года². Резко сократился внешнеторговый оборот за счёт снижения объёмов экспорта из-за падения цен на углеводороды, произошла девальвация рубля – с января по октябрь 2020 г. – более чем на 25%³.

Последствия кризиса в конкретном регионе зависят от структуры его экономики и степени связанности с глобальной экономикой [6]. Шоки остального мира могут передаваться региону напрямую или через национальную экономику. Подробный разбор проявления кризиса 2008–2009 гг. на региональном уровне, в том числе в отраслевом разрезе был выполнен в совместной монографии ряда российских академических и образовательных организаций [23].

Структура экономики Хабаровского края является довольно диверсифицированной, представлена отраслями как добывающих, так и обрабатывающих секторов экономики, однако, исходя из доли добывающего сектора в показателе ВРП и соотношения долей добывающе-

¹ По данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b17_13/IssWWW.exe/Stg/d02/12-01.doc (дата обращения: 30.08.2020).

² По данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800> (дата обращения: 30.08.2020).

³ Курс на падение – что будет с экономикой России? URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/kurs-na-padenie-chto-budet-s-ekonomikoiy-rossii-20201013-115511> (дата обращения: 13.10.2020).

го и обрабатывающего секторов в ВРП Хабаровского края, его экономику можно отнести к ресурсозависимой [24]. Ресурсные отрасли имели зачастую разнонаправленную экономическую динамику, однако, роль природно-ресурсного сектора в региональной экономике определённо возросла, и, прежде всего, горнодобывающего комплекса [20].

Цель данной статьи – оценить ситуацию в отраслях природно-ресурсного сектора Хабаровского края (минерально-сырьевой и лесной комплексы) в условиях отрицательной динамики кризисов 2008–2009, 2014–2015 гг. и 2020 г.

Минерально-сырьевой комплекс Хабаровского края: траектория и тенденции развития

Результаты одного из исследований факторов финансовой нестабильности для российской экономики в период 2004–2016 гг. (включающий как кризисные, так и восстановительные «отрезки») показали, что добывающая отрасль «оказалась самым сильным абсолютным стабилизатором финансовой доходности в стране», «основным демпфером общей волатильности (её вклад в доходность превышает вклад в риск почти на 14,5%)» [7].

Вряд ли эти оценки напрямую можно отнести к региональному уровню, тем не менее, проследить реакцию ресурсных отраслей в отдельной территориальной системе также представляется небезынтересным. Отдельные качественные оценки ситуации в горнодобывающей промышленности Дальневосточного региона, её откликах, проблемах и возможностях развития в кризисные и посткризисные периоды последнего двадцатилетия были представлены в ряде работ, в том числе и авторов статьи [3; 10; 23].

Хабаровский край не относится к тем дальневосточным территориям, где добыча полезных ископаемых является отраслью специализации. Тем не менее, его минерально-сырьевой комплекс важен не только для региональной экономики, но и для национальной – по отдельным видам ресурсов. В структуре экономики Хабаровского края вид экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (ВЭД ДПИ) представлен предприятиями по добыче топливно-энергетических ресурсов (уголь), драгоценных (золото, серебро, платина) и цветных (медь, олово) металлов, общераспространённых полезных ископаемых. При этом в стоимостной структуре продукции ВЭД ДПИ преобладает добыча драгоценных металлов (порядка 85%).

Что касается основных статистических показателей по данному виду экономической деятельности в целом, то в кризисный период 2008–2009 гг., на первый взгляд, они особой тревоги не вызывали (*табл. 1*).

Индексы производства за пятилетний период (2005–2009 гг.), включая и «кризисный отрезок», не отражают катастрофического падения и вполне соответствуют общей тенденции агрегированного индекса по Хабаровскому краю. При этом, если просроченная кредиторская задолженность по всей промышленности края в кризисные годы «подскочила» до 15–17%, то по ВЭД ДПИ (кроме топливно-энергетических ресурсов) она находилась на уровне 1,5–2%. При общем снижении прибыльности производства и увеличении числа убыточных предприятий в промышленности края в целом, в «Добыче полезных ископаемых» наблюдался положительный и динамично возрастающий сальдированный финансовый результат и, соответственно, существенный рост уровня рентабельности (*табл. 2*).

Таблица 1

Динамика производства в ВЭД ДПИ по сравнению с общепромышленной динамикой
в Хабаровском крае, % к предыдущему году

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009
Агрегированный индекс производства по всем видам деятельности	104,5	89,3	109,1	87,9	94,3
Индекс производства по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых», в том числе:	91,7	89,6	100,0	103,9	94,5
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	81,5	93,4	123,3	93,6	121,4
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	92,6	89,4	98,7	104,6	92,8

Источник: составлено по: Производство товаров и услуг в Хабаровском крае : Стат. сб. Хабаровск: Хабаровск-стат, 2010. 73 с.

Таблица 2

Динамика рентабельности продукции, %

Вид экономической деятельности	2005	2006	2007	2008	2009
Промышленность в целом	5,6	5,5	2,0	4,8	4,3
Добыча полезных ископаемых	16,5	26,6	18,1	20,2	43,2
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	18,9	32,0	17,9	23,8	48,9

Источник: составлено по: Производство товаров и услуг в Хабаровском крае : Стат. сб. Хабаровск: Хабаровск-стат, 2010. 73 с.

Что касается ситуации по отдельным видам продукции, то в кризисный период тенденции добычи драгоценных и цветных металлов в Хабаровском крае были различны. Уровни добычи золота и платины определялись в основном технологией добычных работ и их сезонностью. Позитивная динамика мировых цен на золото и другие важнейшие драгоценные металлы определила достаточно стабильную ситуацию в этой подотрасли минерально-сырьевого комплекса (МСК) Хабаровского края. Тем не менее, определённые кризисные воздействия наблюдались и здесь. При усложнении условий выдачи кредитов и повышении процентных ставок по ним ряд мелких артелей вообще не смогли приступить к сезону. Недостаток финансовых средств повлиял на объёмы добычи и в отдельных крупных компаниях. Так, не смогли обновить технику и оборудование ОАО «Артель старателей «Амур» и ЗАО «Многовершинное», в результате чего оказались не выполнены необходимые объёмы вскрышных работ и усложнены условия добычи на месторождениях Кондер и Многовершинное.

Наиболее существенно кризис повлиял на работу предприятий по добыче цветных металлов (олова и меди). В условиях падения мировых цен в 1,5–2 раза и отсутствия у предприятий оборотных средств добыча и переработка цветных металлов резко упала, а в отдельные периоды просто была остановлена (например, в 4 кв. 2008 г.). В 2009 г. работа была возобновлена, однако сложившиеся уровни цен и затрат не могли обеспечить её рентабельности.

В 3–4 кв. 2009 г. мощности Солнечной обогатительной фабрики были остановлены и практически заморожены по 2 кв. 2010 г., в том числе и в результате природных стихийных бедствий.

В последующие периоды разнонаправленные колебания динамики производства были также характерны для горнодобывающего комплекса Хабаровского края. И эти колебания определялись как количественными и качественными изменениями в самом МСК (истощение и выбытие отдельных месторождений, запуск инвестпроектов на новых месторождениях), так и общеэкономическими условиями (в частности, периодическими кризисами разного масштаба и уровня, скачками мировых цен на сырьевых рынках). Динамика добычи ключевых видов полезных ископаемых в Хабаровском крае в 2011–2018 гг. представлена в *таблице 3*.

Таблица 3

Динамика добычи ключевых видов полезных ископаемых в Хабаровском крае
(в натуральном выражении), % к предыдущему году

Год	Золото	Платина	Серебро	Олово
2011	96,1	131,7	...	125,3
2012	125,1	99,9	157,9	136,6
2013	114,3	94,0	63,8	74,4
2014	96,0	67,4	89,8	172,7
2015	95,4	118,8	71,9	179,7
2016	103,7	53,8	86,0	108,5
2017	118,6	84,0	129,9	161,2
2018	107,1	17,8	95,1	150,8

Источники: составлено по: Горнодобывающий комплекс. Хабаровский край. URL: <https://invest.khv.gov.ru/O-Nabarovskom-krae/Otrasli/45> (дата обращения: 08.12.2020); Оперативные производственно-экономические показатели работы отрасли. URL: <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Nedropolzovanie/24> (дата обращения: 08.12.2020).

Для развития МСК Хабаровского края в посткризисный период стали характерны не только сохранение ведущей роли золотодобывающей отрасли, но и появление отдельных структурных изменений. Прежде всего следует отметить восстановление отрасли по добыче олова: в 2011 г. на Правоурмийском месторождении была модернизирована обогатительная фабрика, в 2013 г. началось восстановление Солнечного горно-обогатительного комбината, в 2015 г. – расконсервирован рудник Молодёжный на Фестивальном месторождении. В конце 2016 г. введена в строй Солнечная обогатительная фабрика (проектная мощность 1,5 тыс. т олова в концентрате в год). В 2016 г. было добыто 618 т металла на месторождении «Правоурмийское» в Хабаровском крае (около 10% российской годовой потребности в олове). Проектируемая мощность комбината на Правоурмийском месторождении 5 тыс. т в год. Уровень производства в 2017–2018 гг. превысил 1 тыс. т оловянного концентрата. Хабаровский край стал единственным российским регионом, где ведётся добыча олова, объёмы которой выросли практически в 6 раз – с 130 т в 2009–2011 гг. до более чем 1 тыс. т в 2017–2018 гг. Проект освоения Правоурмийского месторождения включён в 2018 г. в состав ТОП «Комсомольск» – со всеми причитающимися преференциями. Горно-обогатительный комбинат планируется к вводу в 2022 г., с выходом к 2024 г. на полную мощность (600 тыс. т руды в год или 4,5 тыс. т

олова в концентрате). Для освоения Правоурмийского месторождения необходима грунтовая автомобильная дорога (87,8 км от пос. Сулук), которая будет строиться силами инвестора с предоставлением по факту выполненных работ субсидии из федерального бюджета¹.

В рамках оценки последствий кризиса 2008–2009 гг. мы отмечали, что события, связанные с глобальным финансово-экономическим кризисом, конечно, не могут не повлиять на инвестиционное обеспечение ресурсных проектов, но скорее в тактическом смысле, как вынужденная сдвигка во времени их осуществления [9]. Так, собственно, все эти годы и происходило. В период 2009–2019 гг. доля инвестиций по ВЭД ДПИ в общем объёме инвестиций в основной капитал в Хабаровском крае колебалась значительно – от 4,8 до 10,8%. Однако в целом за период инвестиции в этот сектор были существенны, при этом их объём и график реализации определяются преимущественно планами крупных компаний по освоению минеральных ресурсов Хабаровского края. В период 2010–2020 гг. в минерально-сырьевом комплексе Хабаровского края реализуется целый пакет значимых инвестиционных проектов, в том числе:

- строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогатительного комбината на золоторудном месторождении Белая Гора (2012–2017 гг., инвестиции – более 5,9 млрд рублей, объём переработки руды – около 1,7 млн т в год);
- освоение золоторудного месторождения Нони (2017–2020 гг., инвестиции – более 2,4 млрд рублей, объём добычи – около 800 кг золота в год, создание 340 новых рабочих мест);
- строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогатительного комплекса на золоторудном месторождении Перевальное (инвестиции – 1,3 млрд рублей, мощность по переработке руды – 100 тыс. т и добыче 1,8 т золота в год, создание 320 новых рабочих мест);
- строительство и ввод в эксплуатацию горнодобывающего предприятия на золоторудном месторождении Светлое (2015–2017 гг., инвестиции – около 4,0 млрд рублей, добыча золота – более 3 т, создано 530 рабочих мест, включено в реестр участников региональных инвестиционных проектов, РИП);
- ряд инвестиционных проектов по геологическому изучению и дальнейшему освоению новых месторождений на территории Хабаровского края.

В «Стратегии...» долгосрочного развития диверсифицированной экономики Хабаровского края традиционные ресурсные отрасли (и прежде всего горнодобывающая) не теряют своей роли в качестве ключевых комплексов-драйверов роста, при этом технологически обновлённых и конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках². Так, по оценке Министерства экономического развития Хабаровского края, доля ВЭД ДПИ в структуре инвестиционного портфеля региона возрастет с 6% в 2012 г. до 9% в 2025 г. с соответствующим увеличением их вклада в конечные показатели региональной экономики. Так, например, в пакете «Особо крупных проектов» проект строительства горно-обогатительного комбината на Малмыжском золото-медно-порфировом месторождении (Нанайский район Хабаровского края) обеспечивает 20% вклада всего этого пакета в валовую добавленную стоимость края (при его доле в инвестициях всего пакета порядка 13%). Предусматривается строительство горно-обогатительного комбината производственной мощностью первой очереди по добыче 20 млн т руды и производству 75 тыс. т меди и 3,6 т золота в концентрате в год. Необходимые инвестиции для этих целей составят более 1,5 млрд долларов. При этом будет создано более 2,5 тыс. новых рабочих мест. Малмыжское месторождение предполагается к запуску после 2025 г. Реализация этого

¹ Горно-обогатительное предприятие в ТОР «Комсомольск» получит субсидию на строительство инфраструктуры. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/177286> (дата обращения: 24.08.2020).

² Постановление Правительства Хабаровского края № 215-пр от 13 июня 2018 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года».

инвестпроекта формирует новую отрасль национальной специализации в горнодобывающем комплексе края – добыча и переработка меди.

Только этим проектом не исчерпывается перспективный пакет горнодобывающего комплекса в рамках «Стратегии...» развития Хабаровского края до 2030 г. В планах инвесторов и развитие второй очереди Амурского горно-металлургического комбината в г. Амурске (АО «Полиметалл»), и освоение новых золоторудных месторождений.

Результатом такой «инвестиционной накачки» становится дальнейший рост значения МСК в экономике Хабаровского края. На [рисунке 1](#) представлена тенденция последнего десятилетия, отражающая значение минерального сектора в экономике в целом и в промышленности региона: наблюдается стабильный и устойчивый рост этих показателей.

Рис. 1. Роль ВЭД ДПИ в экономике Хабаровского края, %

Источники: составлено по: Промышленное производство. URL: https://gks.ru/enterprise_industrial?print=1 (дата обращения 23.06.2020); Официальные статистические публикации Хабаровскстата. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66941> (дата обращения: 08.07.2020); Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД-2007 (КДЭС Ред. 1.1) (2004–2015 гг.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-vrp2.html> (дата обращения: 30.08.2020); Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред. 2) (2016–2018 гг.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-vrp3.html>. (дата обращения: 30.08.2020).

Что касается тенденций развития МСК в условиях кризиса 2020 г., то, при всей новизне причин этого кризиса, ключевые факторы воздействия для комплекса оказались «привычны» – мировые цены на драгоценные металлы (прежде всего золото) и соотношение курсов рубля и доллара. И в условиях кризиса 2020 г. это сочетание оказалось крайне удачным для золотодобычи: и рост мировых цен, и валютный курс являются стимулами позитивного развития отрасли.

Поскольку добыча драгоценных металлов является преобладающей в стоимостной структуре ВЭД ДПИ в Хабаровском крае, то это обеспечивает и в целом неплохую динамику комплекса. Так, сравнение индексов производства по ВЭД ДПИ за шестилетний период (2015–2020 гг.) по соответствующим периодам (январь – октябрь) не отражает пока каких-то особенностей ([рис. 2](#)).

Рис. 2. Динамика производства в промышленности и ВЭД ДПИ Хабаровского края, % к соответствующему периоду предыдущего года (январь – октябрь)

Источники: составлено по: Социально-экономические показатели Хабаровского края (оперативная информация). Индекс промышленного производства. URL: <https://rosstat.gov.ru/region/ind1108/IssWWW.exe/Stg/d000/i000010r.htm>; Индексы производства по видам деятельности. URL: <https://rosstat.gov.ru/region/ind1108/IssWWW.exe/Stg/d000/i000015r.htm> (дата обращения: 22.12.2020).

Новым фактором влияния на экономическое положение компаний горнодобывающего комплекса в условиях современного кризиса стали санитарно-эпидемиологические ограничения и их последствия. Так, совершенно новые акценты приобрёл давно дискутируемый вопрос о существенном использовании вахтовиков (в том числе и внешних мигрантов) в структуре занятых в ВЭД ДПИ. И если до кризиса 2020 г. он обсуждался, прежде всего, с точки зрения недостаточности использования местных трудовых ресурсов, некорректного учёта реально используемых в ВЭД ДПИ трудовых ресурсов, что формирует искажённое представление о системе расселения и необходимых масштабах развития социальной инфраструктуры на локальных территориях [8], о реальной социально-экономической отдаче ДПИ в региональной экономике [3], то в настоящее время возникли и новые вопросы. «Фактор вахтовиков» проявился в невозможности обеспечить производственный процесс кадрами из-за возникавших ограничений меж- и внутрирегиональных перевозок, в дополнительных затратах не только компаний, но и региональных властей на обеспечение эпидемиологических требований, в возникновении локально-производственных очагов инфекции преимущественно в труднодоступных и недостаточно экономически освоенных территориях, в том числе и Хабаровского края.

Лесной комплекс в кризисных и межкризисных условиях

Для лесного комплекса региона влияние кризисных явлений последнего десятилетия оказалось двояким. С одной стороны, негативный кризисный тренд в экономике страны и края проецировался и на отрасль. С другой стороны, для экспортоориентированного комплекса, 90% продукции которого поставляется на внешний рынок, валютная волатильность, сопровождавшая кризисные явления в России, оказывала позитивное влияние на экономические показатели комплекса.

По нашим оценкам, лесной комплекс (ЛК) Хабаровского края уже начал входить в кризисное состояние, когда влияние мирового кризиса 2008–2009 гг. ещё не проявилось в комплексе. Впервые за много лет произошёл спад объёма производства необработанной древесины (*табл. 4*), что было вызвано сокращением спроса на неё на внешнем рынке.

Таблица 4

Показатели производства лесопромышленной продукции
в Хабаровском крае в 2007–2009 гг., млн м³

Показатель	2007	2008	2009
Производство необработанной древесины	8,8	7,3	5,2
Производство пиломатериалов	0,7	0,5	0,5

Источник: составлено по: Лесопромышленный комплекс края в современных экономических условиях : стат-сборник. Хабаровск: Хабаровсккрайстат, 2011. 26 с.

Снижение производства и экспорта необработанной древесины началось со второго квартала 2008 г. Причина такого падения – введение в 2007 г. первого этапа повышения вывозных пошлин на необработанную древесину (с 6,5 до 20%), что вызвало резкое снижение объемов поставок в Японию. Второй этап – увеличение в 2008 г. пошлин до 25% – привёл к сокращению импорта древесины Китаем, основным потребителем древесины из Хабаровского края (рис. 3).

Рис. 3. Динамика объемов экспорта необработанной древесины из Хабаровского края в Китай, Японию и Республику Корея, тыс. м³

Источник: составлено по: [23].

В условиях начавшегося мирового финансового кризиса Правительство РФ приняло в конце 2008 г. решение отсрочить третий этап поднятия пошлин (до 80%) на необработанную древесину. Однако практически все лесопромышленные предприятия не смогли заключить контракты со своими партнёрами на поставку древесины на 2009 г. и остались без рынков сбыта. Это привело к падению доходов в экспортоориентированном ЛК края, сокращению поступлений в бюджет: налоговые поступления в бюджет Хабаровского края сократились за 8 мес. 2008 г. на 39% по сравнению с 2007 г. Валютная выручка упала в 2008 г. на 14% из-за падения цен на российскую древесину и пиломатериалы на внешнем рынке в среднем на 25–30%, а также роста себестоимости необработанной древесины из-за удорожания транспортных тарифов¹.

¹ Хабаровский край: о перспективах развития лесопромышленного комплекса. URL: <https://lesprominform.ru/news.html?id=364> (дата обращения: 02.10.2020).

Непосредственно кризисные явления начали сказываться на показателях ЛК Хабаровского края в ноябре и декабре 2008 г., когда началось общее падение спроса на необработанную древесину в Японии, Китае, Республике Корея. Проблемы на рынке жилищного строительства в США, начавшиеся ещё в 2006 г. из-за неуплаты необеспеченных ипотечных кредитов, привели к падению спроса на лесопромышленную продукцию. Поскольку США являлись крупнейшим мировым импортёром этой продукции, в том числе из Китая, то произошедшее в КНР сокращение объёмов производства и экспорта продукции деревопереработки вызвало сокращение спроса на древесину из России, в том числе из Хабаровского края.

Соответственно, объёмы производства в лесном комплексе Хабаровского края за январь – февраль 2009 сократились по сравнению с аналогичными показателями 2008 г. более чем на 40%. По сравнению с 2007 г. число убыточных предприятий в 2008 г. выросло почти на 30%, прибыль предприятий сократилась в 4 раза, убытки возросли в 3 раза, в целом сальдированный финансовый результат стал отрицательным [23].

В результате действия двойного внешнего шока – сокращения совокупного спроса в мировой экономике как следствия общего мирового кризиса и падения спроса на азиатских лесных рынках как отклика на институциональные новации российского правительства – лесной комплекс Хабаровского края сократил свой вклад в его экономику (*табл. 5*), в том числе и его доля в ВРП в 2008 г. снизилась почти в 2 раза – с 4,6 до 2,5%. При этом свою роль базового экспортёра края лесной комплекс сохранил и в кризисные 2008–2009 гг.

Таблица 5

Показатели вклада ЛК в экономику Хабаровского края в 2007–2009 гг.

Показатель	2007	2008	2009
Экспорт лесопродукции, млн долларов США	975	842	506
Доля ЛК в экспорте края, %	50,5	43,9	50,0
Налоги в бюджет края, млрд рублей	1,2	0,8	0,8
Доля ЛК в налогах в краевой бюджет, %	3,5	1,8	2,0
Численность занятых, тыс. человек	17,2	15,8	13,4
Доля ЛК в численности занятых в экономике края, %	2,4	2,2	1,9

Источник: составлено по: [23].

Поскольку внешний фактор является определяющим в развитии ЛК края, улучшение ситуации на внешних рынках сразу же отразилось на его параметрах. В связи с ростом спроса в Китае на хвойные пиломатериалы импорт этой продукции вырос на 28% за 6 мес. 2009 г. Это вызвало оживление производства в краевом ЛК, тем не менее, в 2009 г. физический объём экспорта необработанной древесины (основы экспорта) составил лишь 72%, а стоимостной – 61% к уровню 2008 г. [2].

С 2008 г. в ЛК Хабаровского края началась активная инвестиционная деятельность по созданию деревообрабатывающих производств: сразу пять инвестиционных проектов были введены в стадию реализации. Однако сокращение валютной выручки как основного источника выплаты кредитов в 2010–2013 гг. привело к дефициту средств для возврата кредитных займов под эти цели, что ухудшило финансовое положение лесопромышленных предприятий.

В кризис 2014–2015 гг. лесной комплекс Хабаровского края вошёл в довольно нестабильном состоянии, однако в результате девальвации рубля условия для дальневосточных лесоэкспортёров стали более выгодными с точки зрения роста валютной выручки. В 2015 г. Китай увеличил спрос на хвойные пиломатериалы, и, несмотря на низкую цену, поставки из России увеличились, достигнув 52% от китайского импорта этого вида продукции. Что касается необработанной древесины, то цены и объёмы импорта в КНР на неё сократились в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом на 11 и 7% соответственно¹.

В результате действия двух разнонаправленных факторов – девальвации рубля и нестабильной ситуации с конъюнктурой на внешнем рынке, которые отчасти нейтрализовали друг друга, лесной комплекс Хабаровского края вышел на некоторую стабилизацию производственных показателей (*табл. 6*), которая продолжилась в 2016 и 2017 г. Соответственно, вклад ЛК в экономику края также стабилизировался (*табл. 7*).

Таблица 6

Показатели производства лесопромышленной продукции
в Хабаровском крае в 2013–2015 гг., млн м³

Показатель	2013	2014	2015
Производство необработанной древесины	5,3	5,8	6,1
Производство пиломатериалов	0,9	0,8	0,9

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm (дата обращения: 02.10.2020).

Таблица 7

Показатели вклада ЛК в экономику Хабаровского края в 2013–2015 гг.

Показатель	2013	2014	2015
Экспорт лесопродукции, млн долларов США	540	586	451
Доля ЛК в экспорте края, %	35,9	40,8	39,5
Налоги в бюджет края, млрд рублей	0,7	0,7	0,8
Доля ЛК в налогах в краевой бюджет, %	1,4	1,5	1,5
Численность занятых, тыс. человек	15,3	15,4	15,4
Доля ЛК в численности занятых в экономике края, %	2,1	2,1	2,1

Источники: рассчитано по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России, ФНС России и Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm (дата обращения: 02.10.2020).

В 2017 г. произошёл перелом в ценовой тенденции на китайском рынке: цена на древесину из Хабаровского края повысилась сразу на 12%, что вызвало рост физических объёмов поставок в 2017–2018 гг. Цены на пиломатериалы из края также выросли – 2,5% в 2017 г. и 14,4% в 2018 г., увеличились и физические объёмы поставок – на 15% в 2017 г. и на 3% в 2018 г.²

¹ В 2015 г. Китай сократил импорт пиловочника из России на 7%. URL: <http://www.lesprom.com/ru/news/72279> (дата обращения: 02.10.2020).

² По данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/2017> (дата обращения: 01.10.2020).

Улучшение конъюнктуры на внешнем рынке положительно сказалось на показателях лесного комплекса Хабаровского края.

Благоприятная конъюнктура продолжалась недолго: в 2019 г. произошло падение объёмов экспорта необработанной древесины из-за увеличения пошлин на дальневосточную древесину (до 40%) и обвала цен на китайском рынке лесного сырья (на 25–30% вследствие торговой войны КНР с США). Соответственно, объёмы экспорта с Дальнего Востока сократились на 28% по сравнению с предыдущим годом¹. Экспортная выручка поставщиков из Хабаровского края упала в 2019 г. больше чем на 20% по сравнению с 2018 г. Качественно новым явлением стал перелом в продуктовой структуре лесного комплекса Хабаровского края в пользу деревопереработки: её продукция (пиломатериалы, шпон и пеллеты) составила 51% в стоимостной структуре лесного экспорта. Но этот рост не компенсировал общего падения валютных доходов лесного комплекса, поскольку темп сокращения экспортных объёмов необработанной древесины был выше.

Дальнейший рост экспортных пошлин (за рамками специальных дальневосточных квот пошлина увеличилась с 25 до 40% в 2019 г., до 60% – в 2020 г., а с 2021 г. она возрастет до 80%) вкупе с неблагоприятной конъюнктурой на внешнем рынке привели к сокращению производства и экспорта хвойной древесины – основного вида лесопромышленной продукции края. За 2017–2019 гг. производство физических объёмов хвойной древесины сократилось на 10%, экспорт по физическим и стоимостным показателям сократился в 1,6 и 1,7 раза соответственно². Индекс промышленного производства по лесозаготовкам в 2018 г. составил 94,5%, в 2019 г. – 97,3%³. Так что к кризису 2020 г. лесной комплекс Хабаровского края снова подошёл в состоянии «восстановительной стагнации» [13].

Кризисные явления 2020 г. оказали на ЛК Хабаровского края своё отрицательное влияние, но эти последствия не стали драматическими. Даже несмотря на временную приостановку в Китае производственной активности, спрос на древесину и изделия из неё в последующие месяцы выровнялся. Это обеспечило по итогу за 9 мес. лишь небольшое снижение цены и объёма необработанной древесины из Хабаровского края, по сравнению с ожидаемым (рис. 4). При этом по пиломатериалам цена даже выросла.

Наибольшее падение как по цене, так и по объёмам произошло с лущёным шпоном из-за сокращения спроса на него в Японии, которая является основным импортёром этой продукции из края. Неожиданно вырос спрос на пеллеты (древесные гранулы) – Республика Корея увеличила их импорт в 3,7 раза, кроме того, добавился новый импортёр пеллет – Япония. Однако доля этого вида продукции незначительная, даже при таком существенном увеличении объёмов доля пеллет выросла с 1 лишь до 4% в объёме лесного экспорта края (рис. 5).

Негативным последствием кризиса для российских, в том числе краевых лесоэкспортеров, ориентированных на Китай, стал рост стоимости логистики из-за дефицита и подорожания почти в 2 раза контейнерных перевозок⁴. Кроме того, общим удорожающим фактором явилась необходимость организации защитных противовирусных мер на производстве. Но в очередной раз экспортоориентированный комплекс «выручила» девальвация рубля, которая позволила компенсировать снижающиеся объёмы экспорта и возникающие дополнительные

¹ Дальневосточный лес гнётся под пошлиной. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4227170> (дата обращения: 10.02.2020).

² Рассчитано по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России.

³ По данным Министерства промышленности Хабаровского края. URL: <https://minprom.khabkrai.ru> (дата обращения: 02.10.2020).

⁴ Глава Segezha group Михаил Шамолин о новых правилах игры в лесной отрасли. https://www.kommersant.ru/doc/4613319?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (дата обращения: 14.12.2020).

затраты. В результате доля лесного комплекса в показателях краевого экспорта и собираемых налогов снизилась незначительно (*табл. 8*).

Рис. 4. Изменение показателей экспорта по основным видам лесопромышленной продукции за 9 мес. 2020 г. к такому же периоду 2019 г., %

Источник: рассчитано по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России.

Рис. 5. Стоимостная структура экспорта основных видов лесопромышленной продукции в 2020 г., %

Источник: рассчитано по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России.

Таблица 8

Показатели вклада ЛК в экономику Хабаровского края за 9 мес. 2019 и 2020 г.

Показатель	9 мес. 2019	9 мес. 2020
Экспорт лесопродукции, млн долларов США	363,0	352,1
Доля ЛК в экспорте края, %	28,6	26,9
Налоги в бюджет края, млрд рублей	0,83	0,78
Доля ЛК в налогах в краевой бюджет, %	1,48	1,45

Источники: рассчитано по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России и ФНС России.

Заключение

Как показывают исследования значения ресурсных отраслей в ситуациях финансово-экономической нестабильности, «страны, богатые природными ресурсами, пострадали от кризиса в относительно меньшей степени, ... ресурсное богатство становится статистически значимым фактором, смягчившим спад производства в широкой выборке стран» [7]. В регионах ресурсного типа сырьевые отрасли, доминируя в структуре основных макроэкономических показателей, служат «амортизатором» их падения в условиях отрицательной динамики.

Следует отметить, что траектория развития минерально-сырьевого комплекса Хабаровского края в современный период острых кризисов (2008–2009, 2014–2015 гг. и 2020 г.) и посткризисного восстановления вполне соответствовала логике развития российской отрасли по добыче драгоценных металлов [21]. Преобладание в структуре МСК Хабаровского края именно этих производств позволяет обозначить те же тенденции и этапы:

- 1990-е гг., характеризующиеся снижающимся уровнем добычи золота;
- с 2008 по 2012 г. – период восстановления объёмов добычи, а также активный её рост за счёт высоких темпов роста цен на золото;
- период после кризиса 2014–2015 гг., характеризующийся позитивными темпами роста объёмов добычи и увеличения цены на золото в рублях из-за девальвации рубля на фоне сохраняющихся низких мировых (долларовых) цен на золото;
- кризис 2020 г. – существенный рост мировых цен на золото и снижение курса рубля, стимулировавшие поддержание и рост добычи драгоценных металлов.

Для экспортоориентированного лесного комплекса Хабаровского края, «привязанного» последние два десятилетия, по сути, к одному потребителю, влияние кризисов за эти годы является во многом опосредованным – экономическое состояние определяется преимущественно конъюнктурой на китайском рынке. При этом, как и для минерально-сырьевого комплекса девальвация рубля, сопутствующая кризисным явлениям в России, действует на лесной комплекс как положительный фактор. Помимо кризисных явлений, дополнительным «прессом» для ЛК края выступает внедрение не очень продуманных институциональных изменений, перманентно происходящих в общетрасловом формате в последнее десятилетие. Этот провал в области экономических институтов влияет на частоту и масштабы спровоцированных внешними шоками среднесрочных рецессий [14]. В сентябре 2020 г. Президент РФ анонсировал¹ полный запрет на экспорт необработанной древесины (начиная с 2022 г.) в качестве очередной меры по декриминализации отрасли и обеспечения благоприятных условий для инвестиций в лесной комплекс. На наш взгляд, частая изменчивость регулирующих инструментов, вкуче с часто меняющейся конъюнктурой на внешнем рынке, повышает уровень неопределённости условий ведения бизнеса.

Характеризуя в целом траекторию развития значимых для экономики Хабаровского края отраслей природно-ресурсного сектора (минерально-сырьевого и лесного комплексов) в периоды кризисов и посткризисного восстановления следует отметить, что, несмотря на сложные финансово-экономические и институциональные условия, этим ресурсным секторам Хабаровского края удавалось «оставаться на плаву». Однако эта ситуация не гарантирована и не позволяет рассчитывать на устойчивую отдачу этого сектора в региональной экономике. С точки зрения прямого вклада в экономику края природно-ресурсный сектор является значимым и весьма эффективным, но, как показали проведённые ранее исследования [4], с точки зрения

¹ Совещание о развитии и декриминализации лесного комплекса. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 10.10.2020).

формирования мультипликаторов и взаимосвязей с другими отраслями экономической системы края для ресурсного сектора характерна узость межотраслевых связей, то есть небольшое количество отраслей реагирует на импульсы ресурсного сектора. Такие характеристики обусловлены именно преобладанием сырьевых производств и ориентацией продукции сектора на экспорт. Поэтому вопросы воспроизводства сырьевой базы и диверсификации ресурсных отраслей, более глубокого встраивания их в экономику региона по-прежнему не перестают быть актуальными.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Экономика России: от стагнации к рецессии // Деньги и кредит. 2016. № 5. С. 10–20.
2. Антонова Н.Е. Возможности для развития несырьевого экспорта лесного комплекса приграничных регионов // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 31–41. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.3.31>
3. Антонова Н.Е., Волков Л.В., Ломакина Н.В., Сухомиров Г.И. Ресурсные отрасли Дальнего Востока: динамика развития и внешние взаимодействия. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 181 с.
4. Антонова Н.Е., Дёмина О.В., Захарченко Н.Г., Ломакина Н.В., Сухомиров Г.И. Оценка роли ресурсного сектора в экономике региона: пример Хабаровского края // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 2. С. 42–70.
5. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Инвестиции и экономическое развитие: сравнительный анализ для регионов России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 8. С. 101–111. <http://dx.doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111>
6. Горюнов А.П. Воздействие мирового финансового кризиса на экономику региона: Хабаровский край // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 7–29. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2011.1.007-029>
7. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23. <http://dx.doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-4-23>
8. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Современная теория освоения: поиски интегрирующей платформы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 2 (64). С. 16–28. <http://dx.doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.2.2019.64.16-28>
9. Калашиников В.Д., Ломакина Н.В. Возможности и ограничения ресурсного развития Дальнего Востока // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2010. № S4. С. 321–325.
10. Ломакина Н.В. Минеральный сектор экономики Дальнего Востока: проблемы и возможности развития в кризисный период // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 1. С. 13–21.
11. Малкина М.Ю. Вклад регионов и отраслей в финансовую нестабильность российской экономики // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 3. С. 118–130. <http://dx.doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-3-118-130>
12. Минакир П.А. Мировой кризис: национальные и региональные реакции // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 6–25. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2010.1.006-025>
13. Минакир П.А. Простые рецепты в сложной игре // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 7–15. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.3.007-015>
14. Минакир П.А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>
15. Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7–13. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2016.1.007-013>
16. Минакир П.А. Экономика пандемии: российский путь // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 7–18. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018>
17. Михеева Н.Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 151–176.

18. Михеева Н.Н. Экономическая динамика российских регионов: кризисы и пути восстановления роста // Регион: экономика и социология. 2019. № 2 (109). С. 56–79.
19. Нешистой А.С. Современный экономический кризис с позиций теории воспроизводства // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 82–92.
20. Российский Дальний Восток на пути в будущее. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
21. Хрусталева Е. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2013–2014 годы // Золото и технологии. 2015. № 2. С. 20–24.
22. Цветков В.А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. М.: Нестор-История, 2013. 504 с.
23. Экономическая безопасность России: уроки кризиса и перспективы роста. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2012. 1312 с.
24. Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional Innovations for the Development of the East of Russia: Effects of Implementation in the Resource Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 4. Pp. 442–452. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0580>

References

1. Aganbegyan A.G. Russian Economy: From Stagnation to Recession. *Dengi i kredit* [Russian Journal of Money and Finance]. 2016. No. 5. Pp. 10–20. (In Russian)
2. Antonova N.E. Opportunities for Development of Non-Row Export in the Forest Complex of Border Areas. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 31–41. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.3.31> (In Russian)
3. Antonova N.E., Volkov L.V., Lomakina N.V., Sukhomirov G.I. *Resource Branches of the Far East: Dynamics of Development and External Interactions*. Khabarovsk, 2017. 181 p. (In Russian)
4. Antonova N.E., Dyomina O.V., Zakharchenko N.G., Lomakina N.V., Sukhomirov G.I. Estimating the Resource Sector Role in Regional Economy: The Case of Khabarovsk Krai. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 42–70. (In Russian)
5. Glazyrina I.P., Falejchik A.A., Falejchik L.M. Investment and Economic Development: Comparative Analysis for Russian Regions. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikalian State University Journal]. 2018. Vol. 24. No. 8. Pp. 101–111. <http://dx.doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111> (In Russian)
6. Goryunov A.P. The Global Financial Crisis Impact on Khabarovsk Krai's Economy. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2011. No. 1. Pp. 7–29. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2011.1.007-029> (In Russian)
7. Guriev S., Plekhanov A., Sonin K. Economics of Development Based on Commodity Revenues. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki]. 2010. No. 3. Pp. 4–23. <http://dx.doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-4-23> (In Russian)
8. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Modern Theory of the Northern Development: In Search for Integrating Platform. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poraydka* [The North and the Market: Forming the Economic Order]. 2019. No. 2 (64). Pp. 16–28. <http://dx.doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.2.2019.64.16-28> (In Russian)
9. Kalashnikov V.D., Lomakina N.V. Opportunities and Limitations of the Resource Development of the Far East. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tehnicheskii zhurnal)* [Mining Informational and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal)]. 2010. No. S4. Pp. 321–325. (In Russian)
10. Lomakina N.V. Mineral Sector of Far Eastern Economy: Problems and Possibilities of Development During the Crisis Period. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–21. (In Russian)

11. Malkina M. Yu. Contribution of Regions and Their Sectors to the Financial Instability of the Russian Economy. *Terra Economicus* [Terra Economicus]. 2018. Vol. 16. No. 3. Pp. 118–130. <http://dx.doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-3-118-130> (In Russian)
12. Minakir P.A. The World Crisis: National and Regional Responses. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2010. No. 1. Pp. 6–25. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2010.1.006-025> (In Russian)
13. Minakir P.A. Simple Strategies in a Challenging Game. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2015. No. 3. Pp. 7–15. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.3.007-015> (In Russian)
14. Minakir P.A. Russian Economy: Between Crisis. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 7–23. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023> (In Russian)
15. Minakir P.A. Shocks and Institutions: The Paradoxes of Russian Crisis. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2016. No. 1. Pp. 7–13. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2016.1.007-013> (In Russian)
16. Minakir P.A. Pandemic Economy: The Russian Way. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 2. Pp. 7–18. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018> (In Russian)
17. Mikheeva N.N. Diversification of Regional Economic Structure As Growth Strategy: Pros and Cons. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2017. No. 4 (96). Pp. 151–176. (In Russian)
18. Mikheeva N.N. Economic Dynamics of Russian Regions: Crises and Ways of Restoring Growth. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2019. No. 2 (109). Pp. 56–79. (In Russian)
19. Neshitoy A.S. The Current Economic Crisis Through the Prism of the Theory of the Cyclical Nature of Reproduction. *Jurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. 2016. No. 3. Pp. 82–92. (In Russian)
20. *The Russian Far East: On the Way to Future*. Khabarovsk, 2017. 395 p. (In Russian)
21. Khrustalyov E. The Review of Gold Mining Branch of Russia in 2013–2014. *Zoloto i tehnologii* [Gold and Technologies]. 2015. No. 2. Pp. 20–24. (In Russian)
22. Tsvetkov V.A. *Cycles and Crises: Theoretical and Methodological Aspect*. Moscow, 2013. 504 p. (In Russian)
23. *Economic Security of Russia: Crisis Lessons and Growth Perspectives. Vol. 1*. Yekaterinburg, 2012. 1312 p. (In Russian)
24. Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional Innovations for the Development of the East of Russia: Effects of Implementation in the Resource Region. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 442–452. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0580>

■ ■ ■
Для цитирования:

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Ресурсные отрасли Хабаровского края в условиях отрицательной динамики экономики // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 5–22. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.5>

For citing:

Antonova N.E., Lomakina N.V. Resource Industries of the Khabarovsk Territory in the Context of Negative Economic Dynamics. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 5–22. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.5> (In Russian)

ВЕПРИКОВА**Елена
Борисовна**

Кандидат экономических наук, начальник научно-исследовательского отдела
Федеральное автономное научное учреждение
«Восточный центр государственного планирования»

Минвостокразвития России,
ул. Льва Толстого, 8,
Хабаровск, Россия, 680000

VEPRIKOVA**Elena
Borisovna**

Candidate of science
(economics), head of research
department

Eastern State Planning
Center of the Ministry for the
Development of the Russian
Far East and Arctic,
8, L'va Tolstogo Street,
Khabarovsk, Russia, 680000
e.veprikova@vostokgosplan.ru
ORCID: 0000-0003-3513-6998

© Веприкова Е.Б.,
Новицкий А.А.,
Гулидов Р.В., 2020

УДК 336.14

**ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ
ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РЕГИОНОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В статье анализируется текущая ситуация в бюджетной сфере Дальневосточного макрорегиона. Регионы Дальнего Востока значительно отстают от среднероссийского уровня государственных расходов, что указывает на ограниченные возможности повышения качества жизни населения и преодоления сложившегося отставания в развитии социальной сферы и инфраструктурном обеспечении территории. Рассматриваются возможности повышения бюджетной обеспеченности дальневосточных регионов в рамках имеющихся основных источников доходов: налогового потенциала, межбюджетных трансфертов (дотаций), привлечения заемных средств. Обосновывается, что в краткосрочном периоде основные возможности связаны с увеличением нецелевых трансфертов, а в долгосрочной перспективе – с наращиванием масштабов экономической деятельности и повышением продуктивности факторов производства.

Бюджетная обеспеченность, бюджетные доходы, межбюджетные трансферты, дотация, макрорегион, Дальневосточный федеральный округ

**PROBLEMS OF FISCAL CAPACITY
INCREASING IN THE REGIONS
OF THE RUSSIAN FAR EAST**

The article examines the current state of regional budgets in the Russian Far Eastern macroregion. The regional per capita budget expenditures lag far behind the country's average values, that makes regions unable to overcome the existing gap in social development, infrastructural provision of the territory and to improve the quality of life. The article considers possibilities of increasing the regional budget revenues from existing major revenue sources such as tax capacity, intergovernmental transfers (equalization grants) and borrowing. It is argued that in the short term the level of regional budget expenditures may best be increased by grants, in the long term the major potential for sustainable increase in budget income is associated with expansion of economic activity and rise of factor productivity.

Budget expenditures, budget revenues, intergovernmental transfers, grants, macroregion, Far Eastern Federal District

**НОВИЦКИЙ
Алексей
Андреевич**

Руководитель научных
проектов научно-
исследовательского отдела
Федеральное автономное
научное учреждение
«Восточный центр
государственного
планирования»
Минвостокразвития России,
ул. Льва Толстого, 8,
Хабаровск, Россия, 680000

**NOVITSKII
Aleksei
Andrevich**

Project leader at the research
department

Eastern State Planning
Center of the Ministry for the
Development of the Russian
Far East and Arctic,
8, L'va Tolstogo Street,
Khabarovsk, Russia, 680000

a.novitskiy@vostokgosplan.ru
ORCID: 0000-0003-1787-2975

Введение

Состояние социальной сферы и инфраструктурное обеспечение территории, объём и качество государственных и муниципальных услуг определяется объёмом имеющихся в распоряжении региона бюджетных ресурсов. Одной из ключевых характеристик относительной достаточности бюджетных ресурсов является бюджетная обеспеченность, под которой в настоящей работе понимается объём бюджетных доходов на душу населения. Текущая ситуация в бюджетной сфере регионов Дальнего Востока характеризуется сравнительно низкой бюджетной обеспеченностью, и несмотря на приоритетность развития Дальневосточного макрорегиона¹, сохраняется заметное отставание дальневосточных регионов по уровню бюджетных доходов от среднероссийского уровня².

Дальневосточные субъекты РФ объективно не имеют ресурсов на дополнительные инвестиции в инфраструктуру и на расширение мер по стимулированию экономического развития – объём подушевых расходов на эти направления в ряде территорий в несколько раз ниже среднероссийского значения, и финансируются они часто по «остаточному» принципу [10].

Недостаток бюджетных доходов и, как следствие, невозможность в полной мере обеспечить финансирование основных направлений государственных расходов, обуславливают сложившееся отставание макрорегиона в развитии инфраструктуры, доступности и качестве социальных услуг. Поэтому в контексте достижения целей политики по ускоренному социально-экономическому развитию Дальнего Востока³ необходимо объективно оценить потенциал существенного повышения доходов региональных бюджетов.

¹ См., например, распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13 февраля 2019 г. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

² Для проведения межрегиональных сравнений бюджетной обеспеченности необходимо учитывать различия в стоимости бюджетных расходов (сравнительную стоимость фиксированного набора государственных расходов). В настоящей работе в качестве корректирующего параметра в расчётах показателей применялся индекс бюджетных расходов, формируемый Минфином России. См. постановление Правительства РФ № 670 от 22 ноября 2004 г. «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» (вместе с «Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации»).

³ Указ Президента РФ № 427 от 26 июня 2020 г. «О мерах по ускоренному социально-экономическому развитию Дальнего Востока».

**ГУЛИДОВ
Руслан
Витальевич**

Кандидат экономических наук, первый заместитель директора

Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

Минвостокразвития России, ул. Льва Толстого, 8, Хабаровск, Россия, 680000

**GULIDOV
Ruslan
Vitalyevich**

Candidate of science (economics), acting director Eastern State Planning Center of the Ministry for the Development of the Russian Far East and Arctic, 8, L'va Tolstogo Street, Khabarovsk, Russia, 680000

r.gulidov@vostokgosplan.ru
ORCID: 0000-0002-1542-4901

Специфика бюджетов и бюджетная обеспеченность дальневосточных субъектов РФ

Рассмотрим три основных источника получения регионами бюджетных ресурсов: собственные (налоговые и неналоговые) доходы бюджета, заёмные средства и безвозмездные поступления (преимущественно межбюджетные трансферты).

Собственные доходы региональных бюджетов зависят от масштабов экономики и особенностей налоговой системы. Исходные экономические потенциалы дальневосточных регионов значительно различаются. По объёму подушевого ВРП в 2018 г. территории Дальнего Востока отличаются друг от друга в несколько раз: от 230 (Республика Бурятия) до 2 407,9 тыс. рублей (Сахалинская область). В шести регионах ВРП на душу населения ниже среднероссийского объёма, что свидетельствует о слабой экономической базе формирования доходной части бюджетов (*табл. 1*).

По объёму генерируемых налоговых доходов на душу населения выделяются регионы, на территории которых реализуются крупные проекты по добыче и экспорту минерально-сырьевых ресурсов (Сахалинская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия), а также Чукотский автономный округ, где дополнительно проявляется эффект низкой численности населения). Наименее обеспечены налоговыми доходами бюджеты Республики Бурятии, Еврейской автономной области и Забайкальского края.

Возможности повышения бюджетных доходов за счёт налоговой системы существенно ограничены. Рост налоговой базы возможен только в долгосрочной перспективе через наращивание экономического потенциала. В краткосрочном периоде регулируемые параметрами налоговой системы являются уровень налоговой нагрузки (налоговые ставки) и нормативы распределения налоговых доходов. Увеличение налоговой нагрузки на бизнес неизменно отразится на инвестиционной привлекательности Дальнего Востока и приведёт к сокращению экономической активности. Рост налоговых ставок по налогам, взимаемым с физических лиц, фактически ухудшит условия проживания в макрорегионе, усугубит проблему миграционного оттока населения, что негативно повлияет на потенциал развития Дальнего Востока.

Одним из возможных вариантов повышения бюджетных доходов представляется изменение нормативов распределения налоговых доходов в пользу региональных бюджетов. Вместе с тем в условиях высокой неравномерности налогового потенциала это может дать эффект лишь для от-

дельных дальневосточных регионов, в которых значительный объём формируемых налоговых доходов поступает в федеральный бюджет. Источники этих доходов связаны с разными видами налогов в зависимости от структуры региональной экономики. В 2019 г. 54% налоговых доходов Сахалинской области (в основном по налогу на прибыль организаций) поступило в федеральный бюджет, 49% – Республики Саха (Якутия) – практически полностью за счёт налога на добычу полезных ископаемых, 24% – Хабаровского края (за счёт акцизов на нефтепродукты и налога на добавленную стоимость)¹.

Таблица 1

ВРП и налоговые доходы на душу населения, тыс. рублей

Территория	ВРП на душу населения в 2018 г.	Объём налоговых поступлений на душу населения в 2019 г.		
		в региональный бюджет	в федеральный бюджет	в федеральный бюджет без учёта НДС на товары, реализуемые на территории РФ
Республика Бурятия	229,8	32,3	4,4	2,3
Республика Саха (Якутия)	1 123,1	131,2	125,0	138,1
Забайкальский край	305,7	40,3	1,7	1,9
Камчатский край	750,4	112,4	14,5	3,4
Приморский край	437,1	59,2	8,5	2,5
Хабаровский край	536,4	82,8	26,3	17,0
Амурская область	378,3	67,9	–43,1	4,4
Магаданская область	1 196,7	183,7	–52,3	18,1
Сахалинская область	2 407,9	270,5	318,4	333,6
Еврейская автономная область	346,7	41,7	–0,5	1,1
Чукотский автономный округ	1 578,5	299,2	10,3	111,7
ДФО	634,2	84,7	36,4	41,8
Справочно по субъектам РФ	578,7	69,0	84,4	55,3

Источники: составлено по данным Росстата. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27963> (дата обращения: 15.10.2020); рассчитано по: № 1-НМ «Отчёт о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации» по состоянию на 1 января 2020 г. URL: <https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/otchet/1nm/1nm010120reg.zip> (дата обращения: 15.10.2020).

В четырёх регионах (Республике Бурятии, Забайкальском крае, Амурской области, Еврейской автономной области) объём налоговых доходов, направленных в федеральный бюджет, является сравнительно небольшим. В Еврейской автономной области, Амурской и Магаданской областях сальдо поступлений в федеральный бюджет является отрицательным, что обусловлено возмещением налогоплательщикам налога на добавленную стоимость в связи

¹ Рассчитано по: № 1-НМ «Отчёт о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации» по состоянию на 1 января 2020 г. URL: <https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/otchet/1nm/1nm010120reg.zip> (дата обращения: 15.10.2020).

с экспортом продукции за рубеж. Таким образом, для перечисленных регионов даже полное перераспределение федеральной части налоговых доходов в региональный бюджет не решит проблему бюджетной обеспеченности.

Кроме того, общий объём налоговых доходов, поступивших от регионов Дальнего Востока в федеральный бюджет в 2019 году, составил 297,5 млрд рублей (без учёта отрицательного сальдо по НДС – 341,5 млрд рублей), а для достижения среднероссийского уровня бюджетных доходов регионам необходимо было получить дополнительно как минимум 400 млрд рублей¹. Таким образом, полный налоговый потенциал макрорегиона в настоящее время, даже в случае его равномерного распределения, является недостаточным для обеспечения среднероссийского уровня бюджетных расходов.

Привлечение заёмных средств для финансирования бюджетного дефицита, очевидно, не может применяться в масштабах, необходимых для регулярного и значительного наращивания бюджетных доходов регионов. Это связано как с нормативными ограничениями (предельный объём долговых обязательств ограничен объёмом налоговых и неналоговых доходов бюджета), так и с самой сущностью заёмных средств, а именно возвратностью. Кроме того, наличие госдолга является источником неэффективных расходов, связанных с его обслуживанием.

Основной прирост государственного долга субъектов РФ, входящих в ДФО, пришёлся на период роста расходных обязательств в социальной сфере (начиная с 2012 г.) на фоне системного сокращения объёма межбюджетных трансфертов из федерального центра [3]. В условиях дефицита бюджетных доходов и увеличения расходных обязательств по социальным расходам, для финансирования последних зачастую привлекались заёмные средства, что обусловило формирование значительного «долгового навеса» [7].

К началу 2020 г. государственный долг субъекта РФ имели почти все дальневосточные регионы (кроме Сахалинской области). Наиболее высокий уровень долговой нагрузки² и наименьшие возможности её наращивания характерны для Еврейской автономной области (85% допустимого объёма), Забайкальского (70%) и Хабаровского (65%) краёв, Магаданской (62%) и Амурской (56%) областей. Этими регионами более чем наполовину исчерпаны нормативно допустимые возможности наращивания заимствований (*рис. 1*).

Таким образом, единственным действительным источником повышения бюджетных доходов дальневосточных регионов в краткосрочном периоде являются межбюджетные трансферты (МБТ) из федерального бюджета.

Значительная часть МБТ имеет свои целевые задачи, не связанные напрямую с преодолением бюджетных диспропорций. Субвенции являются формой финансирования реализации переданных полномочий, субсидии – способом финансирования конкретных проектов / мероприятий / программ в рамках проводимой политики и предоставляются на условиях софинансирования из регионального бюджета. Только дотации предоставляются без установления направлений их использования и требований софинансирования и поэтому являются главным инструментом повышения бюджетных доходов регионов. Основной вид дотаций – дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности – предусмотрен для компенсации дефицита собственных доходов из-за различного уровня налогового потенциала и обеспечения выполне-

¹ Объём бюджетных средств, дополнительно необходимых для достижения каждым дальневосточным регионом среднероссийского уровня подушевых бюджетных доходов в 2019 г. (92,5 тыс. рублей на душу населения).

² Уровень долговой нагрузки бюджета рассчитывается как отношение объёма государственного долга региона к общему объёму доходов бюджета без учёта безвозмездных поступлений. П. 4 ст. 107 Бюджетного кодекса РФ установлено предельное значение данного показателя: для высокодотационных регионов – 50%, для всех остальных – 100%.

Рис. 1. Показатели государственного долга и дополнительных заимствований в 2019 г.

Источники: рассчитано по данным Минфина России. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения: 15.10.2020); по данным Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 15.10.2020).

ния субъектами РФ своих полномочий и расходных обязательств. Частью системы выравнивания бюджетных доходов можно считать и другие виды финансовой поддержки региональных бюджетов, например, дотации на реализацию мер по обеспечению сбалансированности бюджетов. Однако их характеризует меньший масштаб влияния, низкие частота предоставления и уровень формализации правил распределения [9].

В 2019 г. доля МБТ в структуре доходов консолидированных бюджетов большинства регионов Дальнего Востока была выше, чем в среднем по субъектам РФ. При этом в ряде регионов (Чукотском автономном округе, Республике Бурятия, Камчатском и Забайкальском краях, Еврейской автономной области) МБТ составляли почти половину доходов консолидированного бюджета и более (рис. 2).

Рис. 2. Межбюджетные трансферты в бюджетных доходах дальневосточных субъектов РФ в 2019 г., %

Источник: рассчитано по данным Казначейства России об исполнении бюджетов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 15.10.2020)

В форме дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности российским регионам предоставляется 27,6% федеральных трансфертов, а дальневосточным регионам – в среднем от 50 до 60%. Только Сахалинская область не является получателем дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. При этом в 2019 г. доля дотации на выравнивание в общем объеме МБТ Камчатского края составляла более 80%, Республики Саха (Якутия) – почти 70%. Снижение в 2019 г. доли дотации в бюджете Чукотского автономного округа обусловлено резким ростом объема иных межбюджетных трансфертов (среднее значение доли дотации в 2016–2018 гг. – 31,2%).

С учётом всех доходов в 2019 г. возможность поддерживать уровень государственных расходов выше среднероссийского уровня (100%) наблюдалась только у Сахалинской области (*рис. 3*). Разрыв в 30% и более со среднероссийским уровнем бюджетной обеспеченности характерен для Республик Саха (Якутия) и Бурятия, Камчатского края и Магаданской области, на 20–25% отставали Еврейская автономная область, Забайкальский, Хабаровский и Приморский края¹.

Рис. 3. Отношение подушевых доходов бюджетов субъектов РФ к аналогичному показателю в среднем по РФ в 2019 г., %

Источники: рассчитано по данным Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 15.10.2020); по данным Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2019_2021/ (дата обращения: 15.10.2020).

Следствием недостатка бюджетных доходов является невозможность выполнения в полной мере социальных и инфраструктурных мандатов в регионах Дальнего Востока: государственные расходы (кроме Сахалинской области) ниже среднероссийского уровня почти по всем основным направлениям (*табл. 2*). Исключением являются высокие расходы на развитие и содержание коммунальной инфраструктуры и энергообеспечения.

Во всех регионах Дальнего Востока (за исключением Сахалинской области) расходы на финансирование социальной сферы ниже среднероссийского уровня: в Чукотском автономном

¹ Характерно, что уровень бюджетной обеспеченности регионов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Калининградская и Московская области и другие), в основном принимающих отток населения из Дальнего Востока, превышает среднероссийский показатель, а высокий уровень их инфраструктурной обеспеченности является одним из ключевых факторов привлекательности данных территорий в качестве нового места жительства для дальневосточников [1].

Таблица 2

Отношение основных расходов** консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ к аналогичным показателям в среднем по РФ в 2019 г., %

Территория	Административные расходы	Социальные расходы	Инфраструктурные расходы, в том числе:		Расходы на развитие экономики, в том числе:		Прочие расходы
			расходы на коммунальное хозяйство	прочие инфраструктурные расходы	расходы на ТЭК	прочие расходы на развитие экономики	
Республика Бурятия	72,5	84,1	53,1	36,7	*	58,8	99,0
Республика Саха (Якутия)	72,6	60,4	206,0	27,5	836,0	71,2	77,8
Забайкальский край	103,5	83,2	85,8	38,4	*	80,4	74,3
Камчатский край	77,0	50,9	177,9	45,4	2 038,8	49,1	22,3
Приморский край	88,8	74,4	146,2	76,9	0,1	72,8	24,2
Хабаровский край	116,3	82,3	128,4	49,9	*	58,6	132,0
Амурская область	101,9	80,6	200,5	45,5	0,1	133,8	61,4
Магаданская область	90,6	65,3	386,0	32,9	18,1	63,7	103,0
Сахалинская область	221,9	194,4	629,7	245,5	1 332,2	154,7	52,3
Еврейская автономная область	115,3	83,7	126,9	31,2	*	95,0	100,9
Чукотский автономный округ	63,1	32,5	488,3	100,0	1 123,2	290,2	22,9

Примечания: * – меньше 0,1%; ** – к административным расходам отнесены расходы на общегосударственные вопросы, национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность; социальным – расходы на образование, культуру, кинематографию, здравоохранение, социальную политику и физическую культуру; инфраструктурным – расходы на транспорт, дорожное хозяйство, связь, жилищное хозяйство, коммунальное хозяйство, благоустройство и другие вопросы в области жилищно-коммунального хозяйства; расходам на развитие экономики – расходы на общеэкономические вопросы, топливно-энергетический комплекс (ТЭК), воспроизводство минерально-сырьевой базы, сельское хозяйство и рыболовство, водное хозяйство, лесное хозяйство, другие вопросы в области национальной экономики; прочим – расходы на охрану окружающей среды, СМИ, расходы на обслуживание госдолга, межбюджетные трансферты общего характера.

Источники: рассчитано по данным Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 15.10.2020); по данным Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2019_2021/ (дата обращения: 15.10.2020).

округе (32,5% от уровня среднего по субъектам РФ), Камчатском крае (50,9%), Республике Саха (Якутия) (60,4%) и Магаданской области (65,3%). Это не позволяет обеспечивать доступность и высокое качество предоставления социальных услуг, а следовательно, и повышение качества жизни в регионах.

Сравнительно низкий подушевой объём социальных расходов и расходов на инфраструктуру обусловлен, в том числе существенными расходами на поддержание систем жизнеобеспечения (в частности, коммунальное хозяйство и топливно-энергетический комплекс), которые в несколько раз превышают среднероссийское значение даже с учётом ценовых различий.

Недостатки механизма выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ

В действующей логике бюджетной системы РФ наличие такого специализированного инструмента как дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности должно обеспечивать сопоставимые бюджетные возможности регионов, однако этого не происходит. Причины недостаточного выравнивания бюджетной обеспеченности регионов кроются в самом механизме выравнивания, изложенном в Методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ (далее – Методика)¹. В основу Методики заложена идея выравнивания региональных налоговых потенциалов. По каждому региону выполняется оценка налогового потенциала и стоимости бюджетных расходов, далее путём их отношения к среднему значению по регионам РФ формируются индексы: индекс налогового потенциала (ИНП) и индекс бюджетных расходов (ИБР). Соотношение данных индексов, в свою очередь, формирует исходный уровень расчётной бюджетной обеспеченности (РБО) субъекта РФ.

Дотация распределяется в два этапа, для каждого из которых устанавливается свой целевой уровень бюджетной обеспеченности (критерий выравнивания): на первом этапе 0,6 и на втором – 1,0 (с 2022 г. – 0,9). Распределение средств происходит пропорционально «расстоянию» от исходного уровня РБО региона до установленного критерия выравнивания.

Необходимо отметить три основных недостатка действующего механизма выравнивания:

1. Отсутствие конкретной (количественной) цели по снижению бюджетного неравенства и, соответственно, повышению бюджетной обеспеченности регионов.

Общий объём средств бюджета, направляемых на выплату дотации на выравнивание, является фиксированным. Он определяется в соответствии с п. 2 ст. 131 Бюджетного кодекса РФ, исходя из необходимости достижения минимального уровня РБО² всеми субъектами РФ-получателями дотации. Однако при расчёте объёмов дотации данный критерий не используется и в 2020 г. минимальный уровень РБО (0,735) не достигнут 31 из 72 регионов-получателей дотации, в том числе Республиками Бурятия (0,671) и Саха (Якутия) (0,656), Забайкальским (0,708) и Камчатским (0,680) краями, Еврейской автономной областью (0,708) и Чукотским автономным округом (0,723).

¹ См. постановление Правительства РФ № 670 от 22 ноября 2004 г. «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» (вместе с «Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации»).

² «Минимальный уровень РБО субъекта Российской Федерации определяется как среднее арифметическое суммы показателей уровня расчётной бюджетной обеспеченности до распределения дотаций по субъектам Российской Федерации, не входящим в число 10 субъектов Российской Федерации, имеющих самый высокий уровень бюджетной обеспеченности, и 10 субъектов Российской Федерации, имеющих самый низкий уровень бюджетной обеспеченности» (п. 2 Методики).

При отсутствии – в явном виде – цели выравнивания бюджетной обеспеченности регионов, определяющим фактором при расчёте объёмов дотации является размер общего фонда дотации, который в 2020 г. составил 675,3 млрд рублей (3,7% общего объёма расходов федерального бюджета). При существующем уровне централизации налоговых полномочий (более 50% совокупного объёма налогов и сборов уходят в федеральный бюджет), доля средств, направляемых на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов, представляется более чем скромной [4].

Ежегодно устанавливаемый размер фонда поддержки не позволяет существенно сократить высокую дифференциацию регионов по уровню бюджетной обеспеченности, соответственно, повысить бюджетную обеспеченность наименее обеспеченных регионов, в том числе дальневосточных. Таким образом, происходит лишь частичное «подтягивание» регионов к установленным критерия выравнивания¹.

2. Некорректный учёт межрегиональных различий в объёме и стоимости государственных расходов, необходимых для выполнения установленных полномочий.

Условия реализации полномочий регионов существенно различаются. Для учёта ценовых различий между регионами в Методике предусмотрено использование ИБР в качестве «относительной (по сравнению со средним по РФ уровнем) оценки расходов консолидированного бюджета субъекта РФ по предоставлению одинакового объёма бюджетных услуг в расчёте на душу населения, определяемой с учётом объективных региональных факторов и условий» (п. 4 Методики). Однако в формуле расчёта показателя не учитывается абсолютная величина бюджетных расходов, учитывается только ряд влияющих на неё параметров («удорожающих факторов»), отражающих как отдельные характеристики социально-экономического развития территории (например, плотность транспортных путей в регионе), так и относительную стоимость отдельных видов государственных расходов (например, районный коэффициент к заработной плате работников бюджетных организаций).

Очевидно, что формализовать сложную картину пространственной неоднородности развития и межрегиональных диспропорций через ИБР не представляется возможным. Обширность территории, малочисленность населения и суровые природно-климатические условия Дальнего Востока обуславливают наличие факторов, объективно «удорожающих» расходы на ведение хозяйственной деятельности, поддержание условий жизнедеятельности населения и реализацию полномочий органов государственной власти.

К числу таких факторов можно отнести:

- очаговый характер расселения с большой удалённостью населённых пунктов друг от друга;
- ограниченные размеры локальных рынков сбыта товаров и услуг;
- дефицит трудовых ресурсов и повышенный уровень расходов на их привлечение;
- неразвитую инфраструктурную сеть (транспорт, энергетика и ЖКХ, связь, объекты социальной сферы);
- повышенный уровень расходов на доставку промышленных и потребительских товаров из-за удалённости от центров их производства и неразвитости транспортно-проводящей сети.

¹ Важно отметить, что уровень РБО не является индикатором достаточности бюджетных ресурсов для выполнения имеющегося объёма полномочий, а лишь показывает относительную бюджетную обеспеченность субъекта РФ по сравнению со средним уровнем по РФ равным 1,0. Чем меньше исходный уровень РБО субъекта РФ в сравнении с критериями выравнивания, тем выше объём дотации.

Хотя значения ИБР фиксируют характерный для дальневосточных регионов высокий уровень стоимости бюджетных расходов, значения индексов, рассчитанные основе объёмов бюджетных расходов, фактически необходимых для выполнения установленных полномочий, могут оказаться ещё выше (*табл. 3*).

Таблица 3

Индекс бюджетных расходов дальневосточных субъектов РФ на 2015–2019 гг.

Территория	2015	2016	2017	2018	2019	Справочно место субъекта в РФ по ИБР на 2019 г.
Республика Бурятия	1,299	1,285	1,292	1,266	1,264	19
Республика Саха (Якутия)	4,406	4,435	4,481	4,540	4,520	4
Забайкальский край	1,196	1,186	1,202	1,176	1,195	21
Камчатский край	5,592	5,421	5,415	5,331	5,160	2
Приморский край	1,187	1,190	1,195	1,190	1,179	22
Хабаровский край	1,603	1,577	1,563	1,437	1,426	14
Амурская область	1,410	1,410	1,393	1,321	1,311	18
Магаданская область	4,720	4,653	4,775	4,756	4,636	3
Сахалинская область	2,105	2,106	2,090	2,065	2,035	7
Еврейская автономная область	1,374	1,359	1,332	1,321	1,322	17
Чукотский автономный округ	13,082	14,171	13,470	12,993	14,716	1

Примечание: среднее значение ИБР по РФ = 1,000.

Источник: составлено по данным Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2019_2021/ (дата обращения: 15.10.2020).

Необходимость учёта в Методике реальных, обоснованных (с учётом установленных законодательством норм) величин бюджетных расходов неоднократно обсуждалась как представителями органов власти, так и в научном сообществе (см., например, [2]). Результатом изменений, внесённых в Методику в рамках внедрения концепции «модельного» бюджета в 2016 г., стало распределение части дотации на выравнивание с учётом оценки расходных полномочий, сгруппированных по 25 группам расходов (начиная с 2017 г.).

Однако и в подходе на основе «модельного» бюджета фактические расходы учитываются лишь частично (по узкому кругу направлений), а основной объём расходов определяется через сложившиеся средние по стране значения по группам расходов, скорректированные на региональные коэффициенты структуры и стоимости расходов. На практике это означает, что неполный средний уровень обеспечения полномочий (недофинансирование) стали использовать как нормативно достаточный («модельный»).

Кроме того, объём части дотации, рассчитываемый с учётом «модельного» бюджета, по-прежнему формируется на основе ИБР, а коэффициент инвентаризации выступает лишь как

корректирующий параметр¹. Следовательно, при расчёте этой части дотации сохраняются все недостатки, связанные с применением данного индекса.

Отмечаются и другие недостатки «модельного» бюджета: недостаточная степень учёта корректирующими коэффициентами факторов, «удорожающих» расходы территорий районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [2; 6; 11]; некорректный учёт различий регионов по уровню заработной платы, стоимости фиксированного набора товаров и услуг, структуре потребителей государственных услуг, транспортной доступности, особенностям расселения населения [5; 8].

3. Наличие ограничений, снижающих «чувствительность» распределения дотации к параметрам, отражающим существенные диспропорции в развитии регионов.

Несмотря на включение в расчёт ИБР ряда повышающих коэффициентов, отражающих «удорожающие факторы», их применение ограничивается дополнительными условиями. Например, при расчёте коэффициента транспортной доступности (п. 7 прил. № 2 к Методике) повышающий коэффициент «срабатывает» для субъектов РФ, в которых более половины численности населения проживает в районах с ограниченными сроками завоза товаров и в горных районах, и доля сельских населённых пунктов, не имеющих связи по дорогам с твёрдым покрытием и не обеспеченных связью с ближайшей железнодорожной станцией, морским или речным портом, аэропортом (далее – сельские населённые пункты, не имеющие связи), в общей численности сельских населённых пунктов больше двукратного среднего значения по РФ. Невыполнение любого из условий означает, что «удорожающие факторы» не будут учитываться. Среди субъектов РФ эти условия выполняются только по Чукотскому автономному округу. Однако сельские населённые пункты, не имеющие связи, есть почти во всех дальневосточных регионах. Если учитывать только отсутствие связи по дорогам с твёрдым покрытием с сетью дорог общего пользования, то по состоянию на 1 января 2018 г. такой связи не имели 1 346 или 33% общего количества сельских населённых пунктов Дальнего Востока², что объективно «удорожает» бюджетные расходы дальневосточных регионов, но не учитывается в расчёте дотации на выравнивание.

Характерна и практика изменения Минфином России методики расчёта коэффициента транспортной доступности. В 2013 г. по Республике Саха (Якутия) было уточнено количество сельских населённых пунктов, не имеющих транспортной связи, с 0 до 225³. Такое изменение привело бы к увеличению объёма дотации региона в 3 раза⁴, а его доли в общем объёме дотаций – с 7 до 21%. В этом же году для предотвращения данной ситуации в Методике было скорректировано одно из условий применения повышающего коэффициента, после чего коэффициент транспортной доступности полностью перестал учитываться по Республике Саха (Якутия) и в настоящее время применяется только для Чукотского автономного округа.

Кроме того, для предотвращения резких колебаний объёмов дотаций регионам, при распределении дотаций на 2019 г. установлены следующие ограничения:

¹ С использованием результатов инвентаризации расходных полномочий на основе подхода «модельного» бюджета распределяется только 30% общего фонда выравнивания, поэтому эффект от такого внедрения является крайне незначительным по отношению к общему объёму дотации.

² Рассчитано по данным Минфина России. URL: <https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/08/main/dotations.zip> (дата обращения: 15.10.2020).

³ По данным Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2021_2023/ (дата обращения: 15.10.2020).

⁴ Оценка выполнена методом сценарного моделирования распределения дотации по данным 2019 г. (без учёта общих ограничений на объём и простот дотации).

– размер части дотации, распределяемой субъекту РФ по итогам инвентаризации расходных полномочий, не может превышать 50% общего объёма дотации субъекту РФ в 2018 г. и 20% налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ за 2017 г.;

– прирост общего объёма дотации на выравнивание не может быть более 15% от объёма дотации предыдущего года.

Очевидно, что целью в данном случае является предотвращение дисбалансов, которые, тем не менее, являются неизбежными в условиях «конкуренции» регионов за крайне недостаточный объём общего фонда дотации на выравнивание.

Таким образом, несмотря на включение в расчёт ИБР параметров, отражающих отдельные факторы «удорожания» бюджетных расходов, действие этих параметров ограничено порядком их учёта и определения общего объёма дотации бюджетам субъектов РФ.

Рассмотренные проблемы механизма выравнивания бюджетной обеспеченности российских регионов особенно характерны для территорий с высокой стоимостью бюджетных расходов, к которым относится Дальний Восток. Поэтому в рамках действующей системы межбюджетных отношений «регионы – Федерация» возможности существенного наращивания бюджетных доходов макрорегиона крайне ограничены.

Заключение

Для регионов Дальнего Востока характерно значительное отставание бюджетной обеспеченности от среднероссийского уровня, что во многом обусловлено действием факторов, «удорожающих» стоимость бюджетных расходов. Недостаточность собственных доходов и «выравнивающей» поддержки из федерального центра приводит к недофинансированию государственных расходов дальневосточных территорий практически по всем направлениям. Высокая доля расходов на жизнеобеспечение с учётом природно-климатических условий, особенностей расселения населения, транспортной доступности приводит к дефициту финансирования других направлений, в том числе социальных услуг и развития инфраструктуры, а также в целом не позволяет реализовать необходимый объём закреплённых за регионами полномочий.

Возможности значимого увеличения бюджетных доходов дальневосточных субъектов РФ (или доведения их до среднероссийского уровня) в краткосрочном периоде являются ограниченными как в рамках налоговой системы, так и в рамках системы межбюджетных трансфертов.

Система выравнивания бюджетных доходов регионов, основу которой составляет дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, не обладает достаточным потенциалом для формирования равных возможностей развития социальной сферы и инфраструктуры в российских регионах, в том числе на Дальнем Востоке. Основными недостатками системы являются слабый выравнивающий эффект, отсутствие учёта реальных различий в формировании бюджетных доходов регионов и субъективный характер учёта факторов, «удорожающих» стоимость бюджетных расходов.

В долгосрочной перспективе основным условием повышения бюджетных доходов макрорегиона выступит рост налоговых поступлений от наращивания масштабов экономической деятельности, повышения продуктивности факторов производства, ожидаемого роста налоговой отдачи от производств, созданных в рамках действующих преференциальных режимов.

Список литературы

1. Аналитический отчёт о научно-исследовательской работе «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России». Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС. Хабаровск, 2018.
2. Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н., Гулидов Р.В., Леонов С.Н. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 1. С. 132–156. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.132-156>
3. Веприкова Е.Б., Гулидов Р.В., Новицкий А.А. Тенденции исполнения региональных бюджетов: Дальний Восток // *Регионалистика*. 2019. Т. 6. № 6. С. 50–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.6.50>
4. Дерюгин А.Н. Выравнивание регионов: сохраняются ли стимулы к развитию? // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11. № 6. С. 170–191.
5. Дерюгин А.Н., Арлашкин И.Ю., Прока К.А. Совершенствование системы распределения выравнивающих трансфертов в Российской Федерации. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2760256 (дата обращения: 07.10.2020).
6. Климанов В.В., Сафина А.И., Тимушев Е.Н. Влияние внедрения «модельного» бюджета на бюджетную обеспеченность регионов Дальнего Востока // *Экономика Востока России*. 2018. № 2. С. 5–18.
7. Минакир П.А., Леонов С.Н. Государственный региональный долг: тенденции и особенности формирования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 4. С. 26–41. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.2>
8. Миронов В.С. Особенности расселения населения как фактор совершенствования методики распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // *Экономика Востока России*. 2018. № 2. С. 103–110.
9. Морковкин Д.Е., Строев П.В., Шапошников А.И. Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 4. С. 57–68. <http://dx.doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-4-57-68>
10. Ратьковская Т.Г. Пространственные характеристики регионов в процессах межбюджетного выравнивания // *ЭКО*. 2020. № 1. С. 166–182. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-1-166-182>
11. Содномова С.К., Чикичева С.Ю. Необходимость учёта индивидуальных особенностей субъектов Российской Федерации при формировании «модельного» бюджета // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 7. С. 131–138.

References

1. *Analytical Report on the Research Work «Assessment of the Opinion of the Far East on Life and Development Prospects in the Russian Far East»*. Khabarovsk, 2018. (In Russian)
2. Afanasyev R.S., Bogdanov L.N., Gulidov R.V., Leonov S.N. «Model» Budgets: Consequences for the Russian Federal Subjects. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 132–156. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.132-156> (In Russian)
3. Veprikova E.B., Gulidov R.V., Novitskii A.A. Execution Trends of Regional Budgets: Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 6. Pp. 50–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.6.50> (In Russian)
4. Deryugin A.N. Regional Equalization: Are There Incentives to Development? *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. 2016. Vol. 11. No. 6. Pp. 170–191. (In Russian)
5. Deryugin A.N., Arlashkin I.Yu., Proka K.A. *Improving the System of Distribution of Equalization Transfers in the Russian Federation*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2760256 (accessed 7 October 2020). (In Russian)

6. Klimanov V.V., Safina A.I., Timushev E.N. The Impact of the «Model» Budget Implementation on the Budget Capacity of the Far East Regions. *Ekonomika Vostoka Rossii* [Economics of Russian East]. 2018. No. 2. Pp. 5–18. (In Russian)
7. Minakir P.A., Leonov S.N. Regional Public Debt: Trends and Formation Specifics. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economics and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 4. Pp. 26–41. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.2> (In Russian)
8. Mironov V.S. Population Resettlement Peculiarities As a Factor of Development of the Subsidies Allocation Technique for the Equation of the Fiscal Capacity of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Ekonomika Vostoka Rossii* [Economics of Russian East]. 2018. No. 2. Pp. 103–110. (In Russian)
9. Morkovkin D.E., Stroeve P.V., Shaposhnikov A.I. Financial Support of Regions As a Tool to Equalize Budgetary Security of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. 2019. Vol. 23. No. 4. Pp. 57–68. <http://dx.doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-4-57-68> (In Russian)
10. Ratkovskaya T.G. Spatial Characteristics of Regions in the Processes of Inter-Budgetary Alignment. *EKO* [ECO]. 2020. No. 1. Pp. 166–182. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-1-166-182> (In Russian)
11. Sodnomova S.K., Chikicheva S.Yu. The Need to Take into Account the Individual Characteristics of the Constituent Entities of the Russian Federation When Forming a «Model» Budget. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal State University Journal]. 2018. Vol. 24. No. 7. Pp. 131–138. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Веприкова Е.Б., Новицкий А.А., Гулидов Р.В. Проблемы повышения бюджетной обеспеченности регионов Дальнего Востока // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 23–38. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.23>

For citing:

Veprikova E.B., Novitskii A.A., Gulidov R.V. Problems of Fiscal Capacity Increasing in the Regions of the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 23–38. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.23> (In Russian)

**ИСАЕВ
Артём
Геннадьевич**

Кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**ISAEV
Artem
Gennadyevich**

Candidate of science
(economics), deputy director
for research

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

isaev@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6569-2982

УДК 332.055.2

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ОТДАЧА ОТ МАСШТАБА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ЗАКОНА ВЕРДООРНА

В статье на базе данных регионов РФ за 2005–2017 гг. оценивается модель экономического роста Калдора-Вердоорна. Согласно данной модели, процесс регионального роста носит характер кумулятивной причинности. В результате преимуществ, получаемых экономией от масштаба, рост промышленно развитых регионов происходит за счёт снижения темпов развития их экономически более отсталых соседей. В статье тестируются традиционная и расширенная спецификации модели. Расширенная спецификация дополнительно учитывает наличие в ряде субъектов РФ крупных агломераций. Оценки показали наличие фактора кумулятивной причинности и существенной возрастающей отдачи от масштаба в промышленности российских регионов. Между тем, исследование не выявило существенного воздействия крупных промышленных агломераций на темпы экономического роста соответствующих субъектов РФ.

Региональный рост, дивергенция, возрастающая отдача от масштаба, обрабатывающая промышленность, закон Вердоорна, агломерация, Стратегия пространственного развития

INCREASING RETURNS AND ECONOMIC GROWTH OF RUSSIAN REGIONS: EMPIRICAL VERIFICATION OF VERDOORN'S LAW

The paper tests the Kaldor-Verdoorn model on the base of the Russian Federation regional data for 2005–2017. According to the model, the process of regional growth has the property of cumulative causality. As a result of the benefits bringing by economies of scale, industrialized regions demonstrate faster growth rates at the expense of their economically less-advanced counterparts. Traditional and extended model specifications are examined. The extended specification additionally takes into account the presence of large agglomerations in a number of Russian regions. Estimates demonstrate the presence of cumulative causality and significant increasing returns to scale in manufacturing industry of Russian regions. Meanwhile, the study did not reveal an impact of large industrial agglomerations on the growth rates of the corresponding regions.

Regional growth, divergence, increasing returns, manufacturing, Verdoorn's law, agglomeration, Strategy of spatial development

© Исаев А.Г., 2020

Введение

В 1949 г. голландский экономист П. Вердоорн обнаружил эмпирическую зависимость между ростом промышленного выпуска и ростом производительности труда. Впоследствии Н. Калдор использовал эту зависимость в качестве доказательства наличия возрастающей отдачи от масштаба в обрабатывающей промышленности и построил на её основе свою теорию регионального экономического роста, основанную на принципе «кумулятивной причинности»¹. Н. Калдор дал формальное описание процесса, посредством которого регион, получивший однажды лидерство в плане продуктивности производства, будет демонстрировать ускоряющийся экономический рост на фоне отстающей динамики остальных регионов. Причём процесс возрастающей отдачи индуцируется самим ростом выпуска. Н. Калдор был сторонником кейнсианского взгляда на источники экономического роста, полагая, что последний приводится в движение силами, лежащими на стороне спроса, в частности, экспорта, как основного автономного компонента агрегированного спроса. Ввиду существования возрастающей отдачи от масштаба, любое изначальное преимущество в конкурентоспособности экспортных отраслей запускает кумулятивный эффект: регион, который в состоянии нарастить вывоз продукции обрабатывающих секторов экономики быстрее, чем другие, будет испытывать ускоряющийся рост производительности труда в этих отраслях, что упрочит его конкурентные преимущества.

Таким образом, в противоположность неоклассическим воззрениям, выводом модели Калдора является не конвергенция регионов по среднедушевым доходам, а, напротив, их дивергенция в долгосрочной перспективе. Эмпирической проверке действие закона Вердоорна подвергалось как на примере различных стран, так и на примере регионов отдельных стран. Так, Б. Фингглтон и Дж. МакКомби [9] выполнили проверку закона Вердоорна на данных по 178 регионам Европейского Союза за 1979–1989 гг., выявив наличие значительной возрастающей отдачи от масштаба. Аналогичный вывод получен по 74 регионам ЕС с учётом пространственной автокорреляции на основе данных за 1984–1992 гг. [13]. Подтверждение значимости фактора возрастающей отдачи от масштаба в объяснении региональной экономической динамики получено для регионов Испании [11], Греции [6] и Италии [7]. Автору не встречались исследования, целью которых являлась проверка закона Вердоорна на данных по российским регионам, однако Е. Коломак [2], используя подход Новой экономической географии, обнаружила высокую скорость межрегиональной дивергенции в РФ и пространственную концентрацию экономической активности.

Неоклассическая модель по-прежнему остаётся основным инструментом проверки гипотез о характере и факторах регионального роста². Для преодоления этого недостатка в настоящей работе предпринята попытка эмпирически протестировать модель Калдора-Вердоорна на базе данных по российским регионам за период 2005–2017 гг.

Модель Калдора-Вердоорна, базирующаяся на предпосылке о возрастающей отдаче от масштаба, позволяет в явном виде учитывать феномен агломерации и концентрации промышленной деятельности, важный с точки зрения выявления характера экономического роста на региональном уровне. Неоклассическая модель роста, в основе которой лежит предположение о постоянной отдаче от масштаба и конвергенции в длительном периоде, напротив, никак не учитывает этот эффект. Между тем для РФ, характеризующейся значительной пространственной поляризацией развития, учёт таких эффектов критически важен для корректной спецификации модели, призванной выявить долгосрочные тенденции экономической динамики российских регионов.

¹ Формализация данной модели представлена в [8].

² Обзор таких работ см. в [1].

Целью настоящего исследования, таким образом, является выявление наличия возрастающей отдачи от масштаба (в широком смысле) в промышленности на уровне регионов РФ. Для этого необходимо оценить взаимосвязь между среднегодовыми темпами роста производительности труда и выпуска в секторе обрабатывающей промышленности (закон Вердоорна). Обнаружение положительной взаимосвязи будет трактоваться как обоснование тенденций дивергенции российских регионов, когда регионы, имеющие более динамично развивающуюся промышленность, кумулятивно наращивают свои преимущества (в виде ускоряющихся темпов роста выпуска) по сравнению с регионами, отстающими в динамике промышленного производства.

Возрастающая отдача от масштаба и экономический рост

С точки зрения кейнсианской перспективы агрегированный рост определяется темпом расширения секторов экономики, обладающих определёнными характеристиками. Наиболее важной из таких характеристик является возрастающая отдача от масштаба. Исторически это свойство приписывалось сектору обрабатывающей промышленности.

Предположив, что регион получает преимущества в производстве товаров с высокой эластичностью спроса по доходу (для потребителей за пределами региона), его темпы роста начинают превышать темпы роста другого региона. В первом регионе – через эффект Вердоорна – более высокими темпами начнёт расти и производительность труда в обрабатывающем секторе. Данный эффект может быть выражен как:

$$r_i = q_i - l_i = r_a + \lambda q_i, \quad (1)$$

где r_i – темп роста производительности труда в экспортирующем секторе в регионе i , l_i – темп роста занятости, r_a – темп роста автономной производительности, q_i – темп роста регионального выпуска (в целом), λ – коэффициент Вердоорна. Можно показать, что при условии постоянства темпов роста номинальных ставок заработной платы в обоих регионах, темп роста цен на продукцию первого региона будет ниже, что приведёт к увеличению спроса в экспортирующем секторе и т. д. (см. [8]). Это означает, что регион, имеющий исходные преимущества в экспортирующем секторе, получает также и конкурентные преимущества. Для других регионов, таким образом, возникают объективные трудности в достижении сходных условий развития.

В моделях кумулятивной причинности изложенное составляет суть теории дивергенции между «центром» и «периферией», а также между промышленными и аграрными регионами. Этим обосновывается взгляд Н. Калдора на то, что межрегиональная торговля может создавать различия в равновесных темпах роста регионов, которые могут не только поддерживаться перманентно, но и расширяться в процессе торговли. Чем выше коэффициент Вердоорна, тем выше равновесный темп роста и дивергенция между регионами¹.

В модели Калдора-Вердоорна сектор обрабатывающей промышленности рассматривается в качестве драйвера экономического роста, имеющий потенциал экономии от масштаба в широком смысле. Последняя проявляется в наличии множественных прямых и обратных связей, широком применении разработок и технологических инвестиций.

Уравнение (1) утверждает, что с увеличением темпов роста выпуска как производительность труда, так и занятость начинают расти быстрее. Можно выделить три фактора роста про-

¹ Следует отметить, что в данном случае не рассматривается ограничивающий дивергенцию межрегиональный переток факторов производства.

изводительности труда. Во-первых, за счёт нейтрального технического прогресса, индикатором которого является r_a . Во-вторых, за счёт роста капиталовооружённости труда. В-третьих, за счёт положительной взаимосвязи между производительностью и ростом выпуска (то есть коэффициента Вердоорна), которая существует даже при отсутствии роста капиталовооружённости. Пусть α и β – эластичности выпуска по труду и капиталу соответственно. Можно показать, что (см. [12]):

$$\lambda = \frac{\alpha + \beta - 1}{\alpha + \beta}. \quad (2)$$

Тогда, при возрастающей отдаче от масштаба ($\alpha + \beta > 1$), коэффициент Вердоорна положителен.

На уровне эмпирических исследований камнем преткновения зачастую становится отсутствие статистических данных о запасах основного капитала. В особенности остро данная проблема стоит в случае регионов. Как результат, ряд исследователей использует различные «заменители» показателя (инвестиции в основной капитал, отношение «инвестиции-выпуск»), а также косвенные оценки на основе метода перманентной инвентаризации и т. д. Однако существуют проблемы использования «прокси» как практического, так и теоретического характера. Между тем Н. Калдор [10] утверждал, что накопление запаса капитала является симптомом, нежели причиной роста, и не является ограничением роста в долгосрочной перспективе. Дж. МакКомби [12], сделав правдоподобное допущение о пропорциональности динамики выпуска и капиталовооружённости, показал, что рост последней эндогенно «вплетается» в параметр технического прогресса. Таким образом, исходя из целей исследования показатель изменения запаса капитала отсутствует в уравнении (1)¹.

В эмпирической линейной спецификации закон Вердоорна может быть представлен следующим образом:

$$l_i = a + bq_i + u_i, \quad a = -r_a, \quad b = 1 - \lambda, \quad (3)$$

где u – остаточный член уравнения регрессии. Постоянный член a служит оценкой темпа изменения автономного технического прогресса. С учётом (2) величина $1/b = v$ является оценкой величины отдачи от масштаба. Значение $b = 1$ соответствует постоянной отдаче от масштаба, $0 < b < 1$ – возрастающей отдаче, $b > 1$ – убывающей отдаче.

Региональные аспекты закона Вердоорна

Формально по закону Вердоорна регионы, демонстрирующие высокие темпы роста промышленности, получают дополнительные выгоды в виде возрастающей отдачи от масштаба (в макроэкономическом смысле) в большей мере, чем регионы с меньшими темпами роста производства. Возрастающая отдача оказывает непосредственное действие на рост производительности в секторе обрабатывающей промышленности. Таким образом, причиной межрегиональных различий в производительности труда служат различия в темпах роста регионального выпуска. Эффект Вердоорна обеспечивает механизм, посредством которого быстрорастущие регионы получают качественные преимущества, способствующие поддержанию их ускоренного роста и усилению неравновесных тенденций в долгосрочной перспективе.

¹ В эмпирическом исследовании регионов Испании в спецификацию модели на базе уравнения (1) были включены данные об изменениях запасов капитала, показавшие статистически незначимые оценки [11].

Теории пространственного развития подчёркивают роль концентрации экономической деятельности в создании устойчивого эффекта возрастающей отдачи от масштаба. Рост, инициируемый такой концентрацией, начинает «подпитываться» ресурсами соседних регионов, что приводит к дальнейшему усилению пространственной концентрации экономической активности. Однако до конца остаётся не выясненным, может ли замедлиться рост концентрации? Будут ли периферийные регионы, отдающие свои ресурсы растущему «центру», становиться беднее в долгосрочной перспективе? Согласно [8] на замедление процесса кумулятивной причинности в долгосрочной перспективе теоретически может повлиять рост реальной заработной платы, вызванный нехваткой трудовых ресурсов.

Эмпирическая литература, учитывающая в явном виде фактор пространственной агломерации, весьма немногочисленна¹. Один из способов учёта агломерационной компоненты в оцениваемых уравнениях регрессии – включение фиктивной переменной, принимающей значение единицы для регионов, имеющих агломерации. Предполагается, что возрастающая отдача от масштаба, свойственная агломерациям и высоким концентрациям промышленных производств, ускоряет темпы роста соответствующих регионов. Принимая в расчёт эффект пространственных агломераций, закон Вердоорна может быть выражен следующим образом:

$$l_i = a + bq_i + cD_i + u_i, \quad (4)$$

где D_i – фиктивная переменная, выделяющая регионы, в которых присутствуют крупные промышленные агломерации (их перечень будет приведён ниже). Переменная D_i призвана показать, что степень возрастающей отдачи должна быть более высокой в тех регионах, где наблюдается высокая концентрация производственной деятельности. Если это так, то ожидаемая величина возрастающей отдачи от масштаба $v = 1 / (b + c)$.

Величиной D_i делается попытка аппроксимировать межрегиональные различия в величине агломерационной экономии. Включение вместо неё других переменных, характеризующих «плотность» производственной деятельности, потребует дополнительного теоретического обоснования с точки зрения соответствия традиционной модели Калдора-Вердоорна.

Данные и методы оценивания

Статистической базой исследования послужили данные Росстата² по 82 субъектам РФ (за исключением Чеченской республики, Республики Крым и г. Севастополя) за период 2005–2017 гг. Нижней границей временного ряда выбран 2005 г., поскольку только с этого года сформирована полная статистика с разбивкой по ОКВЭД в разрезе субъектов РФ³. Для оценки уравнений (3) и (4) в качестве переменной l_i взяты значения темпов роста занятости в секторе обрабатывающей промышленности, а в качестве переменной q_i – значения темпов роста валовой добавленной стоимости в секторе обрабатывающей промышленности за соответствующие периоды по каждому субъекту РФ, входящему в выборку. Все стоимостные показатели приведены к базовому 2017 г. посредством индексов физического объёма ВРП.

Эмпирический анализ проводился в два этапа. На первом этапе получены оценки параметров уравнений (3) и (4) за весь период 2005–2017 гг. На втором этапе проведено оценивание

¹ Обзор некоторых работ см. в [6].

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М., 2018. 1162 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. М., 2012. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. М., 2007. 981 с.; Национальные счета России в 2014–2018 годах. М., 2019. 245 с.; Национальные счета России в 2007–2014 годах. М., 2015. 311 с.; Национальные счета России в 2004–2011 годах. М., 2012. 344 с.

³ Также на момент исследования отсутствуют данные о ВРП с разбивкой по ОКВЭД по 2018 г.

по двум смежным периодам равной продолжительности: 2005–2011 и 2011–2017 гг. Это сделано по нескольким причинам. С одной стороны, выводы модели Калдора-Вердоорна характеризуют долгосрочное динамическое равновесие. Поэтому использование годовых панельных данных о темпах изменения показателей теоретически неоправданно. С другой, весь исследуемый период в явном виде включает в себя два субпериода, характеризующихся разными тенденциями динамики численности занятости в секторе обрабатывающей промышленности (*рис.*). Так, резкое сокращение численности занятых наблюдалось в РФ в 2005–2010 гг., затем эта тенденция заметно ослабла.

Рис. Динамика валовой добавленной стоимости и численности занятых в обрабатывающей промышленности РФ, % (2005 = 100)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

По показателю валовой добавленной стоимости (ВДС) обрабатывающей промышленности в 2005–2010 гг. тенденция не выражена, а с 2010 г. зафиксирован рост. Можно предположить, что с 2010 г. в национальной экономике наблюдается повышение производительности труда в обрабатывающей промышленности на фоне продолжающегося сокращения численности занятости в этом секторе.

Для ослабления влияния случайных и циклических факторов на конечные оценки, таким образом, целесообразно разбить исследуемый временной отрезок на два равных интервала. Отдельно оценивая периоды 2005–2011 и 2011–2017 гг. можно существенно уменьшить автокорреляцию остатков, избавив их от влияния колебаний, связанных с деловым циклом, наличие которого прослеживается в исследуемом периоде 2005–2017 гг.

К регионам, на территории которых выделяются крупные промышленные агломерации, отнесены те субъекты РФ, в которых расположены города, выделенные в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия) в качестве перспективных крупных центров экономического роста (города, образующие крупные городские агломерации и крупнейшие городские агломерации, которые обеспечат вклад в экономический рост РФ более 1% ежегодно). Таких субъектов насчитывается 21¹. Каждому из них соответствует значение переменной D_i равное 1. Остальным субъектам присвоено значение D_i равное 0.

¹ Московская область и г. Москва, Ленинградская область и г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Краснодарский край, Красноярский край, Пермский край, Приморский край, Волгоградская область, Воронежская область, Иркутская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Ростовская область, Самарская область, Свердловская область, Тюменская область (без автономных округов), Челябинская область.

Результаты оценивания

Каждое из уравнений (3) и (4) оценивалось по данным трёх временных интервалов: 2005–2011, 2011–2017 и 2005–2017 гг. Несмотря на то что разграничение осуществлялось по принципу равных временных интервалов, оно весьма близко соответствует двум периодам, представленным на *рисунке*. Оценивание проводилось методом наименьших квадратов (OLS) по кросс-секционным данным о темпах роста соответствующих субъектов РФ (*табл.*).

Таблица

Оценка параметров уравнений Калдора-Вердоорна

Показатель	2005–2011		2011–2017		2005–2017	
	(3)	(4)	(3)	(4)	(3)	(4)
a	–0,76* (–5,218)**	–0,066* (–4,028)	–0,092* (–2,463)	–0,111* (–2,550)	–0,239* (–3,327)	–0,203* (–2,520)
q_i	0,005 (0,467)	0,007 (0,676)	0,659* (8,980)	0,666* (9,005)	0,406* (6,464)	0,410* (6,517)
D_i	–	–0,042 (–1,283)	–	0,070 (0,856)	–	–0,149 (–0,997)
R^2	0,003	0,023	0,502	0,507	0,343	0,351

Примечания: * – значимость на 95% уровне; ** – в скобках указано значение t-статистики.

Источник: расчёты автора.

Можно заключить, что отсутствие явно выраженной тенденции изменения выпуска на временном отрезке 2005–2011 гг. отразилось на качестве оценок для данного интервала. Несомненно, здесь сыграла свою роль ограниченность статистических данных¹ и относительно короткий временной промежуток исследования. Оценки за 2011–2017 гг. – и за весь период в целом – показывают наличие в российской экономике эффектов, предсказываемых моделью Калдора-Вердоорна.

Оценки за 2005–2017 гг. в целом близки к оценкам за 2011–2017 гг. Более низкие значения в первом случае отражают тот факт, что они являются своего рода средневзвешенной оценок по двум смежным временным интервалам. Для проверки устойчивости результатов оценивания из исходных статистических данных были исключены регионы, в которых удельный вес сектора добычи полезных ископаемых в валовом региональном продукте в 2017 г. превышал 25%. Таких субъектов РФ насчитывалось 12. Оценивание шести исходных уравнений по данным оставшихся 70 регионов показало лишь незначительное (в пределах 5%) повышение коэффициентов при q_i (с одновременным незначительным ростом R^2) в тех же уравнениях, которые дали значимые результаты по исходным 82 субъектам РФ². Таким образом, далее обсуждаются только оценки, полученные на основе данных по 82 субъектам РФ во временном интервале 2005–2017 гг.

Оценки постоянного члена a статистически значимы и их знак соответствует ожидаемому. Постоянный коэффициент отражает автономное изменение производительности труда на

¹ Анализ зарубежных работ показывает, что объёмы статистических данных позволяют исследователям выделять 3–4 временных интервала продолжительностью по 10 лет.

² То есть для 2011–2017 и 2005–2017 гг. Для 2005–2011 гг. оценки коэффициентов при q_i по уменьшенной выборке также не выявили статистически значимых изменений.

национальном уровне. Точечные оценки параметра при q_i соответствуют предсказаниям модели. Обоснованность закона Вердоорна подтверждается статистической значимостью оценок коэффициента b . Результаты подтверждают обоснованность тезиса о том, что сектор обрабатывающей промышленности характеризуется наличием возрастающей отдачи от масштаба на региональном уровне ($v = 1 / b = 2,4$).

Исторически обрабатывающая промышленность в России сконцентрирована, главным образом в ряде промышленных центров. Можно было ожидать, что регионы, в которых эти центры размещены, демонстрируют кумулятивный рост за счёт остальных регионов. Несмотря на то что оценка параметра при фиктивной переменной D_i имеет ожидаемый знак, её статистическая значимость не подтверждается. Таким образом, можно сделать предварительное заключение, что субъекты РФ, на территории которых расположены крупные и крупнейшие промышленные агломерации (как их определяет Стратегия), не демонстрируют тенденцию к темпам роста производительности, превышающим средний уровень остальных регионов¹. Высокая концентрация промышленных производств не даёт этим регионам начальных преимуществ в производительности, которая трансформируется в более высокие темпы экономического роста. Однако явный учёт в модели пространственных эффектов может изменить картину².

К сожалению, отсутствие статистически значимых оценок коэффициента Вердоорна для 2005–2011 гг. не позволяет провести сравнение двух субпериодов с точки зрения изменения параметра v . Его уменьшение с течением времени могло бы свидетельствовать о замедлении кумулятивной причинности в результате ускорения темпов роста регионов с относительно отсталой промышленностью. Увеличение показателя, напротив, свидетельствовало бы о процессах усиления региональной дивергенции.

Заключение

В исследовании выполнена оценка тенденций развития российских регионов в 2005–2017 гг. с использованием модели экономического роста Калдора. Выявлено, что для промышленно развитых регионов характерен кумулятивный экономический рост, основными факторами которого являются темпы роста производительности труда в промышленности (закон Вердоорна) и экономия от масштаба производства в результате концентрации промышленного производства. Это вызывает эффект нарастания неоднородности экономического роста в пространстве в результате перераспределения эффекта масштаба в пользу промышленно развитых регионов.

Результаты подтверждают кумулятивный характер региональной динамики промышленного производства в РФ. Кумулятивная природа регионального роста соответствует посткейнсианским взглядам на возрастающую отдачу от масштаба, которая приводит к неравновесной траектории экономической динамики. Это, в свою очередь, ведёт к расширению регионального диспаритета, увеличивая разрыв между «центрами» и «периферией».

Кроме этого, в исследовании модель Калдора-Вердоорна была расширена путём явного учёта агломерационного эффекта, возникающего из концентрации производственной деятельности в отдельных точках пространства. Пространственная концентрация производств, по крайней мере в теоретическом аспекте, считается одним из важнейших факторов, определяющих региональный рост. Этот аспект приобретает ещё большую значимость в силу того, что зачастую становится объектом управления посредством региональной политики. Принятая в

¹ Следует отметить, что уменьшение числа субъектов РФ с крупнейшими агломерациями с 21 до 10 (по величине суммарного объёма ВДС обрабатывающей промышленности за 2005–2017 гг.) не внесло существенных изменений в полученные оценки.

² В частности, это имеет место в исследовании [6].

РФ Стратегия направлена, главным образом на развитие крупных агломераций, которые могут стать в будущем основными драйверами роста национальной экономики [3; 4; 5].

В связи с этим была предпринята попытка определить, являются ли выделенные в Стратегии крупные и крупнейшие агломерации в настоящее время «точками» ускоренного роста. Исследование не выявило значимого влияния агломерационного фактора на темпы роста производительности труда в соответствующих «стратегических» субъектах РФ. Разумеется, результаты, полученные в данной спецификации модели, могут измениться, если в явном виде будут учтены пространственные эффекты (влияние динамики процессов в одних регионах на динамику процессов в соседних с ними регионах). Однако на это не стоит априорно полагаться, ссылаясь на опыт исследований в других странах. Необходимо учитывать размеры России, а также относительно низкую среднюю плотность экономической деятельности, которая может заметно сказываться на действии центростремительных и центробежных экономических сил. В любом случае инструментарий оценки, применённый в настоящем исследовании, может оказаться вполне пригодным для вынесения суждений в будущем касательно того, повлияет ли концентрация ресурсов в крупнейших центрах на их ускоренный рост, и приведёт ли это к увеличению разрыва в динамике между развитыми промышленными «центрами» и остальной «периферией».

Список литературы

1. Глуценко К.П. Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // Регион: экономика и социология. 2010. № 4. С. 88–119.
2. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
3. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
4. Лексин В.Н. Дороги, которые мы не выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») // Российский экономический журнал. 2020. № 3. С. 3–24. <http://dx.doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-24>
5. Минакир П.А. Городские агломерации: последний рубеж? // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 53–59. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.3.53>
6. Alexiadis S., Tsagdis D. Reassessing the Validity of Verdoorn's Law Under Conditions of Spatial Dependence: A Case Study of the Greek Regions // Journal of Post Keynesian Economics. 2006. Vol. 29. № 1. Pp. 149–175. <https://doi.org/10.2753/PKE0160-3477290107>
7. D'Acunto S., Destefanis S., Musella M. Exports, Supply Constraints and Growth: An Investigation Using Regional Data // International Review of Applied Economics. 2004. Vol. 18. № 2. Pp. 167–189. <https://doi.org/10.1080/0269217042000186660>
8. Dixon R., Thirlwall A. A Model of Regional Growth-Rate Differences on Kaldorian Lines // Oxford Economic Papers. 1975. Vol. 27. № 2. Pp. 201–214.
9. Fingleton B., McCombie J.S.L. Increasing Returns and Economic Growth: Some Evidence for Manufacturing from the European Union Regions // Oxford Economic Papers. 1998. Vol. 50. № 1. Pp. 89–105.
10. Kaldor N. Productivity and Growth in Manufacturing Industry: A Reply // Economica. 1968. Vol. 35. № 140. Pp. 385–391.
11. Leon-Ledesma M. Economic Growth and Verdoorn's Law in the Spanish Regions // International Review of Applied Economics. 2000. Vol. 19. № 1. Pp. 55–69.
12. McCombie J.S.L. A Synoptic View of Regional Growth and Unemployment: II – The Post-Keynesian Theory // Urban Studies. 1988. Vol. 25. № 5. Pp. 399–417.

13. Pons-Novell J., Viladecans-Marsal E. Kaldor's Law and Spatial Dependence: Evidence for the European Regions // *Regional Studies*. 1999. Vol. 33. № 5. Pp. 443–451.

References

1. Glushenko K.P. Research of Income Inequality Between Russian Regions. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2010. No. 4. Pp. 88–119. (In Russian)
2. Kolomak E. Uneven Spatial Development in Russia: Explanations of New Economic Geography. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy]. 2013. No. 2. Pp. 132–150. (In Russian)
3. Kuznetsova O.V. Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 4. Pp. 107–125. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125> (In Russian)
4. Leksin V.N. The Roads That We Do Not Choose (On the Government «Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period Up to 2025»). *Rossiyski ekonomicheski zhurnal* [Russian Economic Journal]. 2020. No. 3. Pp. 3–24. <http://dx.doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-24> (In Russian)
5. Minakir P.A. City Agglomerations: The Last Frontier? *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 3. Pp. 53–59. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.3.53> (In Russian)
6. Alexiadis S., Tsagdis D. Reassessing the Validity of Verdoorn's Law Under Conditions of Spatial Dependence: A Case Study of the Greek Regions. *Journal of Post Keynesian Economics*. 2006. Vol. 29. No. 1. Pp. 149–175. <https://doi.org/10.2753/PKE0160-3477290107>
7. D'Acunto S., Destefanis S., Musella M. Exports, Supply Constraints and Growth: An Investigation Using Regional Data. *International Review of Applied Economics*. 2004. Vol. 18. No. 2. Pp. 167–189. <https://doi.org/10.1080/0269217042000186660>
8. Dixon R., Thirlwall A. A Model of Regional Growth-Rate Differences on Kaldorian Lines. *Oxford Economic Papers*. 1975. Vol. 27. No. 2. Pp. 201–214.
9. Fingleton B., McCombie J.S.L. Increasing Returns and Economic Growth: Some Evidence for Manufacturing from the European Union Regions. *Oxford Economic Papers*. 1998. Vol. 50. No. 1. Pp. 89–105.
10. Kaldor N. Productivity and Growth in Manufacturing Industry: A Reply. *Economica*. 1968. Vol. 35. No. 140. Pp. 385–391.
11. Leon-Ledesma M. Economic Growth and Verdoorn's Law in the Spanish Regions. *International Review of Applied Economics*. 2000. Vol. 19. No. 1. Pp. 55–69.
12. McCombie J.S.L. A Synoptic View of Regional Growth and Unemployment: II – The Post-Keynesian Theory. *Urban Studies*. 1988. Vol. 25. No. 5. Pp. 399–417.
13. Pons-Novell J., Viladecans-Marsal E. Kaldor's Law and Spatial Dependence: Evidence for the European Regions. *Regional Studies*. 1999. Vol. 33. No. 5. Pp. 443–451.

■ ■ ■
Для цитирования:

Исаев А.Г. Возрастающая отдача от масштаба и экономический рост российских регионов: эмпирическая проверка закона Вердоорна // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 39–48. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.39>

For citing:

Isaev A.G. Increasing Returns and Economic Growth of Russian Regions: Empirical Verification of Verdoorn's Law. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 39–48. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.39> (In Russian)

ЛЕОНОВ
Сергей
Николаевич

Доктор экономических наук,
профессор, ведущий
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LEONOV
Sergey
Nikolaevich

Doctor of economics,
professor, leading researcher
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

leonov@ecrin.ru

© Леонов С.Н.,
Толмачёв В.Д., 2020

УДК 33.332.146.2

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ И СВОБОДНЫЙ ПОРТ ВЛАДИВОСТОК КАК ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

В основе современной региональной политики России лежат идеи Ф. Перру о неоднородности регионального развития и концентрации экономического роста в локальных точках. В Хабаровском крае проблема преломляется в развитие территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ). В работе предпринята попытка анализа проблем и обоснования предложений по повышению эффективности функционирования ТОР и СПВ в Хабаровском крае.

ТОР, СПВ, Хабаровский край

TERRITORIES OF ADVANCED DEVELOPMENT AND THE FREE PORT OF VLADIVOSTOK AS A TOOLS FOR IMPLEMENTING REGIONAL POLICY IN THE Khabarovsk Territory

The modern regional policy of Russia is based on the ideas of F. Perroux on the heterogeneity of regional development and the concentration of economic growth at local points. In the Khabarovsk Territory, the problem is reflected in the development of territories of advanced development (TASED) and the free port of Vladivostok (FPV). The paper attempts to analyze the problems and substantiate proposals for improving the efficiency of TASED and FPV in the Khabarovsk Territory.

TASED, FPV, Khabarovsk Territory

Работа выполнена по гранту «Локальные точки роста в территориальной структуре Хабаровского края» в форме субсидии из Хабаровского краевого бюджета на реализацию проектов в области научных исследований в 2020 г.

ТОЛМАЧЁВ
Вячеслав
Дмитриевич

Младший научный сотрудник,
аспирант

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

TOLMACHEV
Vyacheslav
Dmitriyevich

Junior research fellow,
post-graduate student

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

slava.tolmachev.94@mail.ru

Введение

В настоящее время уже сложилось понимание неизбежности региональной дифференциации и как следствия, и как условия быстрого экономического развития [3; 9; 16]. Предпринимаются попытки классификации регионов по уровню развития, выделения «полюсов роста» и отстающих территорий, формирования «полюсов роста» вокруг пропульсивных отраслей. Идея «полюсов роста» [15; 20; 23] стала традиционной компонентой региональной политики большинства стран. В РФ также активно используются локальные инструменты реализации региональной политики. В Хабаровском крае этот подход преломляется в идею развития ТОР и СПВ, поэтому особенно важно оценить состояние и перспективы функционирования данных режимов. При написании работы учитывалось, что утверждённая методика оценки эффективности ТОР¹ начнёт применяться с 2027 г., вследствие этого внимание фокусировалось на оценке общего состояния ТОР и СПВ и выявлении проблем стимулирования развития локальных точек роста в региональной политике края.

Теоретической базой исследования является концепция пропульсивных отраслей и полюсов роста Ф. Перру [16]. Разработка методических подходов к оценке результативности применяемых государством территориально локализованных инструментов региональной политики относится к числу далёких от своего решения задач. Выделяется как минимум четыре различных подхода к оценке результативности локализованных инструментов региональной политики [1; 6; 10; 14; 22]: соизмерение издержек и выгод; сравнение действительных результатов применения инструментов локализованной региональной политики с возможными результатами развития без их применения; оценка отдельных индикаторов, выделяемых авторами для анализа; оценка степени достижения целей. Каждый подход имеет сильные и слабые стороны, ни один не разработан полностью и не является общепризнанным.

Проблема использования конкретного подхода к оценке результативности локальных проектов состоит в том, что в условиях дефицитности региональных бюджетов [12]

¹ Оценка эффективности ТОР проводится ежегодно, начиная с тринадцатого года, следующего за годом, в котором Правительством РФ принято решение об их создании. См. постановление Правительства РФ № 1240 от 23 сентября 2019 г. «Об утверждении методики оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности территорий опережающего социально-экономического развития, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)».

сложно сделать однозначные выводы о реальном влиянии используемых инструментов на динамику социально-экономического развития региона. В странах с развитой рыночной экономикой государственные меры поддержки обычно приводят к реальным результатам – созданию новых предприятий, возникновению новых рабочих мест, росту налоговых поступлений [21]. Однако вопрос о том, возникли бы эти предприятия без государственной поддержки или нет, остаётся открытым. В РФ к названным проблемам добавляется текущее состояние муниципальной статистики, не позволяющее выполнить ретроспективный анализ ситуации в муниципалитетах, так как массив данных сильно разрежён и большинство показателей не представлено полными временными рядами [13].

Предпосылки внедрения ТОР и СПВ в территориальную структуру Хабаровского края

Для Хабаровского края характерна значительная неоднородность территориального развития, объясняемая различиями социально-экономических потенциалов муниципалитетов¹. Количественное ранжирование муниципалитетов края по величине социально-экономического потенциала осложняется значительным числом методических подходов к количественной оценке её значения [2; 5; 7].

В настоящем исследовании количественная оценка уровня социально-экономического потенциала муниципалитетов Хабаровского края выполнялась на основе разработанного в ИЭИ ДВО РАН подхода, подробно описанного в ряде работ [2; 19]. Также отметим следующее. Предполагалось, что структуру сводного социально-экономического потенциала муниципалитетов формируют частные (локальные) потенциалы: социально-демографический, экономический и финансовый. Все частные потенциалы находятся во взаимодействии между собой, при этом каждый из них характеризуется рядом показателей. На основе максиминного метода (в процентных пунктах от 0 до 100) определялось место каждого из показателей конкретного муниципалитета на нормированной линейке значений аналогичных показателей всей совокупности муниципальных образований. Величина социально-экономического потенциала муниципального образования рассчитывалась как среднее арифметическое численных значений показателей конкретного муниципалитета на нормированной линейке значений показателей всей совокупности муниципалитетов края. Полученная для каждого муниципалитета величина потенциала социально-экономического развития имела размерность от 0 до 100 процентных пунктов. Чем выше рейтинг муниципалитета, тем большее число параметров, его формирующих, характеризовалось близостью к лучшим показателям среди рассмотренной совокупности муниципалитетов².

Расчёты, выполненные по данным 2014 г., – накануне внедрения методологии формирования ТОР в хозяйственную практику Хабаровского края – представлены в [таблице 1](#). Фактически к 2015 г. (к моменту принятия решения о формировании ТОР в Хабаровском крае) сформировались четыре группы муниципалитетов по уровню развития их социально-экономических потенциалов. Выделялись «муниципалитеты-локомотивы», относящиеся к I–II группам по величине рейтинга социально-экономических потенциалов в составе г. Хабаровска,

¹ В работе под социально-экономическим потенциалом понимается «совокупное количество всех имеющихся ресурсов в регионе, а также качественных характеристик, определяющих эффективные возможности использования данных ресурсов в регионе, которые могут быть направлены на улучшение экономических процессов региона и использованы для решения его проблем, достижения определённых целей и задач регионального развития» [19].

² Нулевой рейтинг будет иметь муниципалитет с наихудшими среди муниципалитетов показателями по всем, формирующим социально-экономический потенциал параметрам. Рейтинг в 100 процентных пунктов характеризует муниципалитет, имеющий лучшие позиции по всем оцениваемым параметрам среди совокупности регионов.

г. Комсомольска-на-Амуре, Николаевского, Ванинского и Советско-Гаванского административных районов, а также регионы-аутсайдеры и близкие к ним по уровню социально-экономического потенциала регионы III группы.

Таблица 1

Группировка муниципалитетов Хабаровского края
по величине сводного рейтинга социально-экономического потенциала в 2014 г.

Название группы	Группа и значение рейтинга (п. п.)	Муниципальные образования группы
Лидеры	I (50,1–100)	Городские округа: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре
Транзитные регионы	II (33–50)	Муниципальные районы: Николаевский, Ванинский, Советско-Гаванский
	III (20,1–32,9)	Муниципальные районы: Аяно-Майский, Бикинский, Нанайский, Охотский, Верхнебуреинский, Хабаровский, Амурский, им. Лазо, Ульчский, Вяземский, Комсомольский
Аутсайдеры	IV (0–20)	Муниципальные районы: Солнечный, им. Полины Осипенко, Тугуро-Чумиканский

Источник: расчёты авторов.

Сложившаяся к 2015 г. в Хабаровском крае группировка муниципалитетов по величине сводного рейтинга социально-экономических потенциалов представлена на [рисунке 1](#).

К этому времени и в крае, и на Дальнем Востоке созрело понимание необходимости точечного, избирательного стимулирования регионального развития как макрорегиона в целом, так и его низовых регионов. В октябре 2013 г., по итогам заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Правительством РФ была одобрена новая модель развития территории¹, основанная на экспорте в страны Азиатско-Тихоокеанского региона готовых товаров (работ, услуг), создании конкурентоспособного инвестиционного климата, привлечении прямых инвестиций, в том числе иностранных, росте деловой активности, создании конкурентоспособных территорий опережающего развития. Приоритеты новой модели экономического развития макрорегиона связывались с формированием и развитием ТОР, инфраструктурной поддержкой инвестиционных проектов и распространением режима СПВ.

В Стратегии развития Хабаровского края до 2025 г.² и затем до 2030 г.³ принцип поляризации регионального развития в крае был официально закреплён. Генеральной целью социально-экономического развития края признавалось превращение региона в центральный полюс роста экономики Дальнего Востока.

Для этого в модели пространственной организации экономики региона в Стратегии развития до 2030 г. выделены Южная и Северная зоны края с различными перспективами раз-

¹ Новая модель развития Дальнего Востока одобрена. Решения по итогам заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. URL: <http://debri-dv.com/article/8123> (дата обращения: 15.11.2020).

² Постановление Правительства Хабаровского края № 1-пр от 13 января 2009 г. «О стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года».

³ Постановление Правительства Хабаровского края № 215-пр от 13 июня 2018 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года».

вития и постулировалось формирование пяти пространственных полюсов (центров) развития, имеющих специфическую специализацию (рис. 2). Зона Севера края рассматривалась как зона поддержания социальных стандартов. Стимулирование экономической активности предполагалось здесь в пограничных с Южной зоной регионах (создание центра развития в районе г. Николаевска-на-Амуре и развитие монопоселения Чегдомын, где градообразующей моноотраслью является угледобыча). Основное внимание региональных органов власти концентрировалось на развитии Южной зоны, где сосредоточен основной производственный и населенческий потенциал региона.

Рис. 1. Рейтинг социально-экономического потенциала муниципалитетов Хабаровского края в 2014 г.

Рис. 2. Районирование территории по Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 г.

Источник: выполнено В.Д. Хижняком по расчётам авторов.

Источник: выполнено В.Д. Хижняком по: Постановление Правительства Хабаровского края № 215-пр от 13 июня 2018 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года».

Сравнив локации территориальных зон, отметим, что фактически они сформировались в регионах-локомотивах, которыми в это время являлись административные районы края, входившие в I и II группы по уровню их социально-экономических потенциалов: г. Хабаровск, г. Комсомольск-на-Амуре, Николаевский, Ванинский и Советско-Гаванский районы (рис. 1, 2).

Исторически небольшой срок функционирования ТОР и СПВ, с одной стороны, порождает желание разобраться в результативности выбранных инструментов стимулирования территориального развития мезорегиона, с другой – ввиду отсутствия необходимой статистической базы накладывает ограничения на возможность подобных оценок. Осложняет задачу оценки результативности локальных зон и незавершённость к настоящему моменту процесса формирования их преференциальных режимов.

Преференциальные режимы ТОР и СПВ очень близки не только по функционалу, но по целям и задачам [11]. Принципиальное формальное отличие СПВ от ТОР – локализация мест реализации проектов резидентов. Если СПВ – это режим упрощённого администрирования, локализованный в пределах муниципальных образований, то ТОР – физически ограниченные территории, определённые индивидуальными кадастровыми участками для каждого резидента.

Различия между СПВ и ТОР отмечаются также в вопросах инфраструктуры и земельных отношений. Для компании, действующей в ТОР, предлагается готовая инфраструктура в виде подготовленного для капитального строительства пустого участка (так называемый тип «гринфилд») или готового строения (тип «браунфилд») [8]. В ТОР за создание инфраструктуры отвечает управляющая компания АО «Корпорация развития Дальнего Востока» (АО «КРДВ»), а резиденты СПВ имеют право запросить у АО «КРДВ» необходимую инфраструктуру и, в свою очередь, несут полную ответственность за её использование. Существенно отличается размер минимальных инвестиций: для резидентов СПВ он составляет 5 млн рублей, а для резидентов ТОР – 500 тыс. рублей.

Однако члены Ассоциации резидентов ТОР и СПВ считают, что главное отличие режимов локальных зон (и одновременно главное преимущество СПВ в сравнении с ТОР), существовавшее до недавнего времени, состояло в возможности получения резидентами СПВ земельных участков под свои проекты в аренду без затратных и обременительных процедур (по кадастровой стоимости без торгов). По результатам опроса, проведённого в конце 2019 г., 86% респондентов-резидентов СПВ заявляли о преференциях при получении земли, как о главном условии реализации их инвестиционных проектов в локальной зоне¹. В условиях отсутствия подобной льготы более 40% опрошенных отказались бы от реализации проектов из-за длительности периода оформления земельных участков, а ещё свыше 30% – по причине высокой стоимости земельных участков, формирующейся на торгах. Данный опрос был инициирован предпринимателями г. Владивостока², представлявшими 85% от 1 500 резидентов СПВ.

В процедуре наделения резидентов СПВ земельными участками обнаружилась ещё одна проблема. Так, согласно федеральному закону № 212-ФЗ от 13 июля 2015 г. «О свободном порте Владивосток» право предоставления земли резидентам СПВ без аукциона предоставлялось АО «КРДВ». Однако выделение земельных участков из муниципальной собственности, которые составляют основную часть земель, где действует режим СПВ, является компетенци-

¹ Ассоциация резидентов встала на защиту ключевой преференции свободного порта Владивосток. URL: <https://grimamedia.ru/news/927383> (дата обращения: 15.11.2020).

² Именно в г. Владивостоке ключевая преференция СПВ (получение земли без торгов) стала серьёзной проблемой в реализации положений преференциального режима, ввиду ограниченности свободных земель и конкуренции резидентов зоны, претендующих на один и тот же участок. Кроме того, правоприменительная практика показала, что значительная часть резидентов СПВ приобретала этот статус исключительно для получения участков в обход конкурентных процедур.

ей муниципальных органов власти. Возникла правовая коллизия, когда федеральные органы исполнительной власти через деятельность АО «КРДВ» диктовали муниципальным органам, какие земельные участки и на каких условиях необходимо предоставлять резидентам. Учитывая высокий спрос на землю и необходимость согласования данного закона с иными нормативно-правовыми актами, в Государственную Думу РФ 24 марта 2020 г. был внесён проект федерального закона, в котором проблему конкуренции за землю в СПВ предлагалось решить путём возврата к процедуре аукциона. Данный законопроект был принят 15 октября 2020 г.¹ Согласно внесённой поправке, земельные участки в дальнейшем будут предоставляться в аренду резидентам СПВ в общем порядке (через аукцион). Можно предположить, что с изменением условия выделения земли, количество резидентов, претендовавших на размещение в г. Владивостоке, сильно сократится. Как это изменение скажется на количестве и самочувствии резидентов СПВ в Хабаровском крае – сказать трудно. Тем не менее можно ожидать, что столь резкое изменение условий хозяйствования в локальных зонах вряд ли позитивно скажется на деятельности и количестве резидентов СПВ в крае и в целом на Дальнем Востоке. Кроме того, резиденты ТОР и СПВ не защищены от возможного изменения федерального и регионального налогового законодательства. В 2019 г. Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики предложило пересмотреть ставку по налогу на прибыль для резидентов локальных зон на Дальнем Востоке. В настоящее время налог на прибыль резидентов ТОР и СПВ составляет 0% в первые 5 лет и 12% – в следующую пятилетку (2 и 10% – в федеральный и региональный бюджеты соответственно). В Министерстве рассматривается возможность установить неизменную ставку налога на прибыль организации (7%) с момента начала проекта и на весь период его реализации резидентом ТОР или СПВ². Подобная мера, с точки зрения Министерства, позволит регионам сразу начать получать налоговые доходы от реализации инвестиционных проектов. Отметим, что нестабильность регуляторной системы ТОР и СПВ, выражающаяся в частых пересмотрах «правил игры», по мнению экспертов [18], серьёзно влияет на поведение резидентов зон, затрагивая их интересы.

Особенности создания и функционирования локальных зон в Хабаровском крае

Режим ТОР стал использоваться в крае раньше, чем режим СПВ. Две первые ТОР («Хабаровск» и «Комсомольск») были созданы в июне 2015 г.³ В апреле 2017 г. к ним добавилась ТОР «Николаевск». В настоящее время в Хабаровском крае действуют 3 из 20 ТОР, функционирующих на Дальнем Востоке. С 2018 г. режим СПВ, первоначально введённый в порту Владивосток, был распространён на территории Ванинского и Советско-Гаванского административных районов края.

Территориальная структура, созданных в крае, представлена в [таблице 2](#). На 1 августа 2020 г. общее количество резидентов равнялось 75 (16,1% от общего количества резидентов дальневосточных ТОР). Смертность предприятий-резидентов краевых ТОР за 2015–2020 гг. оказалась достаточно высокой (21,9%), что более чем в два раза превышает средний показатель смертности по ТОР Дальнего Востока (9,5%). Высокий совокупный уровень смерт-

¹ См. федеральный закон № 318-ФЗ от 15 октября 2020 г. «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ в связи с изменением порядка предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, резидентам свободного порта Владивосток».

² Минвостокразвития хочет поднять налог на прибыль резидентам ТОР и свободного порта до 7%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6624930> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

ности формируется за счёт уровней показателя по ТОР «Комсомольск» (18,9%) и «Хабаровск» (26,9%), что связано с их более длительным сроком функционирования по сравнению с другими зонами.

Активность инвесторов сильно различается по зонам. Хабаровская и Комсомольская зоны входят в пятёрку крупнейших дальневосточных ТОР по количеству действующих резидентов. На 1 августа 2020 г. в ТОР «Хабаровск» насчитывалось 38 действующих резидентов, в ТОР «Комсомольск» – 30, а в ТОР «Николаевск» – лишь 7.

Таблица 2

Территориальная структура ТОР Хабаровского края по состоянию на 1 августа 2020 г.

Наименование	Месяц и год создания	Специализация	Кол-во приоритетных видов деятельности	Кол-во зарегистрированных резидентов с момента образования зоны	Кол-во расторгнутых соглашений с момента образования зоны	Кол-во действующих резидентов зоны
ТОР «Комсомольск»	Июнь 2015	Промышленная, производство комплектующих для авиастроения	59	37	7	30
ТОР «Хабаровск»	Июнь 2015	Промышленно-логистическая, сельское хозяйство, металлургическое производство	57	52	14	38
ТОР «Николаевск»	Апрель 2017	Судоремонт, переработка водных биоресурсов, добыча полезных ископаемых	16	7	–	7
Итого по ТОР края:			132	96	21	75
Справочно по ТОР Дальнего Востока:			700	514	49	465

Источники: составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf> (дата обращения: 15.11.2020); постановление Правительства РФ № 628 от 25 июня 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Комсомольск»; постановление Правительства РФ № 630 от 25 июня 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Хабаровск»; постановление Правительства РФ № 464 от 19 апреля 2017 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Николаевск».

Вероятно, подобное положение можно объяснить рядом факторов.

Во-первых, впервые созданным на Дальнем Востоке ТОР («Хабаровск» и «Комсомольск») был присущ «комплексный характер», а количество видов деятельности, осуществляемых в особом правовом режиме указанных зон приближается к 60. С 2016 г. внимание Правительства РФ стало фокусироваться на создании «узкопрофильных» зон с небольшим числом разрешённых видов деятельности. ТОР «Николаевск» формировалась в условиях новой федеральной политики поэтому общее число разрешённых здесь видов деятельности значительно меньше.

«Комплексные» зоны по определению более привлекательны для предпринимателей, так как из-за большего числа возможных видов деятельности являются более открытыми. Во-вторых, ТОР «Комсомольск» и «Хабаровск» находятся в пригороде крупнейших городов Хабаровского края. Это позволяет предположить, что на величину и активность резидентов ТОР положительно влияет географическая близость к инфраструктуре крупных городов.

Территориальные структуры ТОР и СПВ различаются (рис. 3), что объясняется самой идеей формирования локальных зон. В случае СПВ режим упрощённого администрирования локализован в пределах муниципальных образований (в Хабаровском крае – Ванинский и Советско-Гаванский районы), в ТОР он предоставляется конкретному резиденту на физически ограниченных территориях (площадках), определённых индивидуальными кадастровыми участками для каждого резидента. Результатом этого являются значительные отличия по числу, размеру и территориальной «разбросанности» расположения площадок в ТОР.

Рис. 3. Основные территориальные объекты (площадки) ТОР и СПВ Хабаровского края по состоянию на 1 августа 2020 г.

Источник: выполнено В.Д. Хижняком по данным Инвестиционного портала Хабаровского края. URL: <https://invest.khv.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2020).

На 1 августа 2020 г. даже относительно компактная ТОР «Хабаровск» включала 4 площадки, ТОР «Комсомольск» – 8, ТОР «Николаевск» – 9 площадок, дисперсно размещённых на большой территории.

Территориальная разрозненность площадок усугубляет проблему обеспечения резидентов ТОР инфраструктурой. Поскольку управляющая компания по закону должна обеспечить резидентам зоны доступ к инфраструктуре, дисперсное размещение площадок увеличивает расходы АО «КРДВ» на инфраструктурное обустройство данных площадок. Недостаточный уровень развития транспортной и энергетической инфраструктуры Хабаровского края в целом является серьёзной проблемой региона и негативно сказывается на деятельности ТОР и СПВ.

Проблемы транспортной инфраструктуры особенно заметны в развитии СПВ: состояние железнодорожного транспорта и нехватка подъездных путей ограничивают работу портов Ванино и Советская Гавань. Территориальная и энергетическая изолированность региона задают определённые сложности и в развитии ТОР «Николаевск», поскольку Николаевская ТЭЦ технологически не связана с единой энергосистемой края.

В 2019 г. Федеральная энергетическая комиссия РФ приняла изменения, согласно которым тариф на электричество в локальных электросетях должен рассчитываться исходя из числа потребителей и количества используемой ими электроэнергии¹. Практически это означало, что тариф на электроэнергию должен был увеличиться в два раза (с 5 до 10 рублей за 1 кВт·ч)². Подобный рост тарифа сделал бы продукцию местных товаропроизводителей неконкурентоспособной и практически перечеркнул идею развития ТОР «Николаевск». После многочисленных обращений краевых властей в Генпрокуратуру России, Федеральная антимонопольная служба потребовала пересчитать цены, и тариф вырос «всего» на 20%. При этом данный вопрос окончательно не решён и остаётся крайне острым, так как в рамках обустройства площадок Чныррах и Оремиф (ТОР «Николаевск») от изолированной районной ТЭЦ завершается строительство ЛЭП-110 кВ³. Также остаётся открытым вопрос о том, смогут ли резиденты ТОР функционировать при таких тарифах на электроэнергию.

Отсутствие пропульсивных проектов среди большинства реализуемых якорных проектов резидентов также является одной из проблем локальных зон. Согласно Ф. Перру, именно пропульсивные отрасли определяют характер формирующегося полюса роста⁴. Как показывает мировой опыт, в удачных примерах реализации идей теории «полюсов роста» ключевое значение имел выбор пропульсивных отраслей или их сочетаний. В связи с этим отметим, что транспорт и логистика, занимающие значительный удельный вес в совокупности видов деятельности предприятий-резидентов краевых локальных зон, являются инфраструктурными отраслями, их пропульсивный эффект небольшой и носит скорее наведённый характер [11; 17].

¹ До этого он исчислялся как средняя величина по всем объектам большой энергетики, входящим в единые магистральные электрические сети Востока. Источник: Николаевский бизнес-энерготариф вернули в приемлемый вид. URL: <https://todaykhv.ru/news/society/21939/> (дата обращения: 15.11.2020).

² Электричество подорожает вдвое – в одном городе Хабкрая и не для всех. URL: <https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/20576/> (дата обращения: 15.11.2020).

³ ЛЭП для резидентов ТОР Николаевск достроят к октябрю. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/lep-dlya-rezidentov-tor-nikolaevsk-dostroyat-k-oktyabryu/> (дата обращения: 15.11.2020).

⁴ В модели формирования «полюса роста» Ф. Перру классифицировал отрасли производства по тенденциям развития на три группы: деградирующие, с тенденцией снижения их доли в структуре экономики региона; с высоким темпом роста, но значительно не влияющие на развитие остальных отраслей территории; пропульсивные отрасли, для которых характерен как значительный рост производства, так и порождение цепной реакции роста промышленных центров, стимулирование индустриального развития региона [16, с. 123–138].

Например, ни на одной площадке TOP «Хабаровск», являющейся не только наиболее «зрелой», но и наиболее «населённой» из функционирующих в крае, якорные проекты не носят пропульсивного характера (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика объектов (площадок) TOP «Хабаровск» по состоянию на 1 августа 2020 г.

Наименование / тип представления инфраструктуры	Площадь в пределах кадастровых кварталов, га	Административный район края	Основная специализация	Кол-во резидентов	Якорные проекты
Аэропорт / браунфилд	510 (17)*	«Город Хабаровск»	Современный пассажирский терминал с развитой деловой и коммерческой инфраструктурой	2	АО «Международный аэропорт Хабаровск»
Авангард / браунфилд	95 (52)	«Город Хабаровск»	Привлечение в частный индустриальный парк субъектов малого и среднего бизнеса в машиностроении, пищевой промышленности, производстве строительных материалов	15	ООО «Энерго-Импульс+» ООО «Комплексные Логистические Системы» ООО «Хладокомбинат Хабаровский» ООО «Логистерра» ООО «Айпитон» ООО «Джей Джи Си Эвергрин»
Ракитное / гринфилд	13 000 (545)	«Ракитнинское сельское поселение», «Хабаровский муниципальный район»	Пищевая промышленность, логистика, производство строительных материалов, сельское хозяйство, машиностроение	21	ООО «Прада пром-филтр» ООО «ТехноНИКОЛЬ Дальний Восток» ООО «Оптово-распределительный агропромышленный парк АгроХаб» ООО «Хабаровский трубный завод»
Лазо / браунфилд	119 (119)	Муниципальный район им. Лазо	Вертикально-интегрированный птицекомплекс по производству и переработке мяса индейки (13 700 т живым весом в год)	—	АО «Хабаровский зерноперерабатывающий комбинат» (потенциальный резидент)

Примечание: * – в скобках указана территория площадки, занятая резидентами, га.

Источники: составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf> (дата обращения: 15.11.2020); Итоги 2019 года. Корпорация развития Дальнего Востока. URL: <https://erdc.ru/upload/krdv-report-2019.pdf> (дата обращения: 02.10.2020).

В современной российской научной литературе и хозяйственной практике пропульсивной признаётся динамично развивающаяся отрасль, являющаяся ведущей на данном цикле экономического развития и характеризующаяся высоким уровнем технологий и обширным рынком, что обеспечивает индуцированный (поляризационный) эффект [17]. Другими словами, то, что порт, аэропорт или портовая инфраструктура в целом выступают деловым и хозяйственным центром территории размещения, недостаточно для признания транспортной инфраструктуры пропульсивной отраслью. Это же свойственно и для предприятий, занимающихся логистикой или нацеленных на конечный спрос. Неслучайно в начальной стадии реализации проектов ТОР и СПВ значительный акцент делался на привлечение иностранных инвестиций в надежде, что именно они обеспечат привнесение инновационных технологий и создание пропульсивных отраслей в регионе.

Иностранные инвестиции в идеологии создания локальных точек роста традиционно рассматриваются практиками и исследователями-регионалистами как источник новых технологий и формирования пропульсивных проектов. Однако сделать выводы об эффективности привлечения иностранных инвесторов в край невозможно, так как АО «КРДВ» не публикует данные об объёмах иностранных инвестиций в проектах отдельных резидентов в ТОР или СПВ, предоставляя агрегированные данные (без деления по режимам).

По данным рейтингового агентства «Эксперт РА», на начало 2019 г. 4,7% дальневосточных резидентов, зарегистрированных в СПВ, составляли компании с иностранным участием (51 компания из 1 057 резидентов), а операционную деятельность вели лишь 10 резидентов [18]. Суммарный объём иностранных инвестиций составил 1,2 млрд рублей. При этом 41% этого объёма инвестиций был обеспечен одним проектом (фабрика по огранке бриллиантов, построенная индийской компанией «КГК ДВ»)¹. В ТОР Дальнего Востока в это же время из 31 проекта с иностранным капиталом фактически реализовывалось только 7.

На начало 2020 г. 64 из 1 782 дальневосточных резидентов СПВ являлись компаниями с иностранным участием (4% общего количества резидентов), из них 41 – налоговый резидент КНР (64% общего количества иностранных компаний в локальной зоне) [4].

Следует отметить неоднозначное отношение региональных властей к иностранным инвесторам, особенно из Китая. Для стимулирования интереса региональных органов исполнительной власти к решению проблемы привлечения иностранных инвестиций, в июле 2019 г. постановлением Правительства РФ² в перечень критериев оценки работы губернаторов введён показатель «объём инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета». Однако региональные власти большинства дальневосточных территорий, насторожённо относясь к иностранному капиталу (особенно резидентов КНР), не стремятся наращивать его объёмы. Опасения, связанные с экспансией китайского бизнеса на Дальний Восток, прослеживаются и в концептуальных нормативно-правовых актах регионального уровня. Так, в разделе «3.6. Обеспечение безопасности» Программы развития приграничных территорий Хабаровского края³ отмечается, что обозначенные риски связаны именно с Китаем. Это не способ-

¹ Фабрику по огранке алмазов открыл индийский инвестор в свободном порту Владивосток (Интервью). URL: <https://minvr.ru/press-center/news/7887/> (дата обращения: 15.11.2020).

² Постановление Правительства РФ № 915 от 17 июля 2019 г. «Об утверждении методик расчёта показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

³ Распоряжение Правительства Хабаровского края № 746-рп от 26 сентября 2016 г. «О региональной программе Хабаровского края «Развитие приграничных территорий Хабаровского края до 2020 года».

ствует эффективному функционированию механизмов поддержки иностранных инвестиций на Дальнем Востоке, в том числе в Хабаровском крае.

Небольшой объём и низкую долю иностранных инвестиций в общем объёме инвестиций в экономику дальневосточных зон в целом, и краевых в частности, можно объяснить рядом причин.

С одной стороны, Правительства дальневосточных регионов стремятся избежать потенциального риска повышения зависимости от капитала соседних стран главным образом КНР и не допустить возможности реализации агрессивной миграционной политики со стороны сопредельных китайских провинций в отношении территорий Дальнего Востока. С другой, иностранных инвесторов, которые имеют альтернативы вложения капиталов в соседних с РФ странах (КНР или Республике Корея), в дальневосточных локальных зонах отпугивает качество организации регуляторной и преференциальной работы органов исполнительной власти, а также отмеченная выше изменчивость «правил игры», когда во время реализации проектов пересматриваются условия наделения резидентов землёй или обсуждаются вопросы пересмотра ставки по налогу на прибыль.

Заключение

Идея «полюсов роста» (узлового развития территории) в настоящее время является традиционной компонентой региональной политики большинства стран, включая РФ. В Хабаровском крае этот подход преломляется в идею формирования ТОР и СПВ.

Расчёт рейтинга социально-экономических потенциалов муниципалитетов края позволил количественно оценить уровень узлового развития Хабаровского края и выделить группу из пяти «муниципалитетов-локомотивов» роста и группу из четырнадцати проблемных муниципальных образований. Анализ локации, созданных в 2015–2018 гг. ТОР и СПВ, показал, что они фактически тяготеют к «муниципалитетам-локомотивам».

Сравнительный анализ преференциальных режимов функционирования ТОР и СПВ проявил их сходство как по отправным параметрам (функционалу, целям и задачам), так и по проблемам реализации, среди которых выделяется территориальная разрозненность площадок. Это усугубляет проблему обеспечения резидентов инфраструктурой, а также низкий уровень развития транспортной и энергетической инфраструктуры Хабаровского края в целом.

У большинства реализуемых якорных проектов резидентов локальных зон Хабаровского края отсутствует пропульсивный характер. Транспорт и логистика, занимающие значительный удельный вес в совокупности видов деятельности, осуществляемых предприятиями-резидентами локальных зон, являются инфраструктурными отраслями, их пропульсивный эффект небольшой и скорее носит наведённый характер, как и у отраслей, ориентированных на конечное потребление. В локальных зонах слабо проявляются элементы эмерджентного эффекта. Ставка на иностранные инвестиции, как на источник возникновения новых пропульсивных проектов, пока не сработала. Более половины компаний с иностранным капиталом имеют китайскую прописку. Существующие опасения, связанные с экспансией китайского бизнеса на Дальний Восток, отмечаются даже в концептуальных нормативно-правовых актах регионального уровня.

В процессе реализации проектов развития зон отмечается недостаточная согласованность действий государственных органов власти и отраслевых министерств: принятое на федеральном уровне решение тормозится деятельностью отраслевиков, как это отмечается в ТОР

«Николаевск». В данном случае неразрешённое противоречие в трактовке народнохозяйственной эффективности проекта ТОР и узкого отраслевого понимания эффективности энергетиками может привести к закрытию ТОР в связи с потенциальным резким повышением стоимости электроэнергии в этом энергоизолированном районе.

Нестабильность регуляторной системы ТОР и СПВ проявляется в частых пересмотрах «правил игры», что существенно влияет на поведение резидентов локальных зон, затрагивая их интересы. Одним из главных условий эффективности функционирования дальневосточных локальных зон должно явиться не столько наличие здесь для резидентов самого льготного из внутрироссийских режимов, сколько долгосрочная стабильность вводимых льгот. Только тогда можно рассчитывать, что ТОР и СПВ, созданные на Дальнем Востоке, смогут конкурировать с альтернативными механизмами привлечения инвестиций, сложившимися в Восточной Азии.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность В.Д. Хижняку, выполнившему картографические материалы, использованные в настоящей работе.

Список литературы

1. Бачлер Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе. URL: http://www.politanaliz.ru/articleprint_501.html (дата обращения: март 2020).
2. Инвестиционная среда региона: теоретические и прикладные аспекты. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. 120 с.
3. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения: апрель 2020).
4. Итоги 2019 года. Корпорация развития Дальнего Востока. URL: <https://erdc.ru/upload/krdv-report-2019.pdf> (дата обращения: 02.10.2020).
5. Ключникова Е.В., Шитова Е.М. Методические подходы к расчёту интегрального показателя, методы ранжирования // ИнноЦентр. 2016. № 1 (10). С. 4–18.
6. Кузнецова О.В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. Т. 12. № 4. С. 129–152. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>
7. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
8. Кутелева А.В., Сальникова П.О., Чернилевская К.Е., Шевчук Е.И. Свободный порт Владивосток: Вызовы и решения : аналитический доклад, ФМЭиМП, НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/343696640> (дата обращения: 15.11.2020).
9. Лексин В.Н. Влияние факторов самоорганизации и внешних регулирующих воздействий на процессы трансформации территориальных систем // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6. С. 8–27.
10. Лексин В.Н. Результативность и эффективность действия региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. 2012. № 1. С. 3–39.
11. Леонов С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 28–45. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3>

12. *Леонов С.Н.* Состояние консолидированных бюджетов и динамика государственного долга дальневосточных субъектов Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 3. С. 371–382. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30\(3\).371-382](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(3).371-382)
13. *Леонов С.Н.* Становление муниципальной статистики, её современное состояние и соответствие потребностям исследований региональной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 223–230. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/400/36>
14. *Михеева Н.Н., Ананьева Р.И.* Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 39–57.
15. *Нещадин А., Треву Д.-С.* О французском опыте создания полюсов конкурентоспособности // Общество и экономика. 2012. № 5. С. 129–134.
16. *Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
17. *Розанова Л.И., Морошкина М.В.* Стимулирование развития пропульсивных отраслей как заданный импульс структурных сдвигов // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 1–20.
18. *Спивак В.* Свободные экономические зоны Дальнего Востока – опыт привлечения иностранных инвесторов. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/2019_far_east#5 (дата обращения: март 2020).
19. *Толмачёв В.Д.* Опыт оценки дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований (на примере Хабаровского края) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 62–68.
20. *Украинский В.Н.* Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 71–99. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2011.3.071-099>
21. *Хан Х.* Развитие Дальнего Востока России в условиях новой экономической ситуации в мире // ЭКО. 2017. № 3. С. 5–20.
22. *Швецов А.Н.* Особые правовые режимы для привлечения частных инвестиций и современных технологий в развитие территорий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4. С. 49–63.
23. *Эльканов Р.Х.* Полюса развития и точки роста инновационной экономики: российский и зарубежный опыт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2012. № 2. С. 39–43.

References

1. *Bachler D.* *An Assessment of Regional Policy in the European Community.* Available at: http://www.politaliz.ru/articleprint_501.html (accessed March 2020). (In Russian)
2. *Investment Environment of the Region: Theoretical and Practical Approaches.* Khabarovsk, 2013. 120 p. (In Russian)
3. *Information and Analytical Materials on the State and Main Directions of Development of Local Self-Government in the Russian Federation.* Available at: <https://minjust.ru/ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (accessed April 2020). (In Russian)
4. *Results of 2019. Far East Development Corporation.* Available at: <https://erdc.ru/upload/krdv-report-2019.pdf> (accessed 2 October 2020). (In Russian)
5. *Klyushnikova E.V., Shitova E.M.* Methodological Approaches to Calculating the Integral Indicator, Ranking Methods. *InnoTsentr* [Innocenter]. 2016. No. 1 (10). Pp. 4–18. (In Russian)
6. *Kuznetsova O.V.* Special Economic Zones: Efficient or Not? *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2016. Vol. 12. No. 4. Pp. 129–152. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152> (In Russian)

7. Kuznetsova O.V., Kuznetsova A.V. *System Diagnostics of the Regional Economy*. Moscow, 2006. 232 p. (In Russian)
8. Koteleva A.V., Salnikov P.O., Chernilevsky K.E., Shevchuk I.E. *Free Port of Vladivostok: Challenges and Solutions : Synthesis Report, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, 2020*. Available at: <https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/343696640> (accessed 15 November 2020). (In Russian)
9. Leksin V.N. The Influence of Self-Organization Factors and External Regulatory Influences on the Processes of Transformation of Territorial Systems. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye = Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2015. Vol. 8. No. 6. Pp. 8–27. (In Russian)
10. Leksin V.N. Efficiency and Effectiveness of Regional and Municipal Authorities: The Purpose and Possibilities of Correct Assessment. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2012. No. 1. Pp. 3–39. (In Russian)
11. Leonov S.N. Preferential Regimes of Established Local Growth Points and Its Impact on the Economy of the Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 28–45. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.3> (In Russian)
12. Leonov S.N. State of Consolidated Budgets and Dynamics of Public Debt of the Far Eastern Federal Subjects. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2020. Vol. 30. No. 3. Pp. 371–382. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30\(3\).371-382](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(3).371-382) (In Russian)
13. Leonov S.N. Formation of Municipal Statistics, Its Modern Condition and Conformity to the Requirements of Regional Economy Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2015. No. 400. Pp. 223–230. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/400/36> (In Russian)
14. Mikheyeva N.N., Ananyeva R.I. Tools of Regional Policy: Assessing the Efficiency of Their Application. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2011. No. 3. Pp. 39–57. (In Russian)
15. Neshchadin A., Trevoux D.-S. On the French Experience of Creating Poles of Competitiveness. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. 2012. No. 5. Pp. 129–134. (In Russian)
16. Perroux F. Economic Space: Theory and Applications. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2007. No. 2. Pp. 77–93. (In Russian)
17. Rozanova L.I., Moroshkina M.V. Stimulating the Development of Propulsive Industries As a Given Impulse of Structural Changes. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues]. 2015. No. 5. Pp. 1–20. (In Russian)
18. Spivak V. *Free Economic Zones of the Far East – Experience in Attracting Foreign Investors*. Available at: https://raexpert.ru/researches/regions/2019_far_east#5 (accessed March 2020). (In Russian)
19. Tolmachev V.D. Experience in Assessing the Differentiation of Socio-Economic Development of Municipalities (On the Example of the Khabarovsk Territory). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of Socio-Economic Development of Siberia]. 2020. No. 1. Pp. 62–68. (In Russian)
20. Ukrainsky V.N. French Spatial Economics: From Industrial Districts to Competitive Clusters. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2011. No. 3. Pp. 71–99. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2011.3.071-099> (In Russian)
21. Han H. Russia's Far East Development Under the New World Economic Environment. *EKO* [ECO]. 2017. No. 3. Pp. 5–20. (In Russian)
22. Shvetsov A.N. Special Legal Regimes for Attracting Private Investment and Modern Technologies in Development of Territories. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye = Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2015. Vol. 8. No. 4. Pp. 49–63. (In Russian)

23. Elkanov R.Kh. Poles of Development and Growth Points of the Innovative Economy: Russian and Foreign Experience. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series. Economics and Law]. 2012. No. 2. Pp. 39–43. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Леонов С.Н., Толмачёв В.Д. Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток как инструменты реализации региональной политики в Хабаровском крае // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 49–65. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.49>

For citing:

Leonov S.N., Tolmachev V.D. Territories of Advanced Development and the Free Port of Vladivostok As a Tools for Implementing Regional Policy in the Khabarovsk Territory. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 49–65. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.49> (In Russian)

■ ■ ■

**НАЙДЕН
Светлана
Николаевна**

Доктор экономических наук,
профессор РАН, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**NAIDEN
Svetlana
Nikolaevna**

Doctor of economics, professor
of the Russian Academy of
Sciences, chief researcher
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

nayden@ecrin.ru

УДК 332.143+311

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РАЗРЫВ**

В статье рассматривается актуальная оценка уровня развития социального потенциала населения в российских регионах. Исследование включает анализ современного состояния социального развития регионов Дальнего Востока; формирование на основе авторского подхода индекса благосостояния и индекса социального потенциала для каждого дальневосточного региона с использованием стандартизованных статистических индикаторов Росстата; сравнение индекса человеческого развития и индекса благосостояния населения; группировку регионов по уровню достижения индексов благосостояния населения и социального потенциала. Показано, что использование стандартизированной статистической базы способствует искажению информации о реальных характеристиках социального пространства на Дальнем Востоке.

Человеческое развитие, благосостояние населения, социальный потенциал, индекс, регион, Дальний Восток

**SOCIAL POTENTIAL OF THE REGIONS
OF THE FAR EAST: SPATIAL GAP**

The article deals with the current assessment of the level of development of the social potential of the population in the Russian regions. The study includes analysis of the current state of social development of the Far East regions; forming, on the basis of the author's approach of the wealth index and index of social capacity for each far East region using standardized statistical indicators Rosstat; comparison of human development index and well-being index population; grouping of regions by the level of achievement of indices of welfare and social potential. It is shown that the use of a standardized statistical base contributes to the distortion of information about the real characteristics of the social space in the Far East.

Human development, population welfare, social potential, index, region, Far East

© Найден С.Н., 2020

Введение

Развитие Дальнего Востока¹, остающегося, по крайней мере, в последнее двадцатилетие в зоне пристального внимания государства, опирается, в первую очередь, на уровень и масштабы развития ведущих отраслей хозяйственного комплекса, способных обеспечивать экономический рост и формировать доходную часть региональных бюджетов. Однако не менее важным, номинально упоминаемым в качестве приоритетного, но фактически занимающим второе место в череде основополагающих факторов экономического прогресса, остаётся социальный потенциал, который, собственно, и способен обеспечивать поступательное развитие территории, а также решать тактические задачи при достижении стратегических целей страны в XXI в.²

Существует множество определений социального потенциала, трактуемого, например, одними как синоним человеческого капитала [15, с. 96], другими – как население, носитель демографического, трудового, интеллектуального и культурного потенциалов [17, с. 45], третьими – как система условий, ресурсов и возможностей для достижения целей социального и экономического развития [5, с. 13; 27, с. 96; 29] и т. п. В данной работе под социальным потенциалом понимается человеческий капитал, который воспроизводится на основе общественного и личного благосостояния в социально-экономических условиях конкретной территории. С этой точки зрения социальный потенциал можно измерить индексом, основанным на использовании индекса человеческого развития (официальный параметр [10, с. 156]) и индекса благосостояния населения (расчётный индикатор, обоснованный ранее в [24]). Количественные оценки социального потенциала в приложении к Дальнему Востоку имеют особое значение, поскольку позволяют расширить представления о реакциях социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки, о реальном распределении социальных эффектов в пространстве. Если на рубеже веков проблемы формирования и воспроизводства социального потенциала в значительной степени определялись наследием советского прошлого [13; 19], то в новом веке его путь связан с непосредственным отражением процессов, происходящих в социально-политическом и экономическом развитии страны и её регионов [1; 2; 30].

Современный уровень социального развития

Вторая половина 2000-х гг. ознаменовалась поворотом государственной политики в сторону форсированного развития Дальнего Востока в рамках национальных приоритетных проектов по специально разработанным стратегическим и программным документам, направленным на улучшение демографической ситуации и качества социальной среды, которые должны были обеспечить расширенное воспроизводство человеческого капитала³. Реализация крупных инфраструктурных и сырьевых проектов способствовала привлечению инвестиций в макрорегион, укрепляя не только экономические связи России со странами АТР, но и демонстрируя остальным регионам привлекательный образ «будущего» Дальнего Востока [14], объективно ожидая, что

¹ В данной работе Дальний Восток рассматривается в составе 11 субъектов РФ в ДФО: Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область ( ), Чукотский автономный округ ( ) (на основании Указа Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»).

² Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

³ См.: распоряжение Правительства РФ № 2094-р от 28 декабря 2009 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»; постановление Правительства РФ № 308 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»; распоряжение Правительства РФ № 1298-р от 20 июня 2017 г. «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока».

экономический прорыв в развитии макрорегиона будет обеспечен, в том числе за счёт роста человеческого капитала, способного реализовать идеи «новой экономической политики» [18].

Однако анализ тенденций формирования человеческого капитала с учётом меняющихся социально-экономических условий на конкретных территориях свидетельствует о сохранении пространственной дифференциации.

Дальний Восток с точки зрения социального потенциала и сегодня остаётся макрорегионом контрастов, которые объективно связаны с различной освоенностью территории, плотностью расселения и транспортными связями, что оказывает непосредственное влияние на возможности полноценного формирования человеческого капитала и его воспроизводства. Основной контингент населения сконцентрирован в южной зоне Дальнего Востока, характеризующейся сплошной экономической освоенностью, масштабом и разнообразием экономики, значительное место в которой занимают отрасли обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, транспорт и сектор услуг [26]. Северная зона, наоборот, представлена очаговым характером экономической активности и фрагментарным расселением. Несмотря на то что население в основном сосредоточено в городах и крупных посёлках, каждый четвёртый житель Дальнего Востока проживает в труднодоступных, значительно удалённых локальных поселениях, для которых действуют сезонные ограничения по доставке товаров и крайне узок ассортимент доступных благ и услуг.

Общая численность населения Дальнего Востока, расширенного за счёт включения в состав дополнительно двух субъектов РФ (Республики Бурятия и Забайкальского края), продолжает сокращаться. На 1 января 2020 г. суммарная численность населения макрорегиона составила 8 169,2 тыс. человек, сократившись с 1991 г. на 2,26 млн человек (или 21,7%), в том числе с 2000 г. – на 890 тыс. человек (–9,8%) (*табл. 1*).

Таблица 1

Динамика населения Дальнего Востока

Территория	Численность, тыс. человек			Прирост (+), снижение (–), %		
	1991	2000	2020	1991–2000	1991–2020	2000–2020
Республика Бурятия	1 052,0	1 000,9	985,9	–4,9	–6,3	–1,5
Республика Саха (Якутия)	1 119,0	960,0	972,0	–14,2	–13,1	+1,3
Забайкальский край	1 317,9	1 185,8	1 059,7	–10,0	–19,6	–10,6
Камчатский край	478,5	369,4	313,0	–22,8	–34,6	–15,3
Приморский край	2 309,7	2 130,7	1 895,9	–7,7	–17,9	–11,0
Хабаровский край	1 624,7	1 466,9	1 315,6	–9,7	–19,0	–10,3
Амурская область	1 054,3	929,3	790,0	–11,9	–25,1	–15,0
Магаданская область	384,5	198,0	140,1	–48,5	–63,6	–29,2
Сахалинская область	715,3	564,6	488,3	–21,1	–31,7	–13,5
Еврейская автономная область	219,3	194,2	158,3	–11,4	–27,8	–18,5
Чукотский автономный округ	158,1	59,6	50,3	–62,3	–68,2	–15,6
ДФО	10 433,3	9 059,4	8 169,2	–13,2	–21,7	–9,8

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm (дата обращения: 23.06.2020); Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 16.09.2020).

Традиционно положительный естественный прирост населения дают национальные субъекты РФ (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и Чукотский автономный округ), но и они после пика 2014–2015 гг. неуклонно сдают позиции (*табл. 2*). Для остальных же регионов отрицательные значения уже достаточно устойчивы во времени. Даже положительная (или нейтральная) динамика естественного движения населения в 2012–2017 гг. в Хабаровском крае, Магаданской и Сахалинской областях, когда в репродуктивный возраст вступало более многочисленное поколение, поддерживаемое действием материнского капитала и другими институциональными новациями [21; 22], не смогло изменить общего устойчивого отрицательного тренда на фоне ухудшающейся возрастной структуры. Начиная с 2018 г. в целом по макрорегиону смертность вновь превышает рождаемость (на 402 человека в 2018 г. и на 8 957 человек в 2019 г.), что с учётом пандемии 2020 г. (только за 9 мес. естественная убыль составила –9 307 человек¹) явно продолжит устойчиво отрицательный тренд в области естественного движения населения.

Таблица 2

Коэффициенты естественного и миграционного прироста населения РФ и ДФО

Территория	Естественный прирост (+), убыль (–), на 1 тыс. человек			Миграционный прирост (+), убыль (–), на 10 тыс. человек		
	2010	2015	2019	2010	2015	2019
Республика Бурятия	+4,3	+5,9	+1,6	–24	–20	+10
Республика Саха (Якутия)	+7,0	+8,6	+5,4	–71	–56	–3
Забайкальский край	+2,1	+2,5	–0,6	–46	–66	–52
Камчатский край	–0,6	+1,6	–0,5	–41	–53	–51
Приморский край	–2,5	–0,8	–3,9	–35	–14	0
Хабаровский край	–1,7	+0,9	–2,4	–31	–37	–23
Амурская область	–1,5	–0,6	–4,0	–60	–47	0
Магаданская область	–1,5	+0,0	–2,2	–141	–118	–53
Сахалинская область	–2,8	+0,4	–0,8	–63	–27	–22
Еврейская автономная область	–1,9	–1,4	–3,7	–49	–120	–65
Чукотский автономный округ	+0,9	+4,1	+1,4	–174	–117	+109
ДФО	+0,3	+2,0	–1,1	–46	–40	–14
Российская Федерация	–1,7	+0,3	–2,2	+19	+17	+19

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 11.08.2020); Социально-экономическое положение ДФО в 2019 г. : стат. бюлл. М.: Росстат, 2019. С. 49–50.

¹ Социально-экономическое положение России: январь – октябрь 2020 г. : стат. бюлл. М.: Росстат, 2020. С. 407.

При относительно благоприятных показателях рождаемости негативным с точки зрения естественного воспроизводства населения Дальнего Востока фактором является высокий уровень младенческой смертности, который наряду с показателем продолжительности жизни служит индикатором качества жизни и доступности социальной среды. Несмотря на положительную динамику (сократился с 18,6 промилле в 2000 г. до 5,4 промилле в 2018 г.), показатель младенческой смертности остаётся выше среднероссийского (5,1 промилле), варьируя от 12,7 промилле на Чукотке до 2,8 промилле на Сахалине, демонстрируя уровень распространения и доступности услуг здравоохранения. Сохраняется отставание Дальнего Востока и по ожидаемой продолжительности жизни населения: 70,2 года по сравнению со средним показателем по России 72,91 года. Традиционно жители Республики Саха (Якутия), несмотря на суровые условия жизни, относятся к дальневосточным долгожителям (72,72 года), в то время как жители Чукотского автономного округа в среднем доживают лишь до 63,58 года, что является самым низким показателем среди регионов страны [6].

Миграционный отток населения, несмотря на внушительный перечень мер по привлечению соотечественников и граждан РФ, в том числе молодых специалистов из других регионов страны, так и не был преодолен. За два последних года в ДФО въехало в общей сложности 685,8 тыс. человек, а выехало 703,7 тыс. человек. Наиболее интенсивный миграционный обмен сохраняется в регионах Дальнего Востока, освоение которых осуществляется в большей степени вахтовым способом. Как правило, именно резкие «всплески» притока (оттока) демонстрируют моменты начала или окончания инвестиционных проектов, реализуемых в регионах. Идеология «вахтового» освоения регионов получает своё подтверждение на практике [23]. Вполне возможно, что пандемия 2020 г. и вынужденная немобильность населения сыграют положительную роль в снижении миграционного оттока, но, вероятнее всего, это окажется просто «отложенным» во времени намерением, поскольку веских причин для полного отказа пока не наблюдается [20].

Привлекательность макрорегиона в связи с высоким уровнем заработной платы далеко не везде соответствует действительности. Номинальный уровень оплаты труда лидирует в сфере государственного управления, добывающих отраслей и финансового сектора, в то время как общественный сектор (образование, здравоохранение, культура, социальная защита и жилищно-коммунальное хозяйство) традиционно отстаёт несмотря на «майские» указы Президента РФ. Ещё в 1995 г. превышение уровня среднедушевых денежных доходов населения на Дальнем Востоке над среднероссийским уровнем составляло примерно 26% благодаря высоким номинальным доходам в районах Крайнего Севера. В 2019 г. это превышение составило 7%. При этом в четырёх дальневосточных субъектах РФ уровень денежных доходов даже ниже, чем среднероссийский (в Амурской области – 93%, в Еврейской автономной области, Республике Бурятия и в Забайкальском крае – 70–75%). Тот факт, что распределение доходов на Дальнем Востоке более равномерно (коэффициент Джини варьирует в диапазоне от 0,341 в Еврейской автономной области до 0,410 на Сахалине при среднем значении по России равном 0,413), в большей степени свидетельствует не о справедливости в распределении доходов, а об ограничении видов деятельности, обеспечивающих более высокие доходы, включая отсутствие возможностей для эффективного развития предпринимательства. Это подтверждает и низкая ёмкость рынка труда, включая потенциал трудоустройства. Из 11 регионов ДФО только в Чукотском автономном округе (3,1%) и Хабаровском крае (3,8%) уровень безработицы ниже среднего по России (4,8%) (рис. 1).

Рис. 1. Уровень безработицы в РФ и ДФО в 2018 г., %

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 14.08.2020).

В аутсайдерах вновь Забайкальский край (10,2%), Республика Бурятия (9,3%), Еврейская автономная область (7,0%) и Республика Саха (Якутия) (6,9%), где самая высокая доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, чему способствует высокая стоимость товаров и услуг, которая оказывается выше среднероссийского в силу объективных природно-климатических, транспортных и экономических условий. Так, стоимость фиксированного набора товаров и услуг в тех самых высокооплачиваемых северных районах значительно превышает стоимость аналогичного набора в среднем по стране и, главное, в тех местах, куда так стремятся уехать дальневосточники и не только в отпуск. В результате по покупательной способности средняя заработная плата в северных районах Дальнего Востока превосходит среднероссийскую всего на 25–50%. В южной части Дальнего Востока после пересчёта оплаты труда по паритету фиксированного набора вообще возникает так называемый дефицит дохода. Если в целом по стране 12,6% населения живут за чертой бедности или только каждый восьмой человек, то в Еврейской автономной области к этой категории относятся почти 25% жителей или каждый четвёртый, в Забайкальском крае и Республике Саха (Якутия) – каждый пятый, в Камчатском крае – каждый шестой¹. Региональное распределение населения, живущего за чертой бедности, строится следующим образом: из 1,3 млн человек, живущих за чертой бедности, 20,6% сосредоточено в Приморском крае, 17,4% – в Забайкальском крае, 14,3% – в Республике Саха (Якутия). Вопрос о достаточности мер государственной политики в отношении этой категории жителей остаётся открытым. Поэтому в действительности покупательная способность доходов значительных групп населения как в северных, так и в южных регионах Дальнего Востока оказывается существенно ниже, чем в центральных и южных регионах страны, куда чаще всего и стремятся переехать на постоянное место жительства дальневосточники.

¹ Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в субъекте РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43713> (дата обращения: 23.09.2020).

Существующий уровень доходов населения играет исключительно важную роль в формировании долгосрочной мотивации населения, но не менее, а для отдельных когорт населения, возможно, и более важную роль играет качество жизни и комфорт в долгосрочном периоде, что определяется компонентами формирования и роста ценности человеческого капитала в форме масштабов и качественных характеристик социальной инфраструктуры, обеспечивающей функционирование образования, здравоохранения, культуры и спорта, реализацию жилищной и социальной политики, другими словами – высокоразвитую и комфортную среду обитания [20].

Особое место в программе привлечения населения в макрорегион и формировании социального потенциала играет наличие комфортного жилья. После довольно существенного ежегодного прироста ввода жилья в строй (2000–2014 гг.), последовал спад, который был преодолен в 2019 г. (рис. 2). Лидерами по строительству жилья являются Республика Саха (Якутия) и Приморский край, на долю которых за 30 лет пришлось почти 40% всех вводов, ещё 27% составили Республика Бурятия и Забайкальский край и 25% – Хабаровский край и Амурская область. Практически ни один регион по нормативам не превысил среднероссийский уровень, за исключением Республики Саха (Якутия) и Приморского края, которые последние пять лет вводят в строй почти 0,6 м² на человека. Республика Бурятия и Забайкальский край возводят на уровне 0,2 м² на человека в год, а северные регионы Дальнего Востока, где продолжается отток населения и в основном развиты вахтовые методы освоения ресурсов – не более 0,15 м². При этом для нормального воспроизводства и обновления жилищного фонда требуется вводить не менее 1 м² на человека в год, что пока маловероятно в условиях экономической реальности.

Рис. 2. Ввод жилья в РФ и ДФО, м² на человека в год

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 12.09.2020).

Низкие темпы строительства, а, следовательно, и обновления приводят к увеличению площади жилья, требующего капитального ремонта и восстановления. Ухудшается и без того невысокое качество жилья, которое до сих пор обеспечено коммунальными услугами в среднем на 75%. Так, канализация (как необходимый признак благоустроенности) максимально распространена (90%) в жилищном фонде Магаданской и Сахалинской областей, Камчатском крае и Чукотском автономном округе в отличие от Забайкальского края, Республик Саха (Якутия) и Бурятия, где данный вид услуг отсутствует в каждом втором жилье. В такой ситуации для населения Дальнего Востока актуальными остаются проблемы качества, доступности жилья (покупки, аренды, найма) и перманентно растущих платежей за его содержание [25].

Представленный анализ отдельных показателей социального развития демонстрирует сохраняющийся разброс в оценках между регионами ДФО. Между тем снижение неоднородности российских регионов входит в число приоритетных задач экономической политики государства. Очевидно, что эффективность принимаемых в данном контексте управленческих решений главным образом определяется адекватностью оценок текущей ситуации, в том числе в отношении состояния социального потенциала в каждом отдельном регионе. Период исследования совпадает с периодом активизации государственной политики в отношении Дальнего Востока и составляет восемь лет (2010–2017 гг.).

Оценка социального потенциала регионов

Поскольку социальный потенциал выступает в роли количественно-качественной оценки человеческого капитала в определённых социально-экономических условиях, то для расчёта воспользуемся инструментарием, разработанным в рамках Программы развития ООН (ПРООН) для регулярного осуществления сопоставлений динамики уровня человеческого развития в разных странах [7]. Предложенный подход основан на расчёте специальной системы упрощённых индексов с использованием статистических данных, доступных для большинства стран мира, позволяющих объективно отражать происходящие изменения в условиях воспроизводства населения. Количественно это выражается через показатели достигнутого уровня ожидаемой продолжительности жизни, доступности образования и валового душевого дохода в реальном исчислении по паритету покупательной способности в долларах США. На их основе формируются соответствующие индексы – долголетия, грамотности, обучения и доходов, которые преобразуются в интегральный индекс человеческого развития (ранее – индекс человеческого потенциала [13, с. 51–52]).

В региональном разрезе индекс человеческого развития ежегодно публикуется в Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации, последний из которых датирован 2018 г. [10]. Поскольку в индексе человеческого развития одной из составляющих является валовой региональный доход на душу населения, который официально публикуется Росстатом с двухлетним запаздыванием, данные по субъектам РФ доступны до 2017 г. За 2010–2017 гг. индекс человеческого развития вырос по всем регионам ДФО, достигнув в Республике Саха (Якутия) максимума 0,903. В группу лидеров вошли Магаданская (0,897) и Сахалинская (0,896) области, превысив среднее по стране значение (0,890) (*табл. 3*).

По индексу человеческого развития Республика Бурятия и Забайкальский край занимают последние места среди дальневосточных субъектов РФ, опережая только Еврейскую автономную область. Разложение общего индекса на компоненты показывает, что низкое значение показателя в регионах-аутсайдерах обусловлено преимущественно уровнем ВРП на душу населения, который в Республике Бурятия в 2 раза отстаёт от среднего по стране, в Забайкальском крае составляет 55%, в Еврейской автономной области – 52%. В регионах-лидерах, имеющих сырьевую специализацию (Сахалинская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ) региональный продукт формируется практически на уровне или выше нормативно установленной планки в 40 тыс. долларов США. Низкая продолжительность жизни дальневосточников обуславливает невысокие позиции регионов ДФО по индексу долголетия. Индекс образования, рассчитанный по показателям грамотности населения и доли учащихся в возрасте 7–24 лет, выше среднего показателя по стране только в четырёх дальневосточных субъектах РФ. При практически 100%-й грамотности населения различия в основном связаны с удельным весом учащихся школ, начальных, средних и высших учреждений образования в общей численности учащихся [6].

Таблица 3

Индекс человеческого развития по РФ и ДФО

Территория	2010	2015	2016	2017
Республика Бурятия	0,796	0,828	0,826	0,830
Республика Саха (Якутия)	0,844	0,886	0,897	0,903
Забайкальский край	0,790	0,816	0,822	0,836
Камчатский край	0,812	0,836	0,845	0,854
Приморский край	0,814	0,840	0,848	0,854
Хабаровский край	0,816	0,846	0,857	0,865
Амурская область	0,803	0,831	0,840	0,840
Магаданская область	0,839	0,882	0,893	0,897
Сахалинская область	0,871	0,884	0,886	0,896
Еврейская автономная область	0,786	0,794	0,801	0,824
Чукотский автономный округ	0,798	0,863	0,858	0,867
Российская Федерация	0,843	0,875	0,881	0,890

Источники: составлено по: [8; 9; 10]; Индекс человеческого развития регионов России за 2017 год. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

Поскольку представленные элементы индекса человеческого развития имеют, с одной стороны, отношение к собственно социально-демографическим характеристикам (долголетие, образование), а с другой – отражают общественный уровень благосостояния в виде ВРП на душу населения, возникает необходимость оценки уровня личного благосостояния как самостоятельного индикатора социального потенциала.

В научной литературе постоянно ведётся поиск адекватных инструментов для измерения благосостояния и качества жизни населения в регионах. Учитывая проблемы пространственной неоднородности и межрегиональных различий, особое внимание уделяется созданию методик по построению комплексных индексов благосостояния (качества жизни) и построению рейтингов российских регионов на их основе [3; 12; 16]. Большинство авторов стремится предложить интегральные показатели, учитывающие множество факторов, включая статистические показатели, результаты социологических или экспертных опросов, варьировать различными дополнительными коэффициентами [4; 11; 28], которые в совокупности оказывают разнонаправленное действие и зачастую нивелируют друг друга, искажая реальное положение вещей.

Для оценки уровня личного благосостояния в настоящей статье использован ранее обобщенный индекс благосостояния населения [24], состоящий из трёх индикаторов: уровня безработицы; покупательной способности среднедушевых денежных доходов по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; обеспеченности населения жильём, оборудованным канализацией. Каждый из трёх компонентов рассчитывается в форме индекса и измеряется от 0 до 1 (чем ближе значение индекса к 1, тем лучше ситуация в данной сфере). Преимуществами этого индекса – помимо сокращения числа исходных показателей – являются: простота (работа, доход и жильё – основные параметры, ассоциирующиеся с благосостоя-

нием человека); доступность информации и способ расчёта (минимаксный метод); «ориентированность» на оценку не общественного (абстрактного), а личного благосостояния, которое в условиях Дальнего Востока играет ключевую роль как мотивационный фактор, работающий на привлечение населения в регион.

Анализ полученных результатов за 2010–2017 гг. показывает, что за исключением Сахалинской области и Приморского края все регионы ДФО к 2017 г. ухудшили свои позиции по индексу благосостояния населения по сравнению с 2010 г. (*табл. 4*).

Таблица 4

Индекс благосостояния населения в РФ и ДФО

Территория	2010	2015	2016	2017
Республика Бурятия	0,423	0,404	0,383	0,364
Республика Саха (Якутия)	0,493	0,500	0,490	0,479
Забайкальский край	0,433	0,395	0,369	0,353
Камчатский край	0,651	0,655	0,646	0,642
Приморский край	0,517	0,537	0,534	0,537
Хабаровский край	0,592	0,609	0,610	0,605
Амурская область	0,489	0,530	0,524	0,523
Магаданская область	0,772	0,802	0,782	0,776
Сахалинская область	0,690	0,736	0,733	0,732
Еврейская автономная область	0,470	0,427	0,416	0,405
Чукотский автономный округ	0,812	0,798	0,783	0,779
Российская Федерация	0,617	0,626	0,616	0,612

Источник: расчёты автора.

В 2017 г. лидерами в межрегиональных сопоставлениях по индексу благосостояния населения остаются Чукотский автономный округ (0,779), Магаданская (0,776) и Сахалинская (0,732) области в основном из-за высокой обеспеченности благоустроенным жильём и сравнительно высокой покупательной способности среднедушевых доходов населения, несмотря на высокую стоимость жизни. Камчатский край (0,642) вместе с Хабаровским (0,605) и Приморским (0,537) краями, Амурской областью (0,523) и Республикой Саха (Якутия) (0,479), занимают центральную позицию среди регионов ДФО, уступая в уровне доходов и благоустройстве жилья. Нижние позиции достались Еврейской автономной области (0,405), Республике Бурятия (0,364) и Забайкальскому краю (0,353), которые по всем трём параметрам уступают остальным регионам, особенно по доходам, образуя «пояс бедности».

Сопоставление индексов (*табл. 3, 4*) для каждого региона ДФО в течение исследуемого периода показывает, что, во-первых, индекс благосостояния населения всегда имеет более низкие значения по сравнению с индексом человеческого развития, а во-вторых, между индексами постепенно увеличивается разрыв (*рис. 3а, 3б*).

Рис. 3а. Индексы человеческого развития (ИЧР) и благосостояния (ИБ) по регионам Дальнего Востока

Источники: составлено по: [8; 9; 10]; Индекс человеческого развития регионов России за 2017 год. URL: https://asc.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020); расчётам автора.

Рис. 3б. Индексы человеческого развития (ИЧР) и благосостояния (ИБ) по регионам Дальнего Востока

Источники: составлено по: [8; 9; 10]; Индекс человеческого развития регионов России за 2017 год. URL: https://asc.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020); расчётам автора.

В зависимости от величины разрыва все регионы можно разделить на три группы: северо-восточные (Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ), где величина отклонения индекса благосостояния населения от индекса человеческого развития к 2017 г. составила 10–13%; центральные (Камчатский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Приморский край и Амурская область) – 25–47%; южные приграничные (Республика Бурятия, Забайкальский край и Еврейская автономная область) – 50–60%.

Наличие двух вышеупомянутых индексов, отражающих уровень развития человеческого капитала в социально-экономических условиях конкретной территории, фактически даёт представление о социальном потенциале, которым располагает регион. Поэтому в качестве оценки социального потенциала рассчитан индекс, представляющий собой среднее арифметическое значение двух параметров – индекса человеческого развития (официально формируемого Росстатом) и индекса благосостояния населения (рассчитанного автором данной работы).

Результаты проведённых расчётов показывают, что к 2017 г. по сравнению 2010 г. северо-восточные и центральные регионы ДФО увеличили свой социальный потенциал примерно на 2–5% в отличие от южных приграничных регионов, снизивших его уровень в этот период на 2–2,5% (рис. 4).

Рис. 4. Индекс социального потенциала по регионам Дальнего Востока

Источник: расчёты автора.

Анализ распределения регионов ДФО по индексу социального потенциала выявил наличие характерной тенденции на сближение позиций для отдельных групп. Наиболее высокие значения индекса социального потенциала (0,814–0,836) по состоянию на 2017 г. традиционно демонстрируют северо-восточные регионы сырьевой экспортно ориентированной специализации (Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ) за счёт высоких индексов человеческого развития (0,867–0,897) и благосостояния (0,732–0,779), которые обеспечиваются повышенными индексами общественных и личных доходов при сохранении малокомфортной среды обитания и отрицательного миграционного сальдо. Южные экономически развитые регионы (Хабаровский и Приморский края, Амурская область) вместе с остальными

северо-восточными (Республикой Саха (Якутия) и Камчатским краем) формируют центральную группу, где индекс социального потенциала варьирует в пределах 0,681–0,748, демонстрируя высокий уровень индекса человеческого развития (0,840–0,903) и средний уровень индекса благосостояния (0,479–0,642), частично проигрывая в уровне как общественных, так и личных доходов, но сохраняя на юге более благоприятную среду обитания и менее интенсивный отток населения. В южных приграничных регионах ДФО (Еврейской автономной области, Республике Бурятия и Забайкальском крае) индекс социального потенциала не превышает 0,615, частично уступая более развитым территориям макрорегиона по индексу человеческого развития (0,824–0,836), но оставаясь в зоне низких значений уровня и качества жизни (индекс благосостояния не превышает 0,405).

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от индекса человеческого развития, который оказывается гораздо более стабильным и управляемым с точки зрения возможностей и рычагов влияния со стороны органов власти, индекс благосостояния населения плохо поддаётся регулированию, поэтому последний фактически «тянет» индекс социального потенциала вниз (рис. 3а, 3б, 4). Это способствует искажению информации о реальных характеристиках социального пространства на Дальнем Востоке, что провоцирует информационную асимметрию при принятии регулятивных решений в этой области. Для достижения амбициозных стратегических целей по развитию Дальнего Востока необходима дополнительная концентрация усилий государства по повышению социального потенциала за счёт значительного роста личного благосостояния населения, в том числе и в формате «прямого государственного патронажа, то есть системы стимулов, создаваемых и финансируемых самим государством» [20, с. 57], без упования исключительно на косвенные (институциональные) сигналы.

Заключение

С применением традиционного подхода формирования индексов, в работе сконструирован индекс социального потенциала для субъектов РФ с учётом параметров человеческого развития и благосостояния населения и выполнены расчёты для регионов Дальнего Востока за 2010–2017 гг.

Установлено, что в анализируемый период чётко прослеживается общая тенденция к увеличению разрыва между индексом человеческого развития и индексом благосостояния населения, и выделяются *три группы* регионов: северо-восточные (Магаданская и Сахалинская области и Чукотский автономный округ), где размер расхождения достиг к 2017 г. 10–13,5%; центральные (Камчатский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Приморский край и Амурская область) – 25–47%; южные приграничные (Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область) – 50–60%.

Показано, что использование стандартизированной статистической базы приводит к парадоксальным результатам с точки зрения оценки социального ландшафта на Дальнем Востоке. В частности, *первая группа*, в которую входят северо-восточные регионы сырьевой экспортно ориентированной специализации, характеризуется наиболее высокими оценками социального потенциала (0,814–0,836), за счёт высоких значений среднедушевых реальных доходов населения и повышенной обеспеченности благоустроенным жильём, что завышает значение индекса благосостояния, хотя эти регионы характеризуются малокомфортной средой обитания и отрицательным миграционным сальдо. *Вторая группа* включает экономически развитые дальневосточные субъекты РФ, которые имеют более скромные значения индекса социального потенциала (0,681–0,748) при высоком уровне развития человеческого потенциала, но при средних показателях индекса благосостояния, хотя обладают гораздо большим уровнем

распространения и доступности социальных благ и услуг и менее подвержены оттоку населения. *Третья группа*, состоящая из южных приграничных регионов, имеет самые низкие оценки социального потенциала (0,594–0,615), частично уступая северным и центральным регионам по индексу человеческого развития, формируемого в условиях низких индикаторов уровня и качества жизни.

Несмотря на значительный период экономических и социальных преобразований на Дальнем Востоке, его социальное пространство остаётся крайне дифференцированным. Увеличивается разрыв между дальневосточными регионами по уровню развития и воспроизводства социального потенциала.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. 25 лет новой России. Экономический и социальный уровень: топтание на месте // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 6–21.
2. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. <http://dx.doi.org/14530/se.2019.3.165-187>
3. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерения синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18–84.
4. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
5. Буторина А.А. Социальный потенциал региона: понятие и структура // Вестник социально-политических наук. 2014. № 3. С. 12–14.
6. Грицко М.А. Человеческий потенциал «нового» Дальнего Востока // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.1.5>
7. Доклад о развитии человека за 1999 год. Нью-Йорк : Оксфорд: Оксфорд юнивёрсити пресс, 1999.
8. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.
9. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
10. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.
11. Домнина С.В. Методика построения и анализа интегрального индекса благосостояния для межрегиональных сравнений // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 70–77.
12. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов России. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
13. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
14. Исаев А.Г. Территория опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77.
15. Максимов А.А., Бурьян М.С. Опыт оценки социального потенциала муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 2 (2). С. 96–106.
16. Малкина М.Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика регионов. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 49–62. <http://dx.doi.org/10.17059/2017-1-5>

17. Маслова И.С. Социальный потенциал развития экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 2. С. 37–53.
18. Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 7–11. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011>
19. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
20. Минакир П.А., Найденов С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефицит идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3 (107). С. 30–61. <http://dx.doi.org/10.15372/REG20200302>
21. Мотрич Е.Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46. <http://dx.doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025>
22. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 53–69. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3>
23. Найденов С.Н. Социальные эффекты от реализации инвестиционных проектов в регионе // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 28–33. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.6>
24. Найденов С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 53–68. <http://dx.doi.org/10.17059/2018-1-5>
25. Найденов С.Н., Дёмина О.В. Реформа теплоснабжения: последствия для потребителей Дальнего Востока // ЭКО. 2019. № 3 (537). С. 21–36. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-3-21-36>
26. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
27. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий / под ред. А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновского. Архангельск: Изд-во СГМУ, 2008. 400 с.
28. Устюгов Ю.А., Глушакова О.В. Методология определения рейтингов субъектов РФ по обеспечению качества жизни населения (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Сибирская финансовая школа. 2012. № 4 (93). С. 94–101.
29. Файзуллин Ф.С., Шагиева Л.А. Социальный потенциал как объект социологического исследования // Вестник ВЭГУ. 2016. № 3 (83). С. 118–124.
30. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 76 с.

References

1. Aganbegyan A.G. 25 Years of New Russia. Economic and Social Level. Marking Time. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. 2018. Vol. 20. No. 1 (151). Pp. 6–21. (In Russian)
2. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: A National Program in the Context of National Projects. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 165–181. <http://dx.doi.org/14530/se.2019.3.165-187> (In Russian)
3. Aivazian S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy. *Prikladnaia ekonometrika* [Applied Econometrics]. 2006. No. 2. Pp. 18–84. (In Russian)
4. Beliaeva, L.A. Level and Quality of Life. Measurement and Interpretation Issues. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. 2009. No. 1. Pp. 33–42. (In Russian)

5. Butorina A.A. The Social Potential of the Region: The Concept and Structure. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk* [Vestnik Social'no-Politicheskikh Nauk]. 2014. No. 3. Pp. 12–14. (In Russian)
6. Gritsko M.A. Human Potential of the «New» Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.1.5> (In Russian)
7. *Human Development Report for 1999*. New York, 1999.
8. *Report on Human Development in the Russian Federation for 2015*. Ed. by S.N. Bobylev and L.M. Grigoriev. Moscow, 2015. 260 p. (In Russian)
9. *Report on Human Development in the Russian Federation for 2016*. Ed. by S.N. Bobylev and L.M. Grigoriev. Moscow, 2016. 298 p. (In Russian)
10. *Report on Human Development in the Russian Federation for 2018*. Ed. by S.N. Bobylev, L.M. Grigoriev. Moscow, 2018. 172 p. (In Russian)
11. Domnina S.V. Technique to Generate and Analyze an Integrated Well-Being Index to Conduct Interregional Comparisons. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2011. No. 3. Pp. 70–77. (In Russian)
12. Zubarevich N.V. *Inequality of Regions of Russia*. Moscow, 2010. 160 p. (In Russian)
13. Zubarevich N.V. *Social Development of the Regions of Russia: Problems and Trends of the Transition Period*. Moscow, 2003. 264 p. (In Russian)
14. Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 61–77. (In Russian)
15. Maksimov A.A., Buryan M.S. Experience in Assessing the Social Potential of Municipalities. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2008. No. 2 (2). Pp. 96–106. (In Russian)
16. Malkina M.Yu. Social Well-Being of the Russian Federation Regions. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2017. Vol. 13. Issue 1. Pp. 49–62. <http://dx.doi.org/10.17059/2017-1-5> (In Russian)
17. Maslova I.S. Social Potential of Economic Development. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2008. No. 2. Pp. 37–53. (In Russian)
18. Minakir P.A. New Eastern Policy and Economic Realities. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2015. No. 2. Pp. 7–11. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011> (In Russian)
19. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Moscow, 2006, 848 p. (In Russian)
20. Minakir P.A., Naiden S.N. Social Dynamics in the Far East: The Defect of Ideas or the Failure of Institutions? *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2020. No. 3 (107). Pp. 30–61. <http://dx.doi.org/10.15372/REG20200302> (In Russian)
21. Motrich E.L. Demographic Development of Khabarovsk Krai: Problems and Prospects. *Narodonaselenie* [Population]. 2019. Vol. 22. No. 3. Pp. 30–46. <http://dx.doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025> (In Russian)
22. Motrich E.L., Molodkovets L.A. Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 53–69. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3> (In Russian)
23. Naiden S.N. Social Effects from Implementation of Investment Projects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 28–33. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.6> (In Russian)
24. Naiden S.N., Belousova A.V. Methodological Tools to Assess the Population Welfare: Interregional Comparison. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2018. Vol. 14. Issue 1. Pp. 53–68. <http://dx.doi.org/10.17059/2018-1-5> (In Russian)
25. Naiden S.N., Dyomina O.V. Heat Supply Reform: Consequences for the Consumers in the Far East. *EKO* [ECO]. 2019. No. 3 (537). Pp. 21–36. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-3-21-36> (In Russian)

26. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)
27. *Social Potential of the Region As a Factor of Development of Northern Territories*. Ed. by A.A. Dregalo, V.I. Ulyanovsky. Arkhangelsk, 2008. 400 p. (In Russian)
28. Ustiugov Yu.A., Glushakova O.V. Methodology of Definition of Ratings of Subjects of the Russian Federation on Maintenance of Quality of Life of the Population (On the Example of SFO Regions). *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School]. 2012. No. 4 (93). Pp. 94–101. (In Russian)
29. Fayzullin F.S., Shagieva L.A. Social Potential of the Region As an Object of Sociological Analysis. *Vestnik VEGU* [Vestnik VEGU]. 2016. No. 3 (83). Pp. 118–124. (In Russian)
30. *Human Capital As a Factor in Socio-Economic Development. Short Version of the Report*. Ed. by Ya.I. Kuzminov, L.N. Ovcharova, L.I. Jacobson. Moscow, 2016. 76 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Найден С.Н. Социальный потенциал регионов Дальнего Востока: пространственный разрыв // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 66–83. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.66>

For citing:

Naiden S.N. Social Potential of the Regions of the Far East: Spatial Gap. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 66–83. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.66> (In Russian)

**СТУПНИКОВА
Анна
Владимировна**

Кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042
Доцент
Амурский государственный университет, Игнатьевское шоссе, 21, Благовещенск, Россия, 675027

**STUPNIKOVA
Anna
Vladimirovna**

Candidate of science (economics), junior research fellow
Economic Research Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042
Associate professor
Amur State University,
21, Ignatievskaya Highway, Blagoveshchensk, Russia, 675027
stupnikovaann@gmail.com

УДК 338.57

**ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЦЕН В ГОРОДАХ ДФО
НА ФОНЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ**

С целью определения динамики волатильности цен в Дальневосточном федеральном округе на фоне новых институциональных режимов проведена сравнительная оценка уровней пространственной дифференциации цен 20 товаров на муниципальных рынках макрорегиона. Выявлено, что в 2014–2019 гг. динамика среднего уровня волатильности цен на товары была неоднозначной, а понижительной тенденции не наблюдалось ни по одному из товаров. Однако среднее расчётное значение разности уровней пространственной дифференциации анализируемых цен в 2014 и 2019 г. в городах с установленным особым правовым режимом ниже по сравнению со значением показателя, рассчитанным по городам, в которых данный режим не действовал.

Дальневосточный федеральный округ, продовольственные товары, непродовольственные товары, пространственная дифференциация цен, территории опережающего развития

**DYNAMICS OF SPATIAL DIFFERENTIATION
OF PRICES IN THE CITIES OF THE FEFD
ON THE BACKGROUND OF DEVELOPMENT
OF NEW INSTITUTIONAL REGIMES**

In order to determine the dynamics of price volatility in the Far Eastern Federal District against the background of new institutional regimes, a comparative assessment of the levels of spatial differentiation of prices for 20 products in the municipal markets of the macroregion was carried out. It was revealed that in 2014–2019 the dynamics of the average level of volatility in prices for products was ambiguous, while a completely downward trend was not revealed for any of the products under consideration. Nevertheless, the average value of the difference in the levels of spatial differentiation in 2014 and 2019 for most of the surveyed goods in cities with a special legal regime, it is lower than the value of this indicator calculated for cities in which this regime is not in effect.

Far Eastern Federal District, food products, non-food products, spatial price differentiation, priority development territories

Введение

Проблема пространственной дифференциации цен на региональном уровне является актуальной, поскольку в состав РФ входят регионы, значительно отличающиеся по природным и социально-экономическим условиям. ДФО вносит наибольший вклад в повышение уровня пространственной дифференциации цен в России. Это самый отдалённый от центра страны макрорегион со специфическим развитием, слабой пространственной интеграцией региональных рынков и особой внутренней динамикой цен [5; 6; 8]. Дальний Восток не отличается теснотой экономических взаимодействий, общностью рыночных зон и единством экономического пространства [4]. Проведённые исследования свидетельствуют о том, что макрорегион характеризуется существенным превышением цен над среднероссийским уровнем и их чрезмерной пространственной дифференциацией. При этом выявлено, что высокий уровень изменчивости цен характерен не только для труднодоступных, но и для приграничных регионов ДФО [1; 2; 7]. Поэтому устойчивое развитие экономики и обеспечение социальной стабильности дальневосточных приграничных территорий, создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии регионов страны – ряд стратегических задач, решаемых в данном направлении на государственном уровне¹.

В настоящей работе исследовательский интерес связан с динамикой уровня пространственной дифференциации цен на фоне развития на Дальнем Востоке территорий опережающего социально-экономического развития² (ТОР) в течение пяти последних лет. Предполагается, что установление особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности приводит к снижению уровня пространственной дифференциации цен в ДФО. Улучшение инфраструктуры, связанное с развитием ТОР, способствует росту тесноты межрегиональных торговых отношений, уменьшению затрат арбитражёров, повышению конкуренции и, как следствие, снижению пространственной дифференциации цен.

Исходные данные и методика исследования

Уровень пространственной дифференциации цен в исследовании определялся на основе расчёта показателя волатильности:

$$V(Ln(\frac{Pa}{Pb})) = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{t=1}^n (Ln(\frac{Pat}{Pbt}) - \overline{Ln(\frac{Pa}{Pb})})^2},$$

где t – показатель времени; n – количество периодов времени, в течение которых фиксировались ценовые данные; $\frac{Pat}{Pbt}$ – относительный ценовой показатель, рассчитываемый как отношение ценового показателя на рынке a в период времени t , к ценовому показателю на рынке b в период времени t ; $Ln(\frac{Pat}{Pbt})$ – процентный дифференциал цен (разрыв между ценами).

¹ См., например, Указ Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», распоряжение Правительства РФ № 2193-р от 28 октября 2015 г. «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа», федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

² «Часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения». Источник: Федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Для решения исследовательской задачи из многообразия товаров отбирались наиболее однородные (*табл. 1*). Такие товары имеют одинаковые функции и показатели качества, схожую репутацию производителя и являются взаимозаменяемыми. Выбор однородных товаров позволяет снизить вероятность дифференциации цен за счёт различных потребительских свойств и стоимости брендов, а также более точно оценить изменения потребительского спроса и других рыночных факторов.

Таблица 1

Группы товаров, потребительские цены на которые использованы в расчётах

Продовольственная группа	Непродовольственная группа
Окорочка куриные, кг	Мыло хозяйственное, 200 г
Масло сливочное, кг	Подгузники детские бумажные (памперсы), 10 шт.
Говядина бескостная, кг	Кастрюля из эмалированной или нержавеющей стали, шт.
Творог жирный, кг	Дизельное топливо, л
Сахар-песок, кг	Бензин автомобильный марки АИ-92, л
Мука пшеничная, кг	Вата отечественная, 100 г
Рис шлифованный, кг	Комплект постельного белья полутораспальный из хлопчато-бумажной ткани, комплект
Картофель, кг	Носки мужские, пара
Капуста белокочанная свежая, кг	Сапоги цельнорезиновые для взрослых, пара
Огурцы свежие, кг	Краски масляные, эмали отечественные, кг

Источник: составлено по набору потребительских товаров и услуг для наблюдения за ценами и тарифами, утверждённому Росстатом.

Расчёты выполнялись за 2014–2019 гг., что позволяет анализировать пространственную дифференциацию цен в макрорегионе до момента создания ТОР, в период их развития и сравнивать полученные результаты.

Выборочную совокупность в исследовании составили 34 муниципальных образования ДФО, на части территорий 15 из них установлен особый правовой режим (*рис. 1*). Таким образом, муниципалитеты выборки можно разделить на две группы: первая группа – муниципалитеты, в которых в 2015–2019 гг. установлен особый правовой режим, вторая – муниципалитеты, в которых данный режим не действует. В 2020 г. на Дальнем Востоке развиваются 20 ТОР, с общим числом зарегистрированных резидентов равным 486¹.

Несмотря на то, что данный режим устанавливается не на всей территории муниципалитета, а только на специальных площадках и для зарегистрированных (расположенных) на них хозяйствующих субъектов, предполагается, что эффект создания ТОР – ускоренное социально-экономическое развитие – по аналогии с полюсами роста распространяется и на близлежащие территории.

¹ Дальневосточные предприниматели выбирают ТОР. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 14.10.2020).

Рис. 1. Выборочная совокупность муниципальных образований

Источник: составлено автором.

Результаты оценки пространственной дифференциации цен

В 2014–2019 гг. динамика средней волатильности цен на непродовольственные товары в исследуемых муниципалитетах ДФО была разнонаправленной (*табл. 2*). Рост показателя в 2015 г. связан со значительным снижением мировых цен на нефть и резким ослаблением российского рубля по отношению к иностранным валютам. В 2016–2017 гг. произошло снижение показателя волатильности, за которым в 2018–2019 гг. опять последовал рост. В 2018 г. по отношению к 2017 г. наблюдался рост уровня пространственной дифференциации цен на бензин, дизельное топливо, вату, постельное бельё, сапоги цельнорезиновые. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. зафиксирован рост волатильности цен на кастрюли, краски, носки, постельное бельё и вату. В 2014–2019 гг. понижающей тенденции уровня пространственной дифференциации цен не выявлено ни по одному из рассматриваемых товаров. В среднем по непродовольственным товарам уровень пространственной дифференциации цен к началу 2020 г. снизился на 9,1% по сравнению с 2014 г.

Таблица 2

Уровень пространственной дифференциации цен
на товары непродовольственной группы, раз

Товар	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бензин автомобильный марки АИ-92	0,030	0,022	0,022	0,015	0,020	0,016
Дизельное топливо	0,021	0,018	0,019	0,023	0,027	0,026
Вата отечественная	0,052	0,102	0,080	0,058	0,068	0,070
Кастрюля из эмалированной или нержавеющей стали	0,027	0,057	0,039	0,025	0,021	0,029
Краски масляные, эмали отечественные	0,025	0,043	0,036	0,028	0,022	0,039
Мыло хозяйственное	0,037	0,055	0,042	0,035	0,030	0,029
Носки мужские	0,026	0,048	0,036	0,019	0,016	0,022
Подгузники детские бумажные (памперсы)	0,028	0,071	0,041	0,030	0,030	0,029
Комплект постельного белья полутораспальный из хлопчатобумажной ткани	0,034	0,083	0,041	0,019	0,022	0,024
Сапоги цельнорезиновые для взрослых	0,045	0,042	0,037	0,026	0,031	0,018
По группе товаров	0,033	0,054	0,039	0,028	0,029	0,030

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В разрезе рассматриваемых муниципалитетов ДФО пространственная дифференциация цен на непродовольственные товары менялась также неоднородно (рис. 2). Волатильность цен на бензин в 85,2% исследуемых городов была выше в 2014 г. по сравнению с 2019 г. В это число вошли все населённые пункты, на части территории которых установлен особый правовой режим. По ценам на дизельное топливо сложилась иная ситуация. В большинстве городов (70,6%) уровень пространственной дифференциации цен на топливо в 2014 г. был ниже по сравнению с 2019 г., в том числе в 60% городов с ТОР. И по другим анализируемым товарам в большинстве исследуемых городов, в том числе на части территории которых установлен особый правовой режим, уровень пространственной дифференциации цен в 2019 г. был выше по сравнению с 2014 г.

В 2015–2017 гг. средний уровень пространственной дифференциации цен на продовольственные товары имел понижающую динамику, за которой в 2018 г. последовал незначительный рост, а в 2019 г. – очередное снижение (табл. 3). При этом самый низкий уровень пространственной дифференциации цен на сливочное масло наблюдался в 2018 г., на творог, сахар, огурцы и пшеничную муку – в 2016 г. Почти по всем товарам волатильность цен в 2014 и 2015 г. была выше по сравнению с 2019 г. Это могло произойти под влиянием продовольственного эмбарго (введённого в августе 2014 г.), а также в связи с ослаблением обменного курса рубля.

Рис. 2. Уровень пространственной дифференциации цен на отдельные товары непродовольственной группы, раз

Примечание: * – муниципальные образования, на части территорий которых установлен режим ТОР.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица 3

Уровень пространственной дифференциации цен
на товары продовольственной группы, раз

Товар	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Окорочка куриные	0,088	0,046	0,034	0,032	0,061	0,030
Масло сливочное	0,039	0,034	0,051	0,039	0,026	0,034
Говядина бескостная	0,044	0,048	0,026	0,025	0,024	0,021
Творог жирный	0,035	0,039	0,025	0,028	0,028	0,026
Сахар-песок	0,066	0,061	0,034	0,071	0,069	0,062
Мука пшеничная	0,039	0,053	0,032	0,035	0,034	0,033
Рис шлифованный	0,045	0,059	0,054	0,045	0,047	0,043
Картофель	0,130	0,124	0,123	0,123	0,142	0,114
Огурцы свежие	0,340	0,358	0,264	0,282	0,274	0,285
Капуста белокочанная свежая	0,179	0,181	0,245	0,187	0,178	0,159
По группе товаров	0,101	0,100	0,089	0,087	0,088	0,081

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Сравнение пространственной дифференциации цен на продовольственные товары в 2014 и 2019 г. в 34 муниципалитетах ДФО позволяет зафиксировать следующую ценовую ситуацию: по большинству исследуемых товаров уровень пространственной дифференциации цен до создания ТОР был выше. Так, волатильность цен на говядину и куриные окорочка во всех рассматриваемых городах была выше в 2014 г. В восьми городах волатильность цен на капусту также была выше в 2014 г., таким образом, в 76,5% исследуемых территорий произошло снижение уровня дифференциации цен на данный продукт. Уровень пространственной дифференциации цен на картофель в 2019 г. был выше в 29,4% исследуемых городов (в большинстве из них действует особый правовой режим), а на пшеничную муку – снизился в 82,4% населённых пунктов (рис. 3). Волатильность цен на огурцы в 2019 г. была выше по сравнению с 2014 г. лишь в трёх муниципалитетах (Северобайкальский, Чита и Агинское), на части территорий двух из них установлен особый правовой режим. В большинстве рассматриваемых городов (55,9–73,5%) в 2019 г. по сравнению с 2014 г. произошло снижение волатильности цен на сахар, рис, сливочное масло и творог.

Сравнивая результаты расчётов показателя волатильности по товарным группам, можно сделать вывод о том, что уровень пространственной дифференциации цен на продовольственные товары значительно выше, чем на непродовольственные. По продовольственным товарам наблюдалось также и более существенное снижение показателя в исследуемый период: уровень пространственной дифференциации цен снизился на 19,8% (против снижения значения на 9,1% по непродовольственным товарам). В определённой степени это связано с введением запрета на ввоз некоторых продовольственных товаров из стран ЕС и ряда других стран в 2014–2016 гг.

Рис. 3. Уровень пространственной дифференциации цен на отдельные товары продовольственной группы, раз

Примечание: * – муниципальные образования, на части территорий которых установлен режим TOP.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Заключение

Благодаря потенциалу привлечения инвестиций установление особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности на территориях Дальнего Востока является перспективным инструментом оживления экономики макрорегиона. Повышение экономической активности, в свою очередь, должно способствовать развитию региональной инфраструктуры и активизации как внешних, так и внутренних межрегиональных торговых потоков. Ожидания положительного влияния ТОР на неоднородность социально-экономического развития дальневосточных субъектов РФ – и пространственную динамику цен – представляются вполне рациональными. Однако полученные в исследовании оценки уровня пространственной ценовой дифференциации не позволяют сделать однозначные выводы о характере такого воздействия. Кроме того, на пространственное поведение цен в 2014–2019 гг. своё влияние оказал ряд других факторов, например, санкционный режим и нестабильность валютных курсов. В связи с этим доказательнее прогнозировать эффекты развития ТОР на Дальнем Востоке в более долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Глущенко К.П. Потребительские цены в России в 1992–2000 гг.: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. 2001. № 2. С. 46–71.
2. Глущенко К.П., Карандашова М.А. Уровни цен в российских регионах // Регион: экономика и социология. 2017. № 2 (94). С. 76–103.
3. Минакир П.А. Политическая цена экономических ожиданий // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 7–23. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.007-023>
4. Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099>
5. Ступникова А.В. Интеграция рынка овощей юга Дальнего Востока РФ с российским и китайским рынками // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1. С. 116–125.
6. Ступникова А.В. Оценка пространственного поведения цен на товары агропродовольственных рынков приграничных с Китаем регионов Дальнего Востока РФ // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VII Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 22–23 мая 2017 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 351–355.
7. Ступникова А.В. Пространственное поведение цен в Российской Федерации в 2003–2012 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 248–261.
8. Ступникова А.В. Пространственные реакции цен на рынках овощей на ограничения внешней торговли // Пространственная экономика. 2018. Т. 14. № 1. С. 117–137. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2018.1.117-137>

References

1. Glushchenko K.P. Consumer Prices in Russia in 1992–2000: Spatial Aspect. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2001. No. 2. Pp. 46–71. (In Russian)
2. Glushchenko K.P., Karandashova M.A. Price Levels Across Russian Regions. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2017. No. 2 (94). Pp. 76–103. (In Russian)
3. Minakir P.A. Political Value of Expectations in Economy. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 3. Pp. 7–23. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.007-023> (In Russian)
4. Minakir P.A., Isaev A.G., Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. Economic Macroregions: An Integration Phenomenon or a Political Geographic Rationale? Far Eastern Russia Case. *Prostranstvennaya ekono-*

mika = *Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 66–99. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099> (In Russian)

5. Stupnikova A.V. Integration of the Vegetable Market of the South Russian Far East with the Russian and Chinese Markets. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2017. No. 1. Pp. 116–125. (In Russian)

6. Stupnikova A.V. Evaluation of Spatial Behavior of Prices on Goods of Agricultural Markets of the Russian Frontier Far Eastern Regions Bordering China. In: *Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk – Heihe – Harbin, May 22–23, 2017)*. Blagoveshchensk, 2017. Pp. 351–355. (In Russian)

7. Stupnikova A.V. Spatial Behavior of Prices in the Russian Federation in 2003–2012. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2014. No. 3 (33). Pp. 248–261. (In Russian)

8. Stupnikova A.V. Spatial Reaction of Prices in the Vegetable Markets to Restrictions on Foreign Trade. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 117–137. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2018.1.117-137> (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Ступникова А.В. Динамика пространственной дифференциации цен в городах ДФО на фоне развития новых институциональных режимов // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 84–93. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.84>

For citing:

Stupnikova A.V. Dynamics of Spatial Differentiation of Prices in the Cities of the FEFD on the Background of Development of New Institutional Regimes. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 84–93. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.84> (In Russian)

ДОМНИЧ
Егор
Леонидович

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

DOMNICH
Yegor
Leonidovich

Candidate of science
(economics), senior research
fellow

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

chaosraven@yandex.ru

УДК 338.001.36+338.5

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЦЕН В ГОРОДАХ И РЕГИОНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В исследовании обсуждается аналитическая ценность индекса стоимости жизни как показателя относительного уровня цен в экономическом пространстве России. Оценки индекса, формируемые Росстатом, неоднородны по географическому охвату и репрезентативности данных по регионам. Худшая репрезентативность показателя характерна для самых отсталых регионов позднего освоения и развитых регионов с равномерно распределённым городским населением. Оспаривается тезис об исключительности индекса в качестве измерителя относительного уровня цен по сравнению с другими пространственными индексами.

Индекс стоимости жизни, официальная статистика, регионы России, Дальний Восток

RELATIVE PRICE LEVELS IN CITIES AND REGIONS: A COMPARATIVE ASPECT

The study discusses the analytical value of the cost-of-living index as a measure of the relative price level in the Russian economic space. It is established that the estimates of the cost-of-living index obtained by Rosstat are heterogeneous across the country in terms of territorial coverage and representativeness of data by region. The worst representation of the indicator is typical for the most backward regions of late development and the most developed regions with an evenly distributed urban population. The thesis about the exclusivity of the cost-of-living index as a measure of the relative price level in comparison with other spatial indices is disputed.

Cost-of-living index, official statistics, regions of Russia, Russian Far East

Введение

Оценка масштабов ценовой дифференциации и факторов, определяющих различия в уровнях цен для разных территорий одной страны, занимает важное место в мировой научной литературе. Данная проблема активно изучается на основе данных по городам и регионам США [11; 14; 16], Канады [12] и Европейского союза [13]. Выделяется также направление, акцентирующее внимание на методических аспектах объективности оценки уровня цен и совершенствования системы ценового мониторинга [9; 15]. В российской научной литературе как эмпирическое [1; 4; 6; 10], так и методическое [1; 2; 3; 5] направления исследований в области ценообразования и пространственной дифференциации цен выглядят скромнее. Настоящая работа выполнена на стыке указанных направлений и сосредоточена на разборе аналитических возможностях показателей, формируемых Росстатом, с точки зрения их использования для оценки относительного уровня цен в регионах.

Индекс стоимости жизни (ИСЖ), по мнению российских и зарубежных исследователей, является наиболее объективным официальным пространственным дефлятором стоимостных индикаторов по регионам страны, позволяющим сопоставлять их уровень [1; 2; 3; 4; 5; 9]. В решении прикладных аналитических задач ИСЖ также применяется как пространственный дефлятор [4; 7] и самостоятельный экономический показатель, характеризующий общую дифференциацию стоимости жизни в регионах [8].

Таким образом, об ИСЖ сложилось мнение как о наилучшем пространственном индексе для оценки относительного уровня цен в экономическом пространстве страны. Это положение требует проверки на основе фактических статистических данных о географическом охвате и репрезентативности.

Уровень ИСЖ по городам РФ увеличивается с юга на север и с запада на восток. Дальний Восток существенно отстаёт от остальной России: средний уровень цен здесь стабильно выше среднероссийского. Поэтому уровень цен в макрорегионе заслуживает отдельного рассмотрения и детализации.

В первой части работы рассматриваются сущность и ограничения ценовых индикаторов, на основе которых может формироваться оценка относительного уровня цен в экономическом пространстве России. Во второй части – анализируется объективность ИСЖ как измерителя относительного уровня цен в российских регионах с точки зрения репрезентативности и географического охвата. Оспаривается тезис о конвергенции относительного уровня цен в регионах России. В третьей части работы обсуждаются аналитические преимущества (недостатки) ИСЖ как пространственного индекса по сравнению с прочими ценовыми индексами на основе данных за 2009–2019 гг. по регионам ДФО¹.

Относительный уровень цен в экономическом пространстве РФ: проблемы измерения

Обеспечение сопоставимости стоимостных индикаторов играет ключевую роль для пространственного анализа уровня благосостояния населения. Цены на одни и те же потребительские товары различаются в точках экономического пространства, вследствие чего один и тот же уровень дохода обеспечивает неодинаковый уровень потребления в городах. Поэтому для проведения сравнительных исследований все показатели необходимо выражать в денежных единицах с одинаковой покупательной способностью как во времени, так и в пространстве [1; 4; 6; 13]. В прикладном анализе такие показатели-дефляторы рассчитываются как

¹ В составе регионов, утверждённом Указом Президента РФ № 632 от 3 ноября 2018 г.

отношение местного и среднего по стране уровней цен. Оценки относительных уровней цен всегда приближённые [1, с. 77] так как формируются по наблюдениям за ценами на тот или иной набор потребительских товаров и услуг. Такие наборы отличаются по ряду качественных параметров, важнейшим из которых является его продуктовый охват (представительность). Наиболее представительным является индекс потребительских цен (ИПЦ), формирующийся по набору из более 500 товаров и услуг. Он характеризует изменение во времени общего уровня цен и тарифов на товары и услуги, приобретаемые населением субъектов РФ для непроизводственного потребления. Основанный на модифицированном индексе Ласпейреса, ИПЦ рассчитывается Росстатом ежемесячно с 1992 г. и измеряет отношение стоимости фиксированного перечня товаров и услуг в ценах текущего периода к его стоимости в ценах предыдущего (базисного) периода.

Концепция формирования ИПЦ как дефлятора основывается на предположении о сопоставимости данных как во времени, так и в пространстве [15]. Однако, как отмечают исследователи, фактически это не так. Во-первых, сложно выбрать базовый период, позволяющий свести к минимуму искажения реальных ценовых различий для каждого региона в момент времени [6, с. 365]. Кроме того, структура потребления (веса) товаров и услуг ежегодно пересматриваются¹, что позволяет учитывать изменения потребительских предпочтений, но снижает ценность ИПЦ как временного дефлятора. Во-вторых, региональные ИПЦ несопоставимы между собой, поскольку в каждом регионе используется своя система весов цен товаров и услуг, учитываемых в расчёте. Существует мнение, что оценки «реальных» стоимостных индикаторов, например, доходов, полученные дефлированием на ИПЦ, обладают худшими аналитическими свойствами, нежели «более точный» исходный показатель номинальных доходов [1, с. 78].

Базовый индекс потребительских цен (БИПЦ) исключает краткосрочные неравномерные изменения цен под влиянием отдельных факторов, носящих административный или сезонный характер. Из потребительской корзины БИПЦ исключены товары первой необходимости, что не позволяет использовать его для оценки относительного уровня цен в регионах. Такие товары составляют пятую часть наименований, входящих в корзину ИПЦ. Росстат не публикует стоимости потребительских корзин ИПЦ и БИПЦ, поэтому в прикладном анализе ИПЦ используется совместно с официальными индикаторами стоимости потребительских корзин: фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения и перечня товаров, включённых в условный (минимальный) набор продуктов питания. Первый набор рассчитывается с 2002 г. и включает в настоящее время 83 наименования товаров и услуг, а второй – с 1992 г. и включает только 33 наименования. Общим принципом при исчислении этих показателей как по субъектам, так и по РФ в целом является использование единых весов (количества товаров), сохраняющихся постоянными на всё время исчисления показателей, и фактических средних потребительских цен. В обоих случаях потребительская корзина «урезана» в первую очередь за счёт непродовольственных товаров и услуг.

Следует обратить особое внимание на ограниченность фиксированного набора потребительских товаров и услуг при межрегиональных сопоставлениях покупательной способности населения. В его состав не входят кондитерские изделия, орехи и сухофрукты, посуда, строительные материалы, средства передвижения, медицинская аппаратура и большинство видов

¹ В старой редакции (от 30 декабря 2005 г.) Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчёта индексов потребительских цен веса формировались на основе данных о потребительских расходах за смещённый год, предшествующий отчётному; в действующей редакции (от 27 ноября 2019 г.) – за два смещённых года, предшествующих отчётному.

услуг¹. Мебель представлена столом и стулом, бытовая техника – холодильником и телевизором, лекарственные средства – анальгином, аспирином и корвалолом; бытовые услуги – постановкой набоек, помывкой в бане и стрижкой в женском зале; транспортные услуги – проездом в городском муниципальном автобусе, телекоммуникационные услуги – местным телефонным соединением. Очевидно, такой набор товаров и услуг не отражает спектр потребительских предпочтений населения огромной страны, особенно на этапе роста реальных доходов.

Единственным официальным показателем относительного уровня цен в российском экономическом пространстве является ИСЖ. С 2009 г. Росстат ежегодно рассчитывает индекс как относительную стоимость фиксированного набора из 275 товаров и услуг по 300 городам по сравнению со стоимостью такого набора в среднем по РФ. Он показывает, насколько дороже (дешевле) стоит определённый набор товаров и услуг с едиными объёмами их потребления в тех или иных городах страны. Условно ИСЖ измеряет соотношение стоимости жизни в различных точках экономического пространства со средней стоимостью по стране. В отличие от ИПЦ, при исчислении ИСЖ используется единая система весов для всех городов, которая также ежегодно обновляется.

По охвату как продовольственных, так и непродовольственных товаров ИСЖ практически не уступает ИПЦ, существенные пробелы обнаруживаются лишь в перечне услуг. При расчёте ИСЖ не учитываются услуги в сфере культуры, образования, общественного питания, спорта, банковского, юридического и страхового дела. Медицинские услуги ограничены лечением кариееса и удалением зуба, транспортные услуги – проездом в городском муниципальном автобусе, телекоммуникационные услуги – местным телефонным соединением. Таким образом, с точки зрения методики расчёта и продуктовой представительности ИСЖ в межрегиональных сопоставлениях занимает нишу между ИПЦ и фиксированным набором товаров и услуг. Индекс образует специфический массив данных, детализированных в пространстве, но «сжатых» до среднегодового значения. При этом аналитическая ценность ИСЖ как дефлятора цен неочевидна, поскольку зависит от степени реализации идей, заложенных в методологии статистического наблюдения. Эти идеи оформлены в ряд критериев отбора городов для наблюдения за ценами²:

Первый. Общее число обследуемых населённых пунктов в субъекте РФ должно находиться в пределах 2–4 городов.

Второй. Города, отобранные для наблюдения за ценами, должны отражать географические особенности региона и располагаться в различных его частях.

Третий. В выборку не должны включаться города, расположенные в непосредственной близости друг от друга и от территориального центра, если уровни и динамика цен в этих городах не имеют принципиальных различий.

Четвёртый. Отобранные для наблюдения за ценами города должны характеризоваться наличием устойчивого наполнения потребительского рынка товарами и услугами, входящими в перечень, принятый для ежемесячного наблюдения.

¹ См. Приказ Росстата № 780 от 27 ноября 2017 г. «О внесении изменений в Официальную статистическую методологию организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчёта индексов потребительских цен, утверждённую приказом Росстата от 30 декабря 2014 г. № 734, и в Официальную статистическую методологию по определению еженедельной оценки индекса потребительских цен, утверждённую приказом Росстата от 2 ноября 2015 г. № 519». URL: <http://docs.cntd.ru/document/555748673> (дата обращения: 01.09.2020).

² Приказ Росстата № 440 от 08 августа 2012 г. «Об утверждении Методологических рекомендаций по расчёту индексов стоимости жизни в отдельных городах Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-08082012-n-440-ob/> (дата обращения: 01.02.2020).

Пятый. Численность населения городов, отобранных для ежемесячного наблюдения за ценами, суммарно должна составлять не менее 35% городского населения субъекта РФ.

Индекс стоимости жизни в городах РФ: географический охват и репрезентативность

Накопленный за одиннадцать лет (2009–2019 гг.) массив значений ИСЖ по городам России насчитывает 3002 наблюдения, в том числе 394 – по городам ДФО. Число охваченных наблюдением населённых пунктов выросло с 266 в 2009 г. до 290 в 2019 г. с практически ежегодной вариацией. Наиболее значимым событием стало включение в 2015 г. в выборочную совокупность четырёх городов Республики Крым и города федерального значения Севастополя со средней общей численностью 1,1 млн человек. Десять городов, введённых в выборку в 2019 г., характеризуются только одним наблюдением. В тоже время шесть населённых пунктов исключены из наблюдения. Таким образом, речь идёт об обширной, но несбалансированной панели данных, причём, чем восточнее регион – тем меньше населённых пунктов охвачено наблюдением, а их «удержание» в составе выборки более проблематично. Наиболее чувствительное изменение выборки произошло в Чукотском автономном округе, где сначала был исключён г. Билибино (2017 г.), а затем добавлен г. Певек (2018 г.). Учитывая, что доля численности населения каждого города в общей численности городского населения региона составляет 13–16%, такие изменения не могут не отразиться на релевантности и сопоставимости регионального ИСЖ как показателя относительного уровня цен. Существенное влияние на сопоставимость данных по Краснодарскому краю оказало включение в 2014 г. в выборочную совокупность г. Сочи, в котором проживает свыше 13% численности городского населения региона.

Формирование массива данных в ряде регионов не удовлетворяет первому критерию Официальной методологии статистического наблюдения и расчёта ИСЖ. Так, из Ненецкого автономного округа, Республик Северная Осетия (Алания) и Алтай, Еврейской автономной области в обследование включены по одному городу. С учётом региональных географических особенностей отчасти это приводит и к нарушению второго критерия. В отдельных регионах число обследуемых городов выше установленного верхнего предела (4 города): в Свердловской области обследуется 5, в Краснодарском крае и Иркутской области – по 6, в Республике Саха (Якутия), Ленинградской, Ростовской и Нижегородской областях – по 7, в Красноярском крае – 8, а в Московской области – 15. Однако такое множество городов, охваченных наблюдением, не всегда обеспечивает выполнение пятого критерия, устанавливающего минимальное значение показателя на уровне 35% от общей численности населения субъекта. Средняя за 2009–2019 гг. совокупная численность населения 15 городов Московской области составила лишь 29,8% численности городского населения региона. Данному критерию едва удовлетворяет Ленинградская область, в численности городского населения которой, численность населения выбранных городов составляет 36,2%. Далее, в порядке возрастания представительности по численности городского населения в отобранных городах идут Ставропольский край (45,9%) и Ханты-Мансийский автономный округ (48,2%), лишь начиная с Тверской области (54,8%) представительность городов в региональной численности городского населения начинает плавно увеличиваться до 87,3% (Тюменская область). В этом интервале от 55 до 87% находится уровень охвата городского населения статистическим наблюдением по большинству регионов. Только в пяти субъектах РФ обследуется практически 100% городского населения: Республиках Алтай (99,7%), Калмыкия (100%) и городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь). Таким образом, относительная развитость региона, начиная с некоторого порогового значения, отрицательно влияет на представительность выбранных

для статистического наблюдения городов: по высокоурбанизированному региону с однородно распределённым населением даже 15 городов будут недостаточно репрезентативны. Таким образом, накопленная панель данных отличается не только несбалансированностью, но и дифференцированной репрезентативностью.

Средние величины анализируемой панели данных – среднее арифметическое, мода и медиана – слабо отличаются друг от друга, что характерно как для страны в целом, так и для макрорегионов, например, ДФО (табл. 1). Распределение значений ИСЖ приближается к нормальному, на что указывают небольшие относительно средних величин и год от года снижающиеся стандартное отклонение, дисперсия, коэффициенты асимметрии и эксцесса. Это означает сближение уровней цен в регионах России, в том числе внутри ДФО. Оно происходит за счёт роста уровней цен в городах с низким ИСЖ и уменьшения цен в городах с высоким значением индекса [1, с. 83]. Ценовая ситуация в городах ЦФО служит иллюстрацией первого случая (в 2009–2019 гг. средний ИСЖ увеличился с 0,93 до 0,97 раза), а ценовая ситуация в городах ДФО – второго (средний ИСЖ снизился с 1,29 до 1,22 раза)¹. Такое развитие ценовой ситуации названо «тенденцией к конвергенции уровней цен в российских городах» [1, с. 84].

Таблица 1

Описательная статистика массива ИСЖ в разрезе территорий и временных рядов

Показатель	РФ				ДФО			
	2009	2014	2019	2009–2019	2009	2014	2019	2009–2019
Среднее арифметическое	1,00	1,01	1,00	1,00	1,29	1,25	1,22	1,25
Стандартная ошибка	0,01	0,01	0,01	*	0,05	0,04	0,03	0,01
Медиана	0,94	0,96	0,97	0,96	1,24	1,21	1,19	1,21
Мода	0,91	0,91	0,98	0,89	1,12	1,37	1,11	1,12
Стандартное отклонение	0,21	0,17	0,14	0,17	0,30	0,22	0,20	0,23
Дисперсия выборки	0,04	0,03	0,02	0,03	0,09	0,05	0,04	0,05
Коэффициент эксцесса	7,33	4,65	5,06	5,98	2,15	0,98	0,47	2,01
Коэффициент асимметрии	2,28	1,88	1,86	2,00	1,14	0,71	0,75	1,01
Минимальное значение	0,74	0,77	0,73	0,70	0,81	0,84	0,90	0,81
Максимальное значение	2,28	1,89	1,78	2,28	2,28	1,89	1,78	2,28
Число наблюдений	266	272	283	3002	36	36	36	394

Примечание: * – меньше 0,01.

Источник: рассчитано по: Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj-2009-2019.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

В разных округах страны конвергенция относительного уровня цен либо имеет свои особенности, либо и вовсе имеет место дивергенция. Наблюдаемые средние величины распределения значений ИСЖ во многом обусловлены пространственной организацией статистическо-

¹ Рассчитано по: Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj-2009-2019.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

го наблюдения. Выборка населённых пунктов смещена в сторону регионов старого освоения с большой численностью и плотностью населения. Эти особенности остро проявляются при сопоставлении данных по дальневосточным городам со среднероссийской статистикой. Так, в целом по стране 64% накопленных значений ИСЖ не превышают 1 раза и удельный вес таких наблюдений с каждым годом увеличивается. В тоже время в ДФО 75% наблюдений находится в интервале от 1,01 до 1,5 раза и ещё 12% наблюдений – в интервале от 1,51 раза. Именно в ДФО расположен самый «дорогой» город Билибино, в котором уровень цен, в среднем за 2009–2016 гг., вдвое превышал средний уровень по стране, а в 2009 г. по данному населённому пункту зафиксировано абсолютно рекордное значение индекса – 2,28 раза¹. Далее идут г. Анадырь со средним за исследуемый период ИСЖ равным 1,67 раза, г. Петропавловск-Камчатский и пгт. Палана (1,62 раза), г. Сусуман (1,42 раза), г. Магадан (1,41 раза)².

Динамика ИСЖ по дальневосточным городам совпадает с общероссийской тенденцией: «дорогие» города «дешевеют». Выраженный отрицательный линейный тренд ИСЖ в 2009–2019 гг. фиксируется по следующим городам: Анадырь, Билибино, Зея, Комсомольск-на-Амуре, Корсаков, Оха, Палана, Петропавловск-Камчатский, Поронайск, Тында, Уссурийск, Хабаровск, Южно-Сахалинск. Однако такой тренд не свойственен ряду городов, где стоимость жизни в среднем остаётся на одном уровне по сравнению со средним по стране: Зырянка, Магадан, Мирный, Нерюнгри, Николаевск-на-Амуре, Олёкминск, Северобайкальск, Сусуман, Усть-Нера, Усть-Омчуг, Якутск. Также стоимость жизни относительно снижается в «недорогой» Чите: в течение периода наблюдения ИСЖ по населённому пункту снизился с 1,05 до 1 раза. Относительно «дешёвые» города региона «дорожают» также немассово. К таким населённым пунктам можно отнести Агинское, Благовещенск, Краснокаменск, Селенгинск, Спасск-Дальний, Улан-Удэ и Читу. Стоимость жизни в них, как правило, не выше, чем в среднем по стране. При этом выраженный положительный тренд ИСЖ в 2009–2019 гг. фиксируется лишь по Агинскому и Краснокаменску: по первому населённому пункту показатель вырос с 0,96 до 1,06 раза, по второму – с 0,81 до 0,91 раза. Таким образом, помимо предшествующей траектории на стоимость жизни в городах страны влияет целый комплекс факторов, что не позволяет считать «среднестатистическую» тенденцию к конвергенции устойчивой.

Сравнительные преимущества и недостатки показателей относительного уровня цен

Существует мнение, что в качестве измерителя относительного уровня цен в субъектах РФ предпочтительнее применять ИСЖ, а так как различия в значениях ИСЖ и индекса фиксированного набора (ИФН) не принципиальны³, последний может служить заменой ИСЖ [1, с. 94].

Однако объективные недостатки ИСЖ проявляются на этапе прикладного статистического анализа (*табл. 2*). В первую очередь, это закрытость данных о стоимости корзины ИСЖ. Во вторую, желание получить объективный пространственный индекс относительного уровня цен противоречит сложившейся системе статистического наблюдения за ценами в регионах. В результате снижается точность оценок как по наименее, так и по наиболее развитым территориям РФ.

¹ На противоположном крае находится ценовая ситуация в Балашове (Саратовская область) – самом «дешёвом» городе страны: средний за 2009–2019 гг. ИСЖ по данному населённому пункту равен 0,76 раза.

² Кроме того, по г. Певеку средний за 2018–2019 гг. ИСЖ равен 1,77 раза. Источник: рассчитано по: Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj-2009-2019.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

³ Авторы анализируют 2009–2015 гг.

Таблица 2

Сравнительная характеристика индексов, применяемых
для оценки относительного уровня цен

Параметр	ИПЦ	БИПЦ	ИСЖ	ИФН	ИМН
Статус методологии расчёта	Официальная	Официальная	Официальная (по городам); исследовательская (по регионам)	Исследовательская	Исследовательская
Формула расчёта	Отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в ценах текущего периода к его стоимости в ценах предыдущего периода		Отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг по городу (региону) к его стоимости в среднем по стране		
Количество товаров и услуг в потребительской корзине	505	400	275	83	33
Структура (веса) потребления товаров и услуг	Специфична для каждого региона, изменяется на основе данных о потребительских расходах за два смежных года, предшествующих отчётному		Аналогична для каждого города, изменяется на основе данных о потребительских расходах за год, предшествующий отчётному	Аналогична для каждого региона и года	
Объект наблюдения	Субъекты РФ	Субъекты РФ	Города	Субъекты РФ	Субъекты РФ
Период наблюдения	Месяц	Месяц	Год	Месяц	Месяц
Публикация стоимости потребительской корзины	Нет	Нет	Нет	Да	Да
Год первой публикации	1992	1992	2009	2002	1992

Источник: составлено автором.

Согласно Официальной методологии наблюдения за ценами структура (веса) потребления товаров и услуг в ИФН и индексе минимального набора (ИМН) стабильна как во времени, так и в пространстве, что делает эти показатели эффективными дефляторами на коротком временном интервале. Существенным достоинством данных индексов является публикация стоимости потребительских корзин. Вместе с тем продуктовая ограниченность корзин ИФН и ИМН совместно с постоянством структуры потребления товаров и услуг делает оценки относительного уровня цен, сформированные на их основе неэффективными в анализе длинных временных рядов. Постоянные (условные) веса не могут отразить реальные объёмы потребления товаров и услуг. В тоже время веса в ИСЖ соответствуют реальной структуре потребительских расходов населения на совокупность товаров и услуг, входящих в корзину, а ежегодное обновление весов позволяет учесть изменения в структуре потребления [1, с. 90].

Так насколько объективен тезис [1], что ИСЖ может заменить оценки относительного уровня цен, основанные на стоимости фиксированного и минимального наборов? Для ответа на этот вопрос необходимо решить две задачи:

Первая. Пересчитать городские значения ИСЖ в региональные.

Вторая. Рассчитать годовые значения ИФН и ИМН по формуле, аналогичной формуле расчёта ИСЖ.

Региональные значения ИСЖ могут быть рассчитаны как средние значения индексов городов, в которых осуществляется статистическое наблюдение за потребительскими ценами, взвешенные на долю численности населения этих городов в общей численности населения региона. Такой подход следует из Методологических рекомендаций по расчёту ИСЖ и апробирован в исследованиях [1, с. 81].

Годовые значения ИФН и ИМН могут быть рассчитаны как отношение среднегодовой стоимости соответствующего набора в регионе в среднем за год к его среднегодовой стоимости в среднем по РФ. В свою очередь среднегодовые стоимости наборов могут быть определены как средние арифметические месячных значений.

Рассмотрим результаты расчётов региональных годовых индексов относительного уровня цен (ИСЖ, ИФН, ИМН) по дальневосточным субъектам РФ и г. Москве (*рис. 1, 2*). Очевидно, что далеко не во всех случаях ИСЖ тождественен ИФН, хотя значения индексов коррелируют. По Забайкальскому и Камчатскому краям средняя за 2009–2019 гг. разница между значениями ИСЖ и ИФН, выраженными в процентах, составляет как минимум 10 п. п. В Забайкальском и Камчатском краях, Магаданской области и Еврейской автономной области расчётные значения ИСЖ и ИФН не пересекаются. Главным образом это обусловлено устойчивыми региональными различиями в относительных ценах товаров и услуг. Если в Забайкальском крае относительная стоимость набора из 275 наименований, входящих в расчёт ИСЖ, регулярно превышает относительную стоимость перечня товаров и услуг из 83 наименований, входящих в ИФН, то в Камчатском крае, Магаданской области и Еврейской автономной области наблюдается обратная ситуация: приобрести 83 наименования наиболее необходимых товаров и услуг здесь относительно дороже, чем набор из 275 наименований. Таким образом, положение малоимущих групп населения данных регионов, уровень потребления которых связан с ограниченным перечнем товаров и услуг, осложнено фактором ценообразования.

Ценовой разрыв между Дальним Востоком и остальной территорией России ещё более ярко проявляется в расчётных значениях ИМН. Относительная стоимость минимального продуктового набора в дальневосточных регионах значительно превосходит ИСЖ. Так, по Амурской области среднее за 2009–2019 гг. превышение ИМН над ИСЖ составило 10 п. п., Забайкальскому краю – 12 п. п., Еврейской автономной области – 13 п. п., Сахалинской области – 16 п. п., Приморскому краю – 19 п. п., Республике Саха (Якутия) – 29 п. п., Магаданской области – 36 п. п. и Чукотскому автономному округу – 83 п. п. Разрыв наиболее существенен по северным регионам, что обусловлено высокими транспортными издержками производства и доставки продовольственных товаров. При этом четверть позиций, включённых в условный (минимальный) набор продуктов питания, не входит в расчёт БИПЦ и является объектом государственного регулирования главным образом в форме установления предельных наценок. Однако данное обстоятельство не исключает устойчивой дивергенции относительного уровня цен, измеренного ИМН. Тенденция к конвергенции прослеживается только по Сахалинской области, где в 2009–2019 гг. ИМН снизился с 167 до 139%, оставаясь при этом на достаточно высоком уровне.

При решении исследовательских задач важно учитывать, что ИМН, ИФН и ИСЖ представляют собой пространственные индексы, отражающие разные аспекты ценообразования в регионах, по сути, характеризующие многообразие социально-экономических процессов. Аналитическая ценность пространственных индексов наиболее ярко проявляется на примере

г. Москвы, по которому значения ИМН, ИФН и ИСЖ на протяжении десятилетия изменяются параллельно (не пересекаясь друг с другом), но одновременно указывают на сохраняющуюся либо увеличивающуюся дивергенцию уровня цен по сравнению с остальной страной. Можно предположить, что по мере развития региональных рынков товаров и услуг аналитическая ценность ИМН, ИФН и ИСЖ также будет возрастать.

Рис. 1. Региональные годовые индексы относительного уровня цен в дальневосточных субъектах РФ, раз

Источники: рассчитано по: Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31481> (дата обращения: 01.06.2020); Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31052> (дата обращения: 01.06.2020); Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj-2009-2019.pdf (дата обращения: 01.02.2020); База данных показателей муниципальных образований URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 01.02.2020).

Рис. 2. Региональные годовые индексы относительного уровня цен в субъектах РФ, раз

Источники: рассчитано по: Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31481> (дата обращения: 01.06.2020); Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31052> (дата обращения: 01.06.2020); Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj-2009-2019.pdf (дата обращения: 01.02.2020); База данных показателей муниципальных образований URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 01.02.2020).

Заключение

Индекс стоимости жизни является единственным пространственным дефлятором, отражающим относительный уровень цен в экономическом пространстве России на уровне городов. Важно, что структура потребления, учитываемая в расчёте показателя, соответствует реальной структуре потребительских расходов населения по совокупности товаров и услуг. Это позволяет получать более детализированные и точные оценки региональных уровней цен по сравнению с прочими ценовыми индексами, а значит выполнять более корректные сопоставления стоимостных показателей по регионам.

Однако результаты расчёта ИСЖ, публикуемые Росстатом, неоднородны по географическому охвату и репрезентативности в части региональных данных. Худшая репрезентативность результатов характерна для самых отсталых регионов позднего освоения и развитых регионов с равномерно распределённым городским населением. По мере возрастания поляризации социально-экономического уровня регионов страны и перемещения экономически активного населения из менее развитых территорий в более развитые, репрезентативность ИСЖ (как пространственного индекса) будут снижаться. Индекс не следует рассматривать в качестве «точного» показателя относительного уровня цен в регионах [1, с. 90].

Индексы, рассмотренные в работе (стоимости жизни, фиксированного и минимального наборов товаров и услуг) не являются взаимозаменяемыми. Речь идёт о самостоятельных показателях, характеризующих различные социально-экономические процессы. При росте доходов и развитии региональных рынков товаров и услуг аналитическая ценность каждого из них будет усиливаться. В текущей ситуации пространственный индекс, основанный на стоимости условного (минимального) набора товаров и услуг наиболее актуален для анализа развития депрессивных регионов.

Благодарности

Автор благодарен д-ру экон. наук, профессору РАН Найдено С.Н. за конструктивную критику и профессиональные комментарии.

Список литературы

1. Глуценко К.П., Карандашова М.А. Уровни цен в российских регионах // Регион: экономика и социология. 2017. № 2 (94). С. 76–103.
2. Козлова М.А. Временной индекс стоимости жизни: от формирования концепции до практических расчётов // Статистика и экономика. 2018. Т. 15. № 5. С. 63–72.
3. Козлова М.А. Теоретические аспекты экономической статистики: индекс потребительских цен vs индекс стоимости жизни // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 368–377.
4. Малкина М.Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и «социального благополучия» регионов РФ // Вопросы регулирования экономики. 2015. Т. 6. № 4. С. 111–119.
5. Никитина Н.И. Индекс стоимости жизни как направление усовершенствования индекса потребительских цен // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2007. № 1. С. 25–53.
6. Перевышин Ю.Н., Синельников-Мурылёв С.Г., Трунин П.В. Факторы дифференциации цен в российских регионах // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 3. С. 361–384.
7. Толмачёв М.Н., Барашов Н.Г., Латков А.В. К проблеме межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 266–273.

8. Шахабов И.В., Мельников Ю.Ю., Смышляев А.В. Динамика изменений оплаты труда врачей и индекса стоимости жизни в Российской Федерации // Научное обозрение. Экономические науки. 2020. № 3. С. 72–76.
9. Abraham K. Toward a Cost-of-Living Index: Progress and Prospects // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 1. Pp. 45–58.
10. Berkowitz D., DeJong D., Husted S. Quantifying Price Liberalization in Russia // Journal of Comparative Economics. 1998. Vol. 26. № 4. Pp. 735–760.
11. Cecchetti S., Mark N., Sonora R. Price Index Convergence Among United States Cities // International Economic Review. 2002. Vol. 43. № 4. Pp. 1081–1099.
12. Ceglowski J. The Law of One Price: Intrnational Evidence for Canada // Canadian Journal of Economics/Revue canadienne d'economique. 2003. Vol. 36. № 2. Pp. 373–400.
13. Hill R. Constructing Price Indexes Across Space and Time: The Case of European Union // American Economic Review. 2004. Vol. 94. № 5. Pp. 1379–1410.
14. Parsley D., Wei S. Convergence to the Law of One Price Without Trade Barriers or Currency Fluctuations // The Quarterly Journal of Economics. 1996. Vol. 111. № 4. Pp. 1211–1236.
15. Rippl D. The First Hundred Years of the Consumer Price Index: A Methodological and Political History // Monthly Labor Review. 2014. Issue 4.
16. Yazgan M.E., Yilmazkuday H. Price-Level Convergence: New Evidence from US Cities // Economics Letters. 2011. Vol. 110. № 2. Pp. 76–78.

References

1. Gluschenko K.P., Karandashova M.A. Price Levels Across Russian Regions. *Region: ekonomika i sotziologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2017. No. 2 (94). Pp. 76–103. (In Russian)
2. Kozlova M.A. Temporal Cost-of-Living Index: From the Generation of Conception to the Applied Assessment. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics]. 2018. Vol. 15. No. 5. Pp. 63–72. (In Russian)
3. Kozlova M.A. Theoretical Aspects of Economic Statistics: Consumer Price Index Vs Cost-of-Living Index. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 368–377. (In Russian)
4. Malkina M.Yu. Study of the Factors of Interregional Convergence/Divergence in Real Incomes and «Social Well-Being» of Russian Regions. *Voprosy regulirivaniya ekonomiki* [Journal of Economic Regulation]. 2015. Vol. 6. No. 4. Pp. 111–119. (In Russian)
5. Nikitina N.I. Cost-of-Living Index As a Direction of Improvement of Consumer Price Index. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [Moscow University Bulletin. Series 6. Economics]. 2007. No. 1. Pp. 25–53. (In Russian)
6. Perevyshin Yu., Sinelnikov-Murylev S., Trunin P. Determinants of Price Differentiation Across Russian Regions. *Ekonomicheskij zhurnal VShE* [HSE Economic Journal]. 2017. Vol. 21. No 3. Pp. 361–384. (In Russian)
7. Tolmachev M.N., Barashov N.G., Latkov A.V. To the Problem of Estimating Inter-Regional Differentiation of Per Capita Incomes. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series. Economics. Management. Law]. 2017. Vol. 17. No. 3. Pp. 266–273. (In Russian)
8. Shakhobov I.V., Melnikov Yu.Yu., Smyshlyaev A.V. Changes in Doctor's Salaries and the Cost-of-Living Index in Russian Federation. *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki* [Scientific Review. Economic Sciences]. 2020. No. 3. Pp. 72–76. (In Russian)

9. Abraham K. Toward a Cost-of-Living Index: Progress and Prospects. *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 1. Pp. 45–58.
10. Berkowitz D., DeJong D., Husted S. Quantifying Price Liberalization in Russia. *Journal of Comparative Economics*. 1998. Vol. 26. No. 4. Pp. 735–760.
11. Cecchetti S., Mark N., Sonora R. Price Index Convergence Among United States Cities. *International Economic Review*. 2002. Vol. 43. No. 4. Pp. 1081–1099.
12. Ceglowski J. The Law of One Price: Intranational Evidence for Canada. *Canadian Journal of Economics/Revue canadienne d'économique*. 2003. Vol. 36. No. 2. Pp. 373–400.
13. Hill R. Constructing Price Indexes Across Space and Time: The Case of European Union. *American Economic Review*. 2004. Vol. 94. No. 5. Pp. 1379–1410.
14. Parsley D., Wei S. Convergence to the Law of One Price Without Trade Barriers or Currency Fluctuations. *The Quarterly Journal of Economics*. 1996. Vol. 111. No. 4. Pp. 1211–1236.
15. Rippl D. The First Hundred Years of the Consumer Price Index: A Methodological and Political History. *Monthly Labor Review*. 2014. Issue 4.
16. Yazgan M.E., Yilmazkuday H. Price-Level Convergence: New Evidence from US Cities. *Economics Letters*. 2011. Vol. 110. No. 2. Pp. 76–78.

■ ■ ■
Для цитирования:

Домнич Е.Л. Относительный уровень цен в городах и регионах: сравнительный аспект // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 94–107. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.94>

For citing:

Domnich Y.L. Relative Price Levels in Cities and Regions: A Comparative Aspect. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 94–107. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.94> (In Russian)

**МУХУДДИНОВ
Шахриёр
Муллоевич**

Аспирант

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**MUKHUDDINOV
Shakhriy
Mulloevich**

Post-graduate student

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

sasha_muhuddinov@mail.ru

УДК 332.1

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОЗИЦИЙ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье выполнен анализ инвестиций в основной капитал в ДФО за 2005–2017 гг. Модифицирована формула расчёта коэффициента инвестиционной позиции путём разнесения по времени моментов генерации потенциальных инвестиционных ресурсов в регионе и собственно инвестиций в основной капитал. Рассчитаны коэффициенты инвестиционных позиций, отражающие избыток или дефицит генерируемой прибыли для финансирования инвестиционных потребностей регионов Дальнего Востока. С помощью метода оценки направлений движения финансовых потоков между регионами Л. Мельниковой определён потенциал межрегионального перераспределения инвестиционных ресурсов.

Инвестиции, экономический рост, распределение факторов производства, Дальний Восток

ASSESSMENT OF THE INVESTMENT POSITIONS OF THE RUSSIA FAR EAST REGIONS

This article analyzes investment in fixed assets in the constituent entities of the Federation of the Far Eastern Federal District for 2005–2017. The imbalance in investment volumes and GRP growth rates is shown. The author made a modification of the method for calculating the ratio of the investment position, consisting in the timing of the moments of generation of potential investment resources in the region and directly investment in fixed assets. The coefficients of the investment position were calculated, which made it possible to show the existence of a surplus (or deficit) of generated profit to cover investment needs in the region. Using the method of assessing the direction of movement of financial flows between regions of L. Melnikova, author identified the potential extent of inter-regional redistribution of investment resources in the Far East.

Investments, economic growth, distribution of factors of production, Far East of Russia

© Мухуддинов Ш.М., 2020

Введение

Инвестиционная привлекательность Дальнего Востока остаётся одной из актуальных тем. Необходимость привлечения инвестиций обусловлена тем, что они являются важным фактором ускорения экономического роста и технического прогресса и играют важнейшую роль в поддержании и наращивании экономического потенциала региона и страны в целом. Региональный рост представляет собой процесс установления равновесия, направленный на устранение межрегиональных различий в доходах факторов производства и в факторных пропорциях [1]. В настоящей работе предпринята попытка ответить на вопрос о том, является ли доход, генерируемый регионами Дальнего Востока, достаточным источником капиталовложений в макрорегионе.

Исследования показывают, что между объёмами инвестиций и приростами ВРП существует заметная корреляционная связь [6]. С одной стороны, инвестиции в основной капитал, являясь основным элементом валового накопления, предопределяют уровень ВРП. С другой, для достижения экономического роста необходима активизация инвестиционной деятельности, мобилизация инвестиций и их эффективное использование [5].

Необходимо также отметить существование так называемого эффекта мультипликатора инвестиций. Он заключается в том, что прирост инвестиций вызывает, как правило, более значительный прирост валового продукта [4]. Данный эффект возникает в результате воздействия прироста объёмов производства в какой-либо отрасли, вызванного увеличением инвестиций, на положение и развитие в смежных отраслях региональной экономики. В результате рост занятости и доходов вызывает увеличение производства в отраслях, производящих потребительские товары [2]. Предполагается, что капитал обладает совершенной мобильностью, то есть способен переходить от одного вида использования к другому в зависимости от изменений спроса, при условии отсутствия каких-либо ограничений к такому перемещению.

Модификация формулы расчёта коэффициента инвестиционной позиции

Определение инвестиционной позиции региона основано на расчёте коэффициента, характеризующего сальдо инвестиционных взаимоотношений региона с внешним миром.

По методике Л. Мельниковой коэффициент инвестиционной позиции субъектов РФ рассчитывается по формуле [3]:

$$KIP_t^r = \frac{C_t^r / \sum_{r=1}^n C_t^r}{R_t^r / \sum_{r=1}^n R_t^r}, \quad (1)$$

где C_t^r – инвестиции в основной капитал в экономике региона r в году t ; R_t^r – потенциальные инвестиционные ресурсы (им соответствует показатель валовой прибыли и валовых смешанных доходов) региона r в году t .

Если доля региона в общем объёме капиталовложений больше, чем в совокупном объёме валовой прибыли и валовых смешанных доходов, то значение коэффициента больше единицы [3]. В соответствии с данной методикой, в зависимости от значения коэффициента инвестиционной позиции регионы относятся к одному из типов: регион-отправитель (коэффициент меньше 1) и регион-получатель (коэффициент больше 1). Показатель позволяет определить тип региона: – регион-отправитель, не осваивая финансовые ресурсы, инвестирует их в экономику других регионов; – регион-получатель, на территории которого реализуются инвестиционные проекты, обеспечивающие приток дефицитных инвестиций.

Исходя из формулы, потенциальные инвестиционные ресурсы текущего года направляются на финансирование инвестиций в основной капитал в этом же году. Но если предположить, что валовая прибыль текущего года будет направлена на финансирование инвестиций в основной капитал в следующем, то формула расчёта коэффициента инвестиционной позиции для оценки инвестиционных возможностей региона может быть модифицирована следующим образом:

$$KIP_t^r = \frac{C_t^r / \sum_{r=1}^n C_t^r}{R_{t-1}^r / \sum_{r=1}^n R_{t-1}^r}, \quad (2)$$

где R_{t-1}^r – потенциальные инвестиционные ресурсы (им соответствует показатель валовой прибыли и валовых смешанных доходов) региона r в году $t-1$.

Анализ инвестиционной деятельности в регионах Дальнего Востока в 2005–2017 гг.

Объёмы и динамика инвестиций в основной капитал¹ по дальневосточным регионам в 2005–2017 гг. представлены на [рисунках 1, 2](#). Пик инвестиционной активности наблюдался в 2011 г. в нескольких регионах: Республике Саха (Якутия), Приморском крае, Амурской и Сахалинской областях ([табл. 1](#)).

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал по дальневосточным субъектам РФ, млн рублей

Территория	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017
Республика Саха (Якутия)	121 603,5	238 702,9	297 700,8	260 154,1	241 772,5	220 522,2	386 790,0
Камчатский край	22 117,2	31 070,2	41 819,1	47 663,9	45 611,2	25 497,5	39 007,0
Приморский край	78 151,7	100 292,0	247 354,6	402 175,5	150 642,9	151 854,5	130 935,0
Хабаровский край	97 049,0	129 570,8	153 932,5	252 646,4	192 979,3	125 675,2	121 185,0
Амурская область	64 344,5	93 941,7	103 291,3	162 024,6	126 751,1	118 310,8	192 469,0
Магаданская область	15 584,0	24 855,4	28 551,4	29 827,0	47 906,4	63 766,2	43 892,0
Сахалинская область	364 678,5	299 516,3	213 414,3	314 768,1	299 206,2	325 172,3	211 815,0
Еврейская автономная область	12 493,6	14 847,5	12 986,6	31 584,4	17 479,6	13 909,8	11 042,0
Чукотский автономный округ	17 314,3	10 803,6	22 651,0	13 074,4	15 108,5	15 119,6	12 500,0

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В Республике Саха (Якутия) рост объёмов инвестиций связан с инвестиционными стратегиями крупнейших российских компаний: строительством объектов нефтепроводной систе-

¹ Все расчёты в работе выполнены по данным в ценах 2017 г.

мы «ВСТО» ОАО «Транснефть» и объектов её энергообеспечения ОАО «ДВЭУК», обустройством подземных рудников по добыче алмазов ОАО «АЛРОСА» и Талаканского НГКМ (ОАО «Сургутнефтегаз»), строительством железнодорожной линии Беркамит-Томмот-Якутск (ОАО «РЖД»). Основным источником финансирования данных инвестиционных проектов являлись привлечённые средства.

В Приморском крае такой инвестиционный «всплеск» был связан со строительством объектов к саммиту АТЭС в г. Владивостоке.

Рост объёмов инвестиций в Амурской области вызван строительством объектов нефтепроводной системы «ВСТО» ОАО «Транснефть», а также строительством железной дороги Улак-Эльга и федеральной автодороги «Амур».

В Сахалинской области 2/3 совокупного объёма инвестиций в основной капитал в 2011 г. приходились на иностранные инвестиции, из которых 95% – инвестиции в нефтегазовый сектор.

Далее наблюдается понижающаяся динамика показателя до 2016 г. включительно и только в 2017 г. – существенный рост в основном благодаря инвесторам проектов территорий опережающего развития (46 млрд рублей), а также хозяйствующим субъектам, получающим федеральную субсидию на строительство объектов внешней инфраструктуры (30 млрд рублей) и инвесторам проектов в свободном порту Владивосток (16,5 млрд рублей). От общего объёма прямых иностранных инвестиций, привлечённых в 2017 г. в экономику РФ, 26% – пришлось на территории ДФО¹. Дальний Восток стал абсолютным лидером по прямым иностранным инвестициям на душу населения в РФ.

Динамика ВРП по ДФО в 2005–2017 гг. не была однородной (рис. 1, 2), но темп роста показателя в среднем по макрорегиону составил 136,5%². Далее необходимо оценить достаточность или дефицит генерируемой прибыли для покрытия инвестиционных нужд в экономике регионов.

Рис. 1. ВРП и инвестиции в основной капитал по ДФО, млн рублей

Источник: составлено по данным Росстата.

¹ О подготовке уточнённого годового отчёта по государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» за 2017 год. URL: <https://minvr.ru/upload/iblock/aca/utochnnennyu-otchet-gp-2017.pdf> (дата обращения: июнь 2020).

² Справочно темп роста ВРП в среднем по субъектам РФ в этот период составил 137%, а темп роста инвестиций в основной капитал – 162%.

Рис. 2. Динамика ВРП и инвестиций в основной капитал по дальневосточным субъектам РФ (2017 / 2005), %

Источник: составлено по данным Росстата.

Инвестиционные позиции регионов Дальнего Востока в 2006–2017 гг.

Рассчитанные по модифицированной формуле (2) коэффициенты инвестиционных позиций регионов Дальнего Востока представлены в **таблице 2**. Практически все дальневосточные регионы относятся к получателям инвестиционных ресурсов. На протяжении нескольких лет в экономике регионов наблюдался дефицит генерируемых на территории инвестиционных ресурсов, но реализовывались инвестиционные проекты, обеспечивавшие приток инвестиций извне. Доля дальневосточных регионов в общем объеме национальных капиталовложений была больше, чем в совокупном национальном объеме генерируемой валовой прибыли и валовых смешанных доходов. Число регионов-«получателей» растёт. Так, в 2006 г. к данному типу относились шесть субъектов РФ, входящих в состав ДФО, в 2011 г. – девять, в 2017 г. – восемь. Исключением в отдельные годы являлся только Приморский край: инвестиционные ресурсы, аккумулируемые на территории, не осваивались.

С 2015 г. на Дальнем Востоке реализуются новые меры политики экономического развития (создание территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток), однако, тенденции устойчивого увеличения расчётного значения коэффициента не наблюдается ни по одному региону. Таким образом, первые три года реализации мер государственной поддержки не показали увеличения притока инвестиционных ресурсов из-за пределов Дальнего Востока.

Таблица 2

Коэффициент инвестиционных позиций регионов Дальнего Востока

Территория	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	0,99	1,74	1,89	2,33	1,35	1,54	1,42	1,3	1,27	1,29	1,57	1,97
Камчатский край	0,85	0,92	1,35	2,09	1,70	1,78	1,91	1,81	1,59	1,44	1,73	1,41
Приморский край	0,90	0,88	0,99	1,88	1,94	2,12	1,25	0,90	1,02	1,05	0,87	0,89
Хабаровский край	1,35	1,42	1,28	1,60	2,47	2,06	1,97	1,84	1,63	1,31	1,32	1,24
Амурская область	2,09	2,45	2,86	3,08	2,63	3,07	2,37	2,21	1,96	2,70	2,70	3,84
Магаданская область	1,12	1,75	2,07	2,42	2,01	1,59	2,21	2,69	2,93	4,24	2,06	2,09
Сахалинская область	3,82	2,29	1,39	1,38	1,08	1,23	1,06	1,20	1,37	1,43	1,16	1,00
Еврейская автономная область	1,47	1,49	1,29	1,46	2,67	2,58	2,20	1,45	1,33	1,67	1,66	1,19
Чукотский автономный округ	6,38	3,08	2,17	2,40	0,48	1,10	2,10	1,72	1,19	1,54	1,23	1,19

Источник: расчёты автора.

Заключение

Инвестиционные позиции регионов Дальнего Востока в 2005–2017 гг. характеризуются следующим образом: одни регионы укрепились в позиции «отправителя» избыточных инвестиционных ресурсов, другие – стабильно сохраняют позицию «получателя»: инвестиции в основной капитал здесь не покрываются сгенерированными инвестиционными резервами.

Дальневосточные регионы имеют разную структуру производства, а следовательно, и разные возможности для инвестирования. В экономике одних территорий преобладают растущие отрасли со стабильно высоким спросом (добыча полезных ископаемых, транспорт), в экономике других – отрасли, находящиеся в кризисе, ограниченные в возможностях привлечения инвестиций. Ввиду структурно-экономической неоднородности территорий Дальнего Востока, причины, лежащие в основе движения инвестиционных ресурсов между регионами, требуют дальнейших исследований.

Список литературы

1. Власюк Л.И., Исаев А.Г. Мобильность факторов производства в российской экономике // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 10–27. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2012.4.010-027>
2. Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 9–23. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.1>
3. Мельникова Л.В. Оценка географических направлений инвестиционных потоков // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 81–101.

4. Ройзман И.И., Гришина И.В., Шахназаров А.Г. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимодействий // Инвестиции в России. 2001. № 4. С. 7–10.
5. Сукиасян А.А. Методика оценки инвестиционного климата региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 31. С. 10–21.
6. Суспицын С.А. Восприимчивость региональных экономик к инвестициям в основной капитал // Регион: экономика и социология. 2005. № 4. С. 208–215.

References

1. Vlasyuk L.I., Isaev A.G. The Factor Mobility in the Russian Economy. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2012. No. 4. Pp. 10–27. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2012.4.010-027> (In Russian)
2. Ilyin V.A. «Crony Capitalism» – A Source of Social Inequality in Modern Russia. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2017. No. 6. Pp. 9–23. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.1> (In Russian)
3. Melnikova L.V. Assessing the Geography of Investment Flows. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2010. No. 3. Pp. 81–101. (In Russian)
4. Royzman I.I., Grishina I.V., Shakhnazarov A.G. Integrated Assessment of Investment Attractiveness and Investment Activity of Russia's Regions: The Method of Determining and Analyzing the Relationships. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia]. 2001. No. 4. Pp. 7–10. (In Russian)
5. Sukiasian A.A. Methodology for Assessing the Investment Climate of the Region. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [E-journal. Public Administration]. 2012. No. 31. Pp. 10–21. (In Russian)
6. Suspitsyn S.A. Receptiveness of Regional Economies to Investments in Fixed Capital. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2005. No. 4. Pp. 208–215. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Мухуддинов Ш.М. Оценка инвестиционных позиций регионов Дальнего Востока // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 108–114. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.108>

For citing:

Mukhuddinov S.M. Assessment of the Investment Positions of the Russia Far East Regions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 108–114. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.108> (In Russian)

■ ■ ■

Regionalistica **[Regionalistics]**

2020 Vol. 7 No. 6

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *O.M. Prokapalo,*
Doctor of Economics

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
N.V. Lomakina, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
P.A. Minakir, Academician of RAS (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.G. Polivaeva, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
I.A. Sviridenko, Candidate of science (economics) (Managing
Editor, Khabarovsk, Russia)

The Editorial Board

N.E. Antonova, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
A.B. Bardal, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
K.V. Grigoriev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
A.N. Demyanenko, Doctor of Geography (Khabarovsk, Russia)
D.A. Izotov, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
A.G. Isaev, Candidate of science (economics) (Khabarovsk,
Russia)
V.A. Kryukov, Academician of RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg,
Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.N. Leonov, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
N.P. Ryzhova, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)